

И 110
629

Инв. № 2292
Отд. _____

ЖК 4

НАБЪЗДЫ
ГАЙДАМАКТЪ

НА
ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ.

1733 — 1768.

Соч. А. Скальковскаго.

Рис. В. Козлова

Грав. С. Бонди

№ 24

ф/5

НАВЪЗДЫ

ГАЙДАМАКЪ

НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ,

ВЪ ХVIII СТОЛѢТІИ.

1755 — 1768.

«Мы того коника въ твоего пана купили,
Въ зеленой дуброви гроши получили (сосчитали),
Въ холодной крыниці могоричь записи
Подъ гнилу колоду пана пидкотили».

Гайдамацкая пѣсня съ 1768.

КАРАИ-БИТИКЛИГИ
СОЧИНЕНІЕ
КАРАИМСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Основана въ 1916 году
Гахамъ Сорайя

А. СКАЛЬКОВСКАГО.

Одесса,

Инв. № 2207

Отд. 4

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1845.

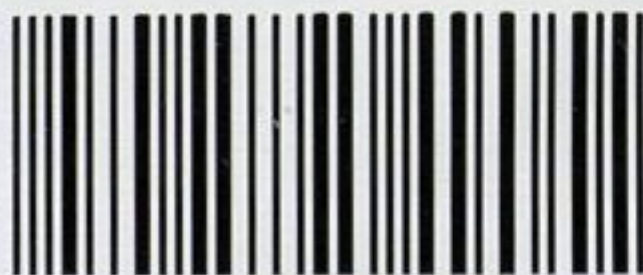
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 22-го
Ноября 1844 года.

Ценсоръ К. Зеленецкій.

9-1250-44

2007080485

Его Превосходительству,

Милостивому Государю,

Ивану Ивановичу

ФУНДУКЛЕЮ,

*Господину Кіевскому Гражданскому Губернатору
Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и разныхъ
орденовъ Кавалеру,*

посвящаетъ

СОЧИНТЕЛЬ.

5
Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Вашему Превосходительству угодно было поручить мнѣ собрать нѣсколько историческихъ фактовъ и документовъ о Западной Украинѣ, часть которой, т. е. Кіевская губернія, **ВЫСОЧАЙШЕ** ввѣрена Вашему управленію.

Исполняя Ваше желаніе, я нашелъ, что однимъ изъ любопытнѣйшихъ событій того края есть появленіе въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Гайдамакъ, этихъ неразгаданныхъ досель сухопутныхъ пиратовъ, имѣвшихъ свою цѣль, свое вѣрованіе, фанатизмъ и даже какое-то правильное устройство. Я рѣшился заняться преимущественно этимъ предметомъ и воспользовавшись служебными порученіями въ 1842 году въ Подольской и Кіевской губерніяхъ, посетилъ нарочно многіе города и села, прославившіеся Гайдамацкими набѣгами, какъ-то: Лисянку, Чигринъ, Бѣлую-Церковь и въ особенности Умань,

которой разореніе въ 1768 году, приобрѣло громкую и печальную извѣстность.

Составивъ такимъ образомъ это повѣствованіе, я честь имѣю посвятить его Вамъ и поручить Вашему покровительству. Если изложеніе и трудъ мой не совсѣмъ удовлетворятъ Ваше ожиданіе, то надѣюсь, что занимательность и оригинальность предмета извинятъ ошибки или недостатки самага сочиненія.

Примите увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и искренней благодарности,

А. СКАЛЬКОВСКІЙ.

НАЪЗДЫ ГАЙДАМАГЪ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ.

1733 — 1768.

ВВЕДЕНІЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мало найдется въ Россіи читателей, которые-бы не слыхали или не читали чего-либо о *Гайдамакахъ*, объ этихъ особаго рода сухопутныхъ пиратахъ, которыхъ имя сдѣлалось наконецъ поруганіемъ, а подвиги предавались жестокимъ казнямъ, какъ преступленія. Но мнѣ до сихъ поръ немного удалось встрѣтить подлинныхъ, а тѣмъ болѣе современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ. Ученые издатели пѣсень Украинскихъ *Максимовичъ* и *Срезневскій*¹, снискавшіе уже себѣ

¹ *Украинскія Народныя пѣсни*, изд. М. Максимовичемъ. Москва, 1834 г. *Запорожская Старина*, П. С. Харьковъ, 1833.

почетное имя на поприщѣ бытописанія и, знающіе очень близко языкъ и исторію Малороссіи, оба согласны въ значеніи слова «Гайдамакъ» и утвердительно опредѣляютъ ихъ бытъ и происхожденіе. Позволяемъ себѣ выписать здѣсь мнѣніе и того и другаго.

«Гадамаками», говоритъ г. Максимовичъ, «сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга, а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *брѣдники* Молдавскіе. Впослѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ-же Запорожцевъ называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово козакъ было бранное, особенно у Турковъ. Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: гайдамакъ слово Татарское; употребительное также у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошелъ, гуляй; *макъ* окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ, слово *гайда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай*, гуляка (откуда и слово гультайство)». (У. Народ. П., стр. 66).

Г. Срезневскій опредѣливъ значеніе *луговъ* Украинскихъ и *Великаго Луга* (полуострова), образованнаго протоками Днѣпра вблизи нынѣшняго Никополя, а Запорожскаго *Никитина Перевоза*, такъ го-

ворить: «Преданіе народное, согласное съ лѣтописями, повѣствуетъ, что сіи луга были первоначальнымъ лѣтнимъ стойбищемъ козаковъ, что и дало имъ названіе Запорожцевъ. Впослѣдствіи времени, когда козаки подвинулись къ сѣверу, а современемъ начали расселяться по Украинѣ, луга сіи достались въ удѣлъ Гайдомакъ, т. е. лѣсныхъ разбойниковъ, собственно лѣсныхъ жильцевъ. Имя Гайдомакъ носили и тѣ Запорожцы, кои жили въ лѣсахъ, по лѣвому берегу Днѣпра, около пороговъ; однако не долго, не далѣе какъ до Хмѣльницкаго. Разбойники-Гайдомаки существовали до конца прошлаго столѣтія, переселившись по большей части на Самарь, Псель и другія рѣки впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ Лугахъ, стали извѣстны подъ именемъ *Лугарей*, и производили ужасныя грабежи и пр.» (З. С., стр. 46 и 47).

Не смотря на искреннее уваженіе, питаемое мною къ глубокимъ свѣденіямъ объ Украинѣ ученыхъ писателей, мною приведенныхъ, я позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя замѣчанія.

1. Не знаю, гдѣ нашелъ г. Максимовичъ свѣдѣніе, что Запорожцы сами себя когда-то называли Гайдамаками. Намъ это не случалось ни гдѣ видѣть, ни въ *исторіяхъ* Малороссіи и Украины, ниже въ собственныхъ Запорожскихъ бумагахъ, которыхъ цѣлыя тысячи имѣемъ предъ глазами. Запорожцы называли себя всегда: «Запорожскими Козаками», «войскомъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскимъ», «Е. И. В.

славнымъ войскомъ Запорожскимъ Низовымъ», «Рыцарствомъ Запорожскимъ», «Товариствомъ», «добрыми Молодцами, братчиками», и пр. и пр. Но никогда не именуютъ себя Гайдамаками. Развѣ въ пѣсняхъ встрѣчается это слово, но въ смыслѣ подобномъ тому, какъ храбрецы и теперь величаютъ себя разбойниками, головорѣзами, или какъ Персіяне (по свидѣтельству Хаджи-Бабы) называютъ себя железодами, а Турецкаго Султана кровопійцею. Даже и Поляки не называли такъ Запорожцевъ. Разверните любую лѣтопись, исторію, *Opisania*, *Ordynacyje*, конституціи, статуты, т. е. королевскія повелѣнія, *Uchwały sejmów*, (постановленія сеймовъ), универсалы Гетмановъ, ординансы региментаровъ и пр., вездѣ Запорожцы называются или *guscerstwo Ukrainne i Ruskie*, Е. К. В. войско Низовое Запорожское, или-же въ эпохи мятежей и тяжелыхъ съ ними войнъ и бѣдствій для Польши, сія послѣдняя и офиціально и частно именовала ихъ Запорожцами, Низовцами, Нижемъ, (т. е. Низовьемъ), Сичею, козацтвомъ, *chłopstwo*, (мужицтво) даже, по сколько знаемъ, никогда ихъ не называли Поляки Гайдамаками, развѣ въ пасквильныхъ запискахъ, подобныхъ книгѣ *О. Китовича*, впрочемъ весьма любопытной, и т. п. пристрастныхъ и одностороннихъ сочиненіяхъ, а не въ серьезномъ, офиціальномъ языкѣ.

2. Мы не ориенталисты, но слышали отъ ориенталистовъ и на нихъ ссылаемся, что козаками, Турки и самые Татары называютъ своихъ-

же степныхъ легкихъ всадниковъ , непременно свободныхъ и кочевыхъ, каковы: Киргизъ-Козаки, Ногайцы, Калмыки и Черкесы. Но козаковъ-Русскихъ, т. е. Запорожцевъ называли всегда *Боткалы* или *Буткалы* (сбродъ), а Донцевъ раскольниковъ, что нынѣ Некрасовцы, величали *Игнатъ-Козаками*. Читатели наши легко это найдутъ во всѣхъ договорахъ Россіи съ Турціею и Крымомъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской имперіи.

3. Знатоки Турецкаго языка, въ Одессѣ гг. Фонтонъ, Негри, Борзенко и Григорьевъ говорятъ, что слово Гайдамакъ вовсе не Турецкое и не Татарское. Слово *гайда!* употребляемое Крымскими Татарами не есть глаголь и не значить пошелъ, но скорѣе междуметіе и восклицаніе въ родѣ Русскаго: ну! Изъ чего и трудно заключить, чтобы Поляки и Украинцы XVII и XVIII столѣтій, составили изъ этой частицы слово гайдамакъ, для изображенія, бродника, бродяги или разбойника. Въ Польшѣ употреблялось слово *гайда*, но какъ значеніе слова бѣглеца, безпаспортнаго, *włósega*, но не разбойника вооруженнаго пикой и ружьемъ.

4. Равнымъ образомъ постигнуть не можемъ какъ г. Срезневскій, знающій исторію Запорожья, его географическіе раздѣлы на паланки, и слѣдственно топографію степей нашихъ, могъ сказать: что Гайдамаки цѣлымъ обществомъ жили на лѣвомъ берегу Днѣпра (почти въ Протовчанской и

по моему мнению гайдамаки
 были казаками

Калміусской паланкахъ) и еще до Хмѣльницкаго! Чтобы они послѣ селились *гласно* на Самарѣ и Пселѣ, — т. е. рѣчкамъ, текущимъ въ лучшихъ частяхъ Запорожья и Украины, гдѣ уже въ XVII столѣтіи были богатые села и множество зимовниковъ, видѣнныхъ Бопланомъ. Даже Гайдамакъ не былъ исключительно лѣсный житель, ибо онъ подобно хищнымъ звѣрямъ, водился вездѣ и въ Сѣчи и въ селахъ и въ уединенныхъ хуторахъ; — а еще больше на устьяхъ большихъ рѣкъ, на берегу лимановъ, какъ мы это увидимъ ниже, изъ собственнаго сознанія Гайдамакъ, и какихъ Гайдамакъ, — простыхъ и грубыхъ, участвовавшихъ въ самой кровавой сценѣ Гайдамацкаго быта, оставившей послѣ себя неизгладимую память въ народѣ, въ Уманскомъ мятежѣ!

Ктожь такіе были эти Гайдамаки, извѣстные всему міру изъ исторій, пѣсень и даже романовъ¹; которыхъ старики наши сами если не видали лично, то вѣрно боялись, если жили въ южныхъ губерніяхъ Россіи, или въ пограничныхъ воеводствахъ, «Свѣтлѣйшей и найяснѣйшей речипосполитой Польской?». Отвѣтъ нашъ будетъ если не

¹ Знающимъ Польскій языкъ рекомендуемъ превосходные повѣсти г. *Михаила Грабовскаго*, напечатанныя въ Вильнѣ: 1) *Koleszczyzna i Stepy* (Колывщина и Степи), переведенныя по Русски и помѣщенные въ № 4 Москвитянина 1842 г. *Stаница Hulajpolska*. Вильно, 1841, 5 частей (Станица Гуляйпольская), т. е. форпостъ въ м. Злотополѣ Кіевской губерніи, принадлежащемъ теперь г. Лопухину.

удовлетверителенъ, то очень ясный; что значитъ этимологически и археологически слово *Гайдамакъ*, мы также не знаемъ, какъ не знаемъ, что такое слова: *козакъ*, *курганъ*, *Русь* и много подобныхъ. Но гдѣ явились, какъ дѣйствовали и какъ исчезли Гайдамаки? исторія знаетъ, и мы ея поклонники, собравъ небольшой запасъ достовѣрныхъ свѣденій, предлагаемъ объ нихъ отечественному бытописанію нѣсколько словъ истины.

Мы думаемъ, что самое лучшее опредѣленіе если не слова «Гайдамакъ», то ихъ происхожденія, сдѣлано Запорожцами въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда въ 1749 году для рѣшенія взаимныхъ неудовольствій и распрей между Запорожьемъ и Ногайскими Татарами, учреждена была со стороны Россіи и Крыма особая Коммиссія¹, то козаціе депутаты, на упрекъ и обвиненія Крымскихъ коммиссаровъ, говорили въ защиту своего товарищества слѣдующее: «Татарамъ обиды не Запорожскіе козаки причиняютъ, но такіе люди, кои ни въ Малой Россіи, ни въ войскѣ Запорожскомъ не служатъ; а уповательно, подъ претекстомъ Запорожскихъ козаковъ сіе чинятъ *Польскіе Гайдамаки* и гультай шатающіеся по степамъ и кромѣ степа, никакого пристанища себѣ не имѣютъ; и такъ на Запорожскихъ козаковъ токмо слава и напрасное нарѣканіе слѣдуетъ». 2) Когда

¹ См. мои: «Сношенія Запорожья съ Крымомъ». Одесса, 1841, стр. 10.

неистовства Гайдамаковъ въ Умани и другихъ Польскихъ южныхъ городахъ, вызвали противу нихъ строгость и нашего правительства, имѣвшаго подозрѣніе на участіе Запорожцевъ; Кошевой атаманъ на запросъ высшей власти: какіе люди Польшу грабятъ? — далъ отвѣтъ: что тѣ Гайдамацкія шайки не суть Запорожское войско, « а по слухамъ вышли отъ *аргатующихъ* (*иргетъ* по-« деньщикъ) въ Очаковѣ людей, Польскихъ мужи-« ковъ и винокуровъ, — которыми предводитель-« ствовало нѣсколько ватажковъ изъ Запорожскихъ « воровъ и *самосбройцевъ* (негодяевъ) ».

Вотъ очень ясные доводы, что люди преступные и жестокіе, извѣстные подъ названіемъ Гайдамаковъ, не были никогда особымъ обществомъ, никогда особыхъ жилищъ въ Запорожскихъ земляхъ не имѣли и никогда имя ихъ не означало имени « славнаго Запорожца ». Бѣглецы изъ разныхъ Славянскихъ земель, скрывшіеся въ Запорожьи отъ преслѣдованія закона, хотя принимали новыя имена и записывались по куренямъ, приносили присягу вѣрности престолу Русскихъ Монарховъ, и войску Запорожскому, но не желая исполнять трудной и опасной службы военной или пограничной, были истинными виновниками Гайдамацтва. Они то изъ корысти или личныхъ обидъ, дѣлались предводителями, т. е. *ватажками* простыхъ и грубыхъ козаковъ или подобныхъ-же себѣ бродягъ, и подъ предлогомъ ненависти къ латинскимъ католикамъ и бусурманамъ, занимались

грабежемъ и разбоемъ въ Крыму, Польшѣ, Молдавіи. Такіе Гайдамаки XVIII столѣтія мало чѣмъ рознились отъ обыкновенныхъ грабителей XVII вѣка и ихъ-то *подвиги* покрыли срамомъ храброе, хотя и полубразованное Низовое общество, оказавшее столько услугъ Русскому міру. Предводители такихъ шаекъ сперва, нѣтъ сомнѣнія, подымали оружіе на Поляковъ какъ на враговъ своей вѣры и родины; ихъ славные подвиги хотя и сопровождаемые жестокостью, но облагороженные святою цѣлію защиты церкви Православной, воспѣла народная поэзія Украины. Но въ XVIII столѣтіи, когда Россія приняла навсегда Запорожье подъ свою Державу, когда слѣдственно Польское Правительство ни само, ни чрезъ свое дворянство не могло дѣлать угнетеній козачеству, — этотъ благородный предлогъ исчезъ, — но Гайдамацтво не прекратилось, ибо не укротилось молодечество и алчность ватажковъ. Они вооружались просто для разбоя и грабежа изъ видовъ одной корысти, но свои ватаги увѣряли въ противномъ и, такимъ образомъ кровавыя сцены не разъ происходили на границахъ. Такого роду было происшествіе, извѣстное въ Польской и Украинской исторіяхъ подъ названіемъ *Колывщины* и *Уманской рѣзни* (Koleszczyzna, Rzeź Humańska), бывшей въ 1768 году, о которомъ желаемъ рассказать соотечественникамъ правдивую повѣсть, основанную на современныхъ свидѣтельствахъ. Но чтобы понять взаимныя отношенія сосѣдей: Поляковъ и Козачества и раз-

гадать причины этихъ мелкихъ, но смертоносныхъ распрей, должно намекнуть кое-что и о географическо-этнографическомъ положеніи тѣхъ и другихъ; упомянуть о взаимныхъ обидахъ, гоненіяхъ и кровавыхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Источники, изъ которыхъ позаимствованы свѣденія наши довольно многочисленны и достовѣрны. Это 1) четыре сказа очевидцевъ: а) *Записки Констанціи (Вероники) Кребсовой вдовы, урожденной Младановичъ*, жившей еще въ 1831 году, которая при разореніи Умани Гайдамаками, лишилась родителей и имущества¹, б) «*Бунтъ Гайдамакъ въ Украинѣ въ 1768 году*», описанный Украинскимъ помѣщикомъ *І. Липоманомъ*, переводчикомъ *Іосифа Флавія* и сочинителемъ статьи о *Курганахъ*: («*Bunt Hajdamaków na Ukrainie въ 1768 г.*²»), с) *Уман-*

¹ Эти *Записки* помѣщены были первоначально въ польскомъ журналѣ «*Ogrodownik Naukowy*», издаваемомъ въ Познани (въ Пруссіи) въ №№ 1, 2, 3, на 1840 годъ. Но въ рукописи въ большомъ числѣ экземпляровъ, сказъ этотъ былъ давно извѣстенъ на Украинѣ; г. Яворскій, теперь уже умершій молодой помѣщикъ Кіевской губерніи, сообщилъ мнѣ это рукописное повѣствованіе въ гораздо большемъ видѣ, нежели оно напечатано. Три другіе сказа напечатаны вмѣстѣ въ книгѣ, подъ заглавіемъ: *Bunt hajdamaków na Ukrainie opisany przez I. Lipomana i dwóch bezimiennych wydany przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań 1842 года.* (*Бунтъ Гайдамакъ и пр.*, изд. *Е. Рачинскимъ*).

² Онъ былъ знакомъ съ многими очевидцами этого событія и посѣтилъ Чигринъ, Умань и Лисянку немедленно послѣ ихъ разоренія. Г. Грабовскій писалъ ко мнѣ (отъ 3 Ноября 1842), что кромѣ упомянутыхъ здѣсь 4-хъ описаній есть еще объ этомъ предметѣ много другихъ неизданныхъ, напр. въ *Запискахъ графа Адама Мощеньскаго* и много поэмъ о томъ-же; одну онъ самъ имѣлъ, но отдалъ ее графу А. Пржездѣцкому.

ская рѣзня или исторія революціи, произведенной Железнякомъ и Гонтою и проч., описанная, по мнѣнію г. Грабовскаго, о. Павломъ Младановичемъ, монахомъ ордена Піаритовъ. («Rzeź Humaniska, czyli historia rewolucij zrobionej przez Żeleźniaka i Gontę, napisana rzetelnie, wiernie i dokładnie, przez znajdującego się wtejże okropney rewolucij»). d) *Краткое описаніе рѣзни въ городѣ Умани совершенной чернью Украинскою 20/3 Іюня 1768 года*: (Opis krótki rzezi w mieście Humanii od czerni Ukrainiskiej dnia 20 miesiąca Czerwca 1768 roka działanej). Оно сдѣлано однимъ изъ монаховъ Базиліанскаго ордена (кажется *Тупчаскимъ*), принадлежащимъ къ Уманскому монастырю этого ордена, который какимъ то чудомъ спасся отъ гибели своихъ братьевъ въ то время убиенныхъ, и составилъ этотъ расказъ изъ монастырскихъ актовъ въ 1787 году. Всѣ эти расказы въ главныхъ событіяхъ совершенно съ собою сходны. 2) Многіе документы почерпнутые изъ Запорожскаго архива, которые подтверждаютъ почти вполнѣ вышеприведенныя повѣсти и записки. 3) Пѣсни и расказы простаго народа въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, сохранившіяся до-селѣ, по преданію отъ дѣдовъ и отцевъ. 4) Три Еврейскія повѣсти о томъ же предметѣ, сообщенные намъ, одна г. Штерномъ въ Одессѣ, двѣ другія въ Умани докторомъ *Абрамсономъ* и купцомъ *Берештейномъ*, которыя перевели мнѣ Одесскіе Евреи гг. *Іоахимъ Тарнополь* и молодой *Финкель*, ученики здѣшняго Еврейскаго училища. 5) Въ расказѣ самаго событія въ

Умани, мы приведемъ записки Констанціи Кребсъ какъ самыя достовѣрныя, дополняя ихъ въ нуждѣ и другими. Часть изъ приводимыхъ документовъ, въ видѣ письменныхъ доказательствъ (pièces justificatives), будутъ приложены въ концѣ, гдѣ помѣщаемъ и переводъ 4-го изъ умомянутыхъ рассказовъ какъ самаго краткаго, и кажется самаго правдоподобнаго. (Приложеніе № 15).

I.

Въ началѣ XVIII столѣтія Польское государство граничило еще широкою стѣною съ Южною Россіею, т. е. степью, гдѣ подвизались вѣрноподданные Россіи рыцари, козаки Запорожскіе. Трактаты заключенные съ Польшею при Іоаннѣ III Собѣскомъ и Августѣ II на счетъ этихъ границъ, еще въ 1749 году вновь обозначенныхъ, были соблюдаемы старательно съ обѣихъ сторонъ правительствами. Воеводы: Брацлавскій и Кіевскій, были охранителями пограничныхъ дѣлъ и сношеній со стороны Польши; Кіевскій военный губернаторъ (управлявшій г. Кіевомъ и частью Малороссіи), со стороны Россійской Имперіи. На основаніи правъ добраго сосѣдства, Русскія войска многократно переходили чрезъ Польскую межу и даже средину королевства, слѣдуя въ Турцію или Пруссію, и это нимало не нарушало обоюднаго согласія. Но на этой границѣ, Поляки встрѣчали всегда злѣйшихъ враговъ своихъ — козаковъ Запорожскихъ, и противу нихъ, равно какъ и противъ Татаръ, среди внутреннихъ смятеній,

своевольства мѣлкаго и честолюбія высшаго дворянства, не имѣли ни войскъ для защиты, ни денегъ для ихъ содержанія. Древній обычай содержать пограничную стражу посредствомъ милиціи старостовъ еще не существовалъ, и при недостаткѣ лучшихъ средствъ, *народная гвардія*, т. е. небольшіе отряды вольно-служащаго дворянства была единственнымъ спасеніемъ государства, клонившагося къ совершенному своему разрушенію.

Возьмемъ для начала нашего разказа эпоху возвращенія Запорожцевъ въ Россію, т. е. 1734 годъ, слѣдственно утвержденіе на престолѣ Польскомъ Курфирста Саксонскаго Августа III, и окончательное отреченіе отъ короны его соперника Станислава Лещинскаго. Въ это время Польша на Югѣ своихъ владѣній граничила посредствомъ воеводства Подольскаго съ Бессарабією, посредствомъ же Брацлавскаго и Кіевскаго съ Русско-Запорожскою областью, на земляхъ которой Россія постепенно устраивала крѣпостцы, села, а послѣ и цѣлыя колоніи Сербскія. Небольшія рѣчки: Синюха, Кодыма, Вись и Тясьмина составляли эту послѣднюю границу. На всемъ пространствѣ отъ Каменца Подольскаго, единственной пограничной крѣпости (только съ 1699 года и Карловицкаго трактата отъ Турціи возвращенной), до Крылова на Днѣпрѣ, правительство Польское неимѣло, можно сказать, ни одного клочка земли; ибо казенныя имѣнія, т. е. староства, всѣ были отданы вельможамъ или ихъ родственникамъ, въ награду

за истинныя и мнимыя службы и съ условіемъ содержанія на ихъ счетъ региментовъ или хоругвь (отрядовъ) кавалеріи, или пѣхоты, для защиты границъ отъ Ногайцевъ и козаковъ. Это войско съ упомянутою кавалерією народовою т. е. на свой счетъ служащимъ дворянствомъ коего часть именуемая *партія Украинская*, находилась въ упомянутыхъ выше трехъ пограничныхъ воеводствахъ, составляло всю военную силу Польши на Югѣ, и то болѣе номинальную, нежели существенную. Богатѣйшіе вельможи: Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе, Мнишехъ, князья Любомирскіе, Сангушки, Радзивиллы, Яблоновскіе, Чарторійскіе, были вмѣстѣ и старостами — оберегателями границы Украинской. Ихъ управители: въ Немировѣ, Саврани, Умани, Корсуни, Чигринѣ, Черкасахъ, Смилей, Грановѣ, Тарговицѣ, Лисянкѣ, и другихъ пограничныхъ или близкихъ къ границѣ мѣстечкахъ и селахъ, были комендантами этихъ постовъ и назывались *губернаторами*. Разумѣется всѣ они были дворяне и очень часто военные. Во всякомъ такомъ главномъ имѣніи (*włosci*) былъ родъ укрѣпленнаго господскаго дома, съ башнею и пушками, или по крайней мѣрѣ *лямусомъ* (*latus*), т. е. четверугольнымъ магазиномъ съ казармами внизу и стрѣльницами. Но въ 1750 году опасность отъ гайдамакъ сдѣлалась столь велика, — что дворянство Брацлавскаго воеводства, собравшись въ Винницѣ, опредѣленіемъ (*laudem boni ordinis*), 17 Сентября 1750 года, назначило: не ожидая помощи отъ

короны, составить милицію, которую содержать отъ дворянства¹. На основаніи этого положенія всякій помѣщикъ, въ домахъ своихъ, которые назывались замками, имѣлъ всегда цѣлый полкъ, сотню или хотя десятокъ, сообразно съ своимъ могуществомъ, конныхъ *козаковъ* (ибо такъ всегда называли это войско), одѣтыхъ въ мундиры по цвѣту (*барва, barwa*) своего герба и съ знаменами, на которыхъ изображались шифры или гербы ихъ фамилій. Кромѣ того въ самомъ концѣ XVI столѣтія, а именно конституціею 1590 года (fol. 527 tit. porządek strony Nizowców i Ukrainy), учреждены были особые *смотрители* (*dozorcy*) границъ со стороны козачества. Они зависѣли отъ гетмановъ великихъ коронныхъ, и занимались только тѣмъ, чтобы наблюдая за Запорожьемъ, о всѣхъ ихъ своевольствахъ или набѣгахъ доносить немедля правительству и принимать мѣры къ ихъ укрощенію. Послѣднимъ такимъ смотрителемъ былъ уже въ 1748 и 1749 годахъ, весьма памятный Запорожцамъ Уманскій полковникъ *Станиславъ Ортынский*, о которомъ мы упомянемъ ниже.

Со стороны Россіи, границу содержали Русскіе гарнизоны въ небольшихъ укрѣпленіяхъ *Орловскомъ* (или Орликъ нынѣ Ольвіополь) противу Богополя, *Архангелородъ* (Новоархангельскъ) противу Тарговицы, и *Крыловъ* противу мѣстечка

¹ Въ приложеніяхъ подъ № 5-мъ, помѣщаемъ отрывокъ этого *Laudum*.

сего-же имени въ Польской Украинѣ¹. Но еще болѣе берегли Русскую грань Запорожскія паланки, Бугогардовская и Ингульская, которыя отъ устья Синюхи въ Бугъ съ одной, и отъ впаденія въ него Ингула съ другой стороны, содержали по всему пространству степи: шанцы, пикеты и разѣзды, доходившіе отъ Александръ-шанца (нынѣ Херсона) до Кременчуга. Главныя Русскіе посты были въ Орликѣ и Крыловѣ.

Чтобы имѣть понятіе о вооруженіи и устройствѣ пограничныхъ Польскихъ губернаторствъ, опишемъ подробно одно, именно Уманское, какъ чаще другихъ съ Запорожьемъ сношенія имѣвшее. Всѣ наши свѣденія заимствуемъ изъ рассказовъ *Вероники Кребсз*, о которой говорили выше и изъ разныхъ фамильныхъ архивовъ, которые удалось намъ видѣть въ 1842 и 1843 годахъ. Но прежде считаемъ долгомъ сказать два слова о самомъ краѣ или такъ называемой *Уманской волости*, ибо она въ нашей исторіи и въ сношеніяхъ съ Запорожьемъ играла главную роль.

Первое извѣстіе письменное или документальное объ Умани, нашли мы въ нѣсколькихъ актахъ 1609 года. До того знаемъ только, что эти земли въ XV столѣтіи были жалованы отъ великихъ князей Литовскихъ *Семену Кошкль*, и другимъ Русскимъ дворянамъ и *землянамъ*, т. е. помѣщикамъ. Въ 1609 году, такъ называемая Уманская

¹ Всѣ эти укрѣпленія сооружены едва въ 1743 году.

пустыня (Pustynia Humańska) со всѣми къ ней принадлежащими урочищами, находившаяся, по словамъ документа, въ воеводствѣ и староствѣ Брацлавскомъ, привилегією т. е. грамотою короля Сигизмунта III, отъ 13 Мая 1609 года, пожалована старостѣ Винницкому и Брацлавскому *Валентину Александру Калиновскому*. Въ томъ же году, четыре королевскіе комиссара (gewizorcwie) пустыню эту осматривали, размежевали и сдѣланный ими *обводъ* т. е. разграниченіе оной законнымъ порядкомъ, грамотою 11 Апрѣля 1609 года былъ утвержденъ. Такое-же утверждение этой пустыни для волости постепенно давали грамоты королевскія 1618 года 26 Апрѣля, и 1642 г., 25 Марта, — сія послѣдняя Владиславомъ IV. Основываясь на этомъ *обводѣ* можно сказать, что Уманская волость занимала огромныя земли, доходившія съ одной стороны до *Синей-воды* (рѣки Синюхи) или такъ называемаго *Чернаго Шляху*, т. е. Ногайской границы; съ другой, до рѣчки Удыча впадающаго съ востока въ Бугъ; съ третьей наконецъ, до основаннаго въ 1550 году Брацлавскаго городка¹. Этотъ *Черный Шляхъ*, называется во всѣхъ документахъ двумя *Татарскими дорогами* (Drogi Tatarskie) *Криво-Саровская* или *Криво-Сарайская* и *Удыцкая*, сія послѣдняя проходила

¹ Князь *Богусъ Федоровичъ Корецкій*, воевода Волынской и проч. основалъ два замка: въ 1550 г. Брацлавскій, а въ 1572 г. Винницкій.

мимо озера Удычь, нынѣ и слѣдовъ не оставившаго по себѣ, но которое было гдѣ-то около мѣстечка Шаулихи и было окружено многими деревьями. Калиновскіе вѣроятно были первыми основателями города Умани, хотя положительнаго акта на то не имѣемъ. Имя города производятъ отъ небольшой рѣчки близъ него текущей, которая издревле называлась *Гуманкою* или *Уманкою*. Они и какъ помѣщики и какъ старосты были защитниками южныхъ границъ и вели почти постоянную войну съ Татарами и козаками. 28 Мая 1648 года *Мартынъ Калиновскій* сынъ упомянутаго Валентина, воевода Черниговскій и Гетманъ Польскій коронный, въ сраженіи съ козаками подъ Корсуномъ (Кіев. губ.) попался имъ въ плѣнъ. Въ 1654 году, войска Царя Алексѣя Михайловича, соединясь съ козаками, имѣли съ Поляками кровавую битву подъ самою Уманью, безъ пользы для обѣихъ сторонъ. Въ 1652 году, тотъ-же Калиновскій, въ сраженіи съ козаками подъ Батогомъ, лишился жизни. Въ 1672 году Умань вмѣстѣ съ частью Подольской Украины захвачена Турками и знаменитый Гетманъ Собѣссскій (въ послѣдствіи король Іоаннъ III), осадилъ этотъ замокъ и взялъ его приступомъ.

Родъ Калиновскихъ владѣлъ Уманскою пустынею, уже порядочно заселившеюся, до 1726 года. Дочь Мартына Калиновскаго *Елена* вышла за мужъ за *Якова зъ Рацибору Морштына*, воеводу Сендомирскаго, и всѣ свои отъ отца наслѣдованныя

имѣнія, въ томъ числѣ Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и 40 другихъ, передала « другу « своему и родственнику *Станиславу Потоцкому*, « стражнику коронному», — съ собственнаго его согласія, — какъ сказано въ данной. Вотъ какимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались помѣщиками въ Украинѣ и сосѣдями Запорожцевъ. До сихъ поръ они были землевладѣльцами въ Чермной Руси, въ Белзкомъ воеводствѣ, гдѣ ихъ *гнѣздомъ* былъ *Потокъ*, а резиденціею замокъ въ *Крыстынополѣ*. Другая часть имѣній Калиновскихъ, чрезъ родство съ богатѣйшимъ домомъ *Сынявскихъ*, въ томъ числѣ м. Тульчинъ, досталось также Потоцкимъ. Сынъ Станислава, *Францъ-Салезы Потоцкій*, воевода Кіевскій, былъ такимъ образомъ около 1750 годовъ, владѣтелемъ въ обѣихъ Украинахъ: Кіевской и Подольской, до 50,000 семействъ поселянъ, безмѣрныхъ земель и лѣсовъ.

Частые набѣги Татаръ (Буджацкихъ Ногаевъ), а еще болѣе гайдамакъ на Украину, были причиною, что Умань, какъ пограничный укрѣпленный городокъ, терпѣлъ многократныя нападенія, осады, штурмы, подвергался пожарамъ и грабежамъ. Въ 1760 году онъ представлялъ одни развалины и графъ Потоцкій рѣшился его отстроить и укрѣпить вновь. Мы имѣемъ довольно подробное его описаніе, сдѣланное въ 1760 году, и сообщаемъ его читателямъ въ надеждѣ, что оно обратитъ ихъ вниманіе.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

- АВСД.** Старе-място (т. е. древній Умань).
- Е.** Предмѣстіе Турокъ.
- Ф.** Атомшево или Нове-място.
- Г.** Предмѣстіе Табанка.
- Н.** _____ Лысая гора.
- І.** _____ Волково.
- К.** Мѣсто закиданнаго турками колодезя.
- Л.** Василианскій монастырь.
- М.** Католическая церковь (синагога) дымная.
- О.** Еврейская синагога.
- О.** Мѣсто табора въ 1768 г.

Маштабъ къ плану въ Англич. дюймѣхъ 250 сажо.
 250 300 150 100 50 0 250 500 шаговъ.

Городъ Умань лежащій надъ рѣкою Уманкою, на большомъ возвышеніи и огражденный со стороны предмѣстій оврагами, въ этомъ небольшомъ объемѣ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ; среди города *зѣмокъ* (zamek), т. е. господскій домъ, съ большимъ каменнымъ магазиномъ и службами, былъ еще укрѣпленъ другимъ валомъ и палисадами. На верхнемъ этажѣ магазинъ имѣлъ башню съ бойницами. Изъ зѣмка двое воротъ вели: одна въ такъ называемый *Новый-городъ* (Nowe miasto), а другая къ оврагу со стороны предмѣстія *Бабанки*. У всякихъ воротъ стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства¹. Гарнизонъ состоялъ изъ козакобъ, т. е. одного коннаго полка въ 2,000 человекъ, набраннаго изъ людей, принадлежащихъ къ имѣніямъ гр. Потоцкихъ; 5 семействъ (dymów), давали одного козака, но зато освобождались отъ всякихъ работъ и повинностей. Начальникомъ ихъ былъ полковникъ по выбору помѣщика; полкъ раздѣлялся на 3 отряда командуемые сотниками, и имѣлъ свои знамена, которые носили хорунжіе большею частью изъ дворянъ. Сотники, эсаулы и атаманы избирались изъ среди козачества, имъ самымъ. Они-то отвѣчали предъ владѣльцемъ за вѣрность и покорность войска. Остальной гарнизонъ составляли: сотня пѣшихъ козакобъ, которыхъ называли *лизнями* (liznie,

¹ Положеніе древняго города хорошо обозначено на прилагаемомъ здѣсь планѣ, литерами: А. В. С. D.

улитки); ихъ употребляли въ мирное время для службъ и посылокъ, а въ тревогу вмѣстѣ съ козаками противу гайдамакъ, въ чемъ они были очень искусны; — и 60 чел. дворянъ составлявшихъ корпусъ тѣлохранителей и внутреннюю оборону замка. Полковникъ вмѣсто жалованья получалъ какое нибудь имѣніе, въ пожизненное владѣніе; сотники, нѣсколько дворовъ съ нужнымъ числомъ земли и крестьянъ. Въ парадѣ, полку предшествовала музыка, состоящая изъ трубъ, литавръ и барабановъ; знамена въ Умани были голубыя съ изображеніемъ золотаго патріяршаго креста, герба Потоцкихъ. Войска одѣты были слѣдующимъ образомъ: кунтуши и шаравары голубые, жупаны (зипуны) желтые, *еломы* (шапки) желтые же, отороченные черными крымскими смушками. Поясы кожаные; на кожаныхъ перевязяхъ висѣли: съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, съ другой лядунка съ пулями, кремнями и пр. Ремни были украшены мѣдными бляхами у козаковъ и серебрянными у сотниковъ. Ружье, 2 пистолета и пика составляли ихъ вооруженіе; сабли, принадлежность дворянства, носили: полковникъ, сотники и хорунжіе. Лошади были одношерстные по сотнямъ. Народъ былъ отличный, говоритъ г-жа Кребсъ, видный и на такихъ лошадяхъ, что иной государь не постыдился-бы такой кавалеріи. Для пріученія козаковъ и гарнизона къ военному ремеслу, дѣлались ежегодно смотры (*popisy*), обыкновенно въ праздникъ Св. Тройцы и продолжа-

лись съ понедѣльника до пятницы. Къ этому смотру собирались всѣ сотни козаковъ и даже отдѣльныя команды, расположенныя по имѣнιάмъ. Въ зѣмкѣ была особая комната называемая *коменда*, (*komenda*, штабъ), въ которой хранились знамена, прапоры, литавры и трубы: почетный караулъ всегда стоялъ у дверей этой комнаты. Въ день смотра, знамена выносились торжественно на площадь, войска становились въ боевой порядокъ и маневры начинались. Они состояли изъ ученія, турнировъ (*gornitwy*), стрѣлянія, маршовъ и проч. Все оканчивалось пиршествомъ; всякая сотня садилась за столъ отдѣльно, подъ начальствомъ своей старшины, и тогда бандуристы своими пѣснями и думами, восхищая гостей, иногда приводили ихъ въ самое восторженное состоянiе¹.

Начальство Уманскаго зѣмка и волости (*Zwierzchność Zamkowa*), состояло изъ *коммисара*, т. е. главнаго управителя, который вмѣстѣ былъ и губернаторомъ цѣлой волости и комендантомъ города Умани; казначея (*podskarbi*), повѣреннаго по дѣламъ (*plenipotent*), и козачьяго полковника. Нѣсколько меньшихъ чиновниковъ (*officialisci*), занимались канцелярiею и службою по хозяйственной

¹ Эти пѣсни производили на козаковъ такое впечатлѣнiе, что губернаторъ Уманскiй *Младановичъ*, запретилъ бандуристамъ пѣть думы о Хмѣльницкомъ. Въ особенноти восхищались козаки пѣснею о Савѣ:

« Ой бувъ Сава въ Немировѣ
« Въ Ляхивѣ на обиди...

которая прилагается въ прилож. № 4-й.

части. Отрядомъ дворянства командовалъ поручикъ регулярныхъ войскъ, или народной гвардіи. Часть полка въ 300 чел. съ однимъ сотникомъ и знаменемъ, отправлялась на цѣлый годъ для почетныхъ карауловъ и эскорта въ *Кристинополь*, ибо тогда не только магнаты подобные *Потоцкимъ*, но и средне-богатые помѣщики, безъ гвардіи (*roczet*) не могли существовать; въ малѣйшую поѣздку, цѣлые десятки гайдуковъ и козаковъ вездѣ ихъ сопровождали. Ни одинъ коммисаръ, казначей и проч. опредѣленнаго жалованья не получалъ, но вмѣсто того пользовался по-смерть арендою, т. е. доходами отъ имѣнія на то имъ жалуемаго, которое за усердную службу, по милости помѣщика, дѣлалось иногда вѣчною собственностью вѣрнаго *дворжанина* (*dworzanin*, придворный).

Всѣ подробности сказанныя здѣсь объ *Уманскомъ* помѣстьи, съ весьма немногими переменами мундира или *барвы* (просто ливреи), гербовъ и числа милиціи, можно сказать обо всѣхъ другихъ пограничныхъ и даже внутри королевства находившихся староствахъ. Тѣ-же формы, то же управление, тѣ-же козаки и то-же вооруженіе.

Представивъ такимъ образомъ взаимное положеніе сосѣдей, ибо о *Запорожьи* сказано уже довольно подробно въ своемъ мѣстѣ¹, должно упомянуть теперь о тѣхъ сношеніяхъ, которыя происходили между ними. Сношенія эти были или

¹ *Исторія Новой Сѣчи* и проч. Одесса, 1841. 8°.

дружескія или вражьи, оба равно часты, только первыя явились гораздо позже. Сношенія непріятельскія «добраго козачества», «славнаго товариства», «славнаго войска Запорожскаго», — съ «вражьими Ляхами, съ Лядскою землею, съ католиками вовколаками», были столь-же древни, какъ само существованіе Запорожской общины. Ихъ всегда раздѣляла вѣра, языкъ и происхожденіе; не связало братство войны и шляхетства въ дни королей Сигизмундовъ Ягеллонскихъ и Стефана Баторія, — и на вѣки-вѣковъ разсорила Унія. Со времени гоненій за вѣру и неслыханныхъ казней героевъ козачества, мучениковъ православія, уже никогда не думалъ козакъ о сближеніи съ Ляхомъ. — «Кровь Лядская и кровь Русскаго человѣка, т. е. козака, не иначе могла быть вмѣстѣ, думали Украинцы, какъ на полѣ битвы, или въ пожарѣ и грабежѣ наѣздовъ». — Даже любовь и супружество не соединяли ихъ, и ничего больше добрыя матушки и нѣжныя супруги Польскія не боялись, какъ вліянія *вечерницъ* (вечернихъ собраній) и черныхъ глазъ Украинскихъ дѣвъ, называемыхъ всегда волшебницами (*czarownice*), на сердца мужей и сыновъ, служившихъ на Украинской границѣ. Вотъ понятія шляхты и козачества; о сближеніи ихъ съ Запорожьемъ, слѣдственно и говорить нечего. Вотъ начала вѣчной, неумолимой борьбы между ними, вотъ причина *наѣздовъ* (*zajazdy i pajazdy*), со стороны Поляковъ, — вотъ наконецъ источникъ гайдамацтва со стороны Рус-

скихъ, (т. е. Мало-Русскихъ) поселянъ и самыхъ Запорожцевъ.

Подъѣзды и *наѣзды* были ничто иное, какъ особаго рода *охота* молодыхъ Польскихъ дворянъ, офицеровъ изъ королевской или какой нибудь пограничной помѣщичьей гвардіи, которые подъ предлогомъ охраненія предѣловъ или наказанія грабителей, пускались въ степь, т. е. въ Запорожскія земли, въ которыхъ обходились они такъ, какъ въ завоеванной странѣ. Жечь Запорожскія села и зимовники, захватывать ихъ скоть или табуны лошадей, убивать или брать въ плѣнъ козаковъ, считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Захваченные *молодцы* Низовые (*mołojcy nizowi*), торжественно отправлялись въ Смилу, Умань, Чигринъ и другіе замки и тамъ безъ дальней расправы, по приговору губернаторовъ вооруженныхъ Магдебургскимъ и городскимъ правомъ (*jure gladii*), прямо отправлялись на висѣлицу или на колъ, среди грома пушекъ и звука литавръ. Взаимно Запорожцы, которые видѣли съ одной стороны насильное обращеніе православныхъ церквей въ Уніятскіе или Латинскіе костелы, нарушеніе правъ и *вольностей* (землевладѣнія) Русскаго народа (обитавшаго въ Украинѣ), введеніемъ жидовъ и раскольниковъ, отдачу Евреямъ на откупъ винной и пивной продажи, соли, рыбныхъ ловлей, перевозовъ и даже, въ поруганіе святыни, отдачу въ откупъ Св. требъ при церквахъ и монастыряхъ православныхъ; — съ другой, опасаясь строгости Рус-

скаго правительства и презирая ничтожную личную месть, пускали сами, разумѣется тайно отъ старшины, или водили на Польшу гайдамацкія шайки. Отчаянныя головы между козаками, согласивъ съ собою цѣлыя толпы подобныхъ-же товарищей, называли себя *ватажками*¹ и даже полковниками; и такъ безъ вѣдома Коша и куренной старшины, а часто быть можетъ и съ тайнаго потворства атамановъ, пускались въ походъ. Имъ всегда помогали Польскіе поселяне Русскаго происхожденія, богатые и бѣдные, ибо считая себя сильнѣе своихъ владыкъ, ненавидѣли и презирали ихъ. Запорожцевъ-же, а въ особенности гайдамацкихъ ватажковъ, считали они героями степи и молодчества. Въ началѣ быта Запорожскаго, нѣтъ сомнѣнія, эти степные герои, были истинные поборники православія и они дѣлали Полякамъ зло изъ одной національной и религіозной мести. Таковы были подвиги во времена войнъ Хмѣльницкаго: Павлюка, Морозенка, Лободы, Полторакожуха, Нечая, Кривоноса и многихъ другихъ, которыхъ гайдамацтво было освящено высокою цѣлію — освободиться: «зподъ ига Лядскаго Египетскаго». Всѣ почти они какъ истинные мученики положили свои буйныя головы на плахѣ, или на полѣ битвы, но все таки они «до грунту зруйновали Лядскую землю». Объ этихъ-то походахъ и сборищахъ го-

¹ О «Ватажкахъ» смотри въ *исторіи Новой-Сѣчи* главу IV-ю I-й части, стр. 221.

ворять народныя думы и пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Славна стала, славна стала
Та Чигринска рада, (совѣтъ)
Що всіей Украинѣ
Далася порада (пособіе).

* *

«Славна стала, славна стала
Та Чигринска Сича,
Що побила Католиковъ,
з'Подоля з'Паричя'».

Эти благородныя чувства націонализма, произвели наконецъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи, совершенное отдѣленіе Украины отъ Польши и воссоединеніе ея съ великою Россією. Казалось, что въ концѣ XVIII столѣтія, когда уже вліяніе и сила Россіи на югѣ были прочно утверждены, когда уже козаки, въ Украинѣ Польской, гдѣ они были сильнѣе и богаче шляхты, — гордо могли подымать голову, — всѣ причины вражды взаимной должны были-бы исчезнуть: — но на дѣлѣ вышло противное. Запорожская община или Низовое войско (Nizowcy), которое въ XVII столѣтіи начало первое неравную борьбу, участвовало во всѣхъ подвигахъ и опасностяхъ братьевъ украинцевъ, и вмѣстѣ съ ними успокоилось подъ сѣнію двуглавыхъ орловъ Русскихъ; послѣ всѣхъ дру-

¹ Запор. Старина Ч. 1, стр. 49, *Porzeczce*, *Поричье*, часть Волини между западнымъ Бугомъ и Днѣпромъ.

гихъ своихъ братій, оставило смертельную вражду къ латинцамъ. Его *регула* осталась не измѣнною, степь также осталась степью — разгульнымъ его поприщемъ; бѣдность и грубость были тѣ-же; оружія никогда не оставляло, ибо какъ передовой постъ охраняло Русскую землю противу Турокъ, Крымцевъ и Поляковъ, а потому въ толпѣ этого храбраго, но разнороднаго воинства, трудно было поселить чувства мира, тишины и порядка. Старшина войсковая, и самое войско пока было въ Сѣчи или на своихъ *постныхъ командахъ* (пикетахъ), сидѣли тихо и отправляли службу охотно и усердно. Но Запорожскія земли имѣли нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ въ пространствѣ, и на этомъ безмѣрномъ поприщѣ, жили въ Сѣчи, или уединенно зимовниками, хуторами и селами не болѣе 50,000 душъ об. пола, изъ которыхъ и половина въ войсковыхъ реестрахъ не была записана. У нихъ-то, подъ защитою козачьяго, т. е. древне-славянскаго гостепріимства (*asilium*), въ такъ называемыхъ *Днѣпровскихъ вольностяхъ*, скрывались цѣлыя сотни бродягъ и бѣгльцовъ, всѣхъ вѣръ и націй. Какая сила, какая власть, могли гоняться за ними въ нашихъ степяхъ, особенно въ ХVІІ и началѣ ХVІІІ столѣтій? Надобно знать Новороссійскія степи даже въ настоящее время, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. И вотъ явись какой нибудь злодѣй, или даже просто безпокойный, предприимчивый ватажокъ, предложи молодецкую охоту: сей часъ вокругъ него

сбредутся съ «балокъ, байраковъ и полевыхъ рѣчекъ» цѣлыя десятки бездомнаго и часто безъименнаго народу. «Пойдемъ братци! панове молодцы добрые козаки, въ Лядскую поганую землю на истребленіе этой нехристи (жидовъ и католиковъ), поживиться Лядскимъ добромъ, заплатить за Русскую кровь христiанскую, за всякій православный законъ, за народъ Украинскій!» — говоритъ хитрый ватажокъ, и грубая толпа, полудикая и невѣжественная, идетъ какъ говорится, очертя голову, невѣдая что дѣлаеть. Если и случится, что какой нибудь *дуже цѣкавый* бурлакъ, почесывая свой чубъ спросить у ватажка: «а що скажуть Панове Старшина и нашъ Осударь»? Предводитель не заикаясь отвѣчаетъ: «у мене братци ё на то позволеніе писанное и печатанное». Какое *позволеніе*? и отъ кого? — грубая толпа не спрашиваетъ и не разбираеть; немедленно всѣ вооружаются и вотъ ватаги въ 10, 20, даже 100 человекъ, вооружась пиками и рушницами пускаются въ *Гардь* (на Бугъ), чтобы переправиться за границу. Если паланочная старшина не пускала ихъ, то они переходятъ Бугъ въ мѣстахъ имъ однимъ извѣстныхъ, или спускаются по теченію его до Лимановъ «до Лямы на рыбалкахъ»; идутъ въ Очаковскую степь, и тамъ силою или за деньги изготовивъ себѣ дубы и лодки, уже съ «ханской стороны» набѣгаютъ на Польшу, главное поприще гайдамацтва. Къ нимъ толпами присоединяются Польскіе крестьяне (сродные вѣрою и языкомъ) —

и тогда ужасъ и бѣдствія наполняютъ южную Польшу. Крикъ: «Гайдамаки! гайдаймаки идутъ!» раздается повсюду. Посланцы скачутъ отъ зѣмка до зѣмка, шляхта и жидаы бросаютъ все; скрываются въ крѣпкихъ городахъ или въ лѣсахъ, по словамъ пѣсни:

.... «Якъ набижишь на якого свата...

Жидъ зъ биды за ридного батька почитае

А Ляхъ «милостивымъ добродіемъ» называе».

Часто не довѣряя своимъ зѣмкамъ и городамъ, Поляки и Жидаы бѣгутъ къ Татарамъ, или за Днѣпръ подъ защиту Русскихъ крѣпостей. Гайдамаки прогостивъ недѣли двѣ, три, уставъ отъ разбоя, грабежа, пожаровъ и пьянства — бѣгутъ назадъ въ степь, гдѣ знали что ихъ никто, или рѣдко кто отыщеть. Въ 1745 году одинъ гайдамакъ въ судѣ войсковомъ говорилъ, что его и 15 товарищей, цѣлая Запорожская команда подъ начальствомъ войсковаго эсаула «но многимъ и долгимъ по степу поискамъ» настичь и взять не могла. Бывали примѣры, что гайдамаки открыто живали въ Польскихъ южныхъ губерніяхъ, защищаемые чернію, видѣвшюю въ нихъ любимыхъ своихъ витязей и заступниковъ.

Вотъ правдивая картина гайдамацтва; такъ было искони и такъ продолжалось до конца XVIII столѣтія. Съ поселеніемъ въ Запорожьи Сербовъ и другихъ славянъ, съ постановленіемъ Нѣмецкихъ офицеровъ и комендантовъ по шанцамъ и

крѣпостямъ, наконецъ съ возвращеніемъ къ православнои Руси древняго ея достоянія: Кіевскаго и Вольнскаго княжествъ, гайдамацтво уменьшалось по немногу и наконецъ совершенно исчезло. Но при самомъ издыханіи своемъ оно разыграло еще одну кровавую драму, о которой скажемъ ниже.

Теперь взглянемъ на дружескія связи Запорожья съ Польшею, на сношенія ихъ «по *сосѣдству* и *купецтву*». Эти сношенія изрѣдка существовали и до 1709 года, но въ самомъ дѣлѣ начались не ранѣе второй половины XVIII столѣтія, съ воцареніемъ Станислава Августа, послѣдняго короля Польскаго, истинно желавшаго добра своему отечеству. Здѣсь торговля какъ и вездѣ, сближала сосѣдей и мы имѣемъ многіе документы, доказывающіе частыя сношенія Польскихъ губернаторовъ съ Кошемъ, и Запорожскихъ торговцевъ съ Польскими городами. Но они могли утвердиться только тогда, когда Кошевые: *Григорій Федоровъ Лантухъ*, а послѣ *Петръ Калнишевскій*, истребили или усмирили гайдамакъ, этого истиннаго бича степей, прерывавшаго всякую промышленность двухъ сосѣдей. Объ этой торговлѣ намекнули мы уже въ нашей *исторіи Новой-Стычи* (стр. 110), здѣсь-же въ дополненіе къ уже сказанному приведемъ еще нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ.

II.

Торговля и можно сказать дружескія сношенія Запорожья съ Польшею, произошли отъ долгаго мира между этою державою и Россіею (въ концѣ ХVІІ и большей части ХVІІІ столѣтія) и, взаимныхъ потребностей. Польша имѣла нужду въ Запорожскихъ лошадяхъ, скотѣ, салѣ, медѣ, воскѣ, овечьей шерсти, рыбѣ, икрѣ, мѣхахъ, а еще болѣе въ соли, добываемой въ Крымскихъ озерахъ. Запорожцамъ нужны были: Польское и Нѣмецкое оружіе, порохъ, свинець, водка, сукно, богатая конская сбруя (*gynsztunek*), одежда, шелковыя и бумажныя ткани, полотно и пр., въ особенности же деньги, которыхъ количество, съ запрещеніемъ ввоза серебрянной и золотой монеты изъ Россіи въ Запорожье, значительно тамъ уменьшилось. Г-жа Кребсъ въ *Запискахъ* своихъ упоминаетъ, что въ ея время (1758 — 1768) на Уманскихъ ярмаркахъ много было Запорожцевъ. «Они приѣзжали», говоритъ она, «съ лошадьми, рыбою и солью и много зарабатывали, но добытыя деньги скоро издерживали на пиршества, музыку, бан-

дуристовъ и на напитки. Это были люди большаго роста, сильные и богато одѣтые¹». Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ торговыхъ и дружескихъ сношеній.

Въ Іюнѣ 1761 года Корсунскій губернаторъ *Суходольскій*, имѣлъ денежныя дѣла съ Запорожцами, которыхъ письменно никакъ не могъ окончить. По совѣту Кошеваго, рѣшился самъ прибыть въ Сѣчь. Но изъ предосторожности отправился прежде въ крѣпость Св. Елисаветы на ярмарку и оттуда послалъ къ Кошевому своего гонца, прося прислать ему для безопасности въ пути войсковый *перначь*². Кошевой ему отвѣчалъ: «по вашему письменному отзыву перначь войсковый для знаку посылается при семь, и вы извольте безъ всякаго сумнѣнія въ Сѣчь Запорожскую приѣздить, а мы съ В. Д. видѣться желаемъ» (23 Іюня 1761). Хитрый Ляхъ все еще колебался и не прежде пустился въ дорогу какъ удержавъ въ крѣпости Св. Елисаветы заложникомъ, привезшаго перначь Запорожца. Но въ пути убѣдился въ своемъ не правомъ опасеніи; вездѣ, въ самыхъ глухихъ степяхъ и оврагахъ, гдѣ только встрѣчались ему За-

¹ Любопытно ея свѣденіе о торговлѣ Уманской: «Въ лавкахъ» говоритъ она, «мало было Жидовъ, а больше Грековъ и Турковъ; отъ того не только множество бакаліи, но апельсины мы имѣли по 2 копѣйки, каштаны какъ желуди, икру бочками, а семга какъ свиное сало въ большемъ количествѣ продавалась».

² Родъ желѣзнаго или серебрянаго жезла, съ колючимъ или звѣздообразнымъ набалдашникомъ.

порожскія команды или отдѣльные люди, — видъ священнаго для обитателей степи клейнота, былъ истинною защитою для путешественника не смотря на Польское его происхожденіе. Вѣроятно пріемъ и угощеніе въ Сѣчи весьма понравились Суходольскому, ибо онъ по возвращеніи во свояси, послалъ Кошевому въ подарокъ сшитыя рубашки и благодаря за гостепріимство и за перначь, просилъ объявить въ Кошѣ: «чтобы козаки Запорожскіе «имѣли къ нему добрую пріязнь и довѣренность «и бывали у него въ Корсунской губерніи на яр- «маркахъ съ лошадьми и товаромъ».

Другой сосѣдъ, Лысянскій губернаторъ *Андрей Кржимовскій*, приглашая равнымъ образомъ Запорожцевъ къ приѣзду для торговли въ Лысянскую губернію, поздравляетъ Кошеваго *Григорія Федорова Лантуха*, прославившагося истребленіемъ гайдамакъ, что онъ умѣлъ: «своевольное гультайство «строго наказывать и удерживать, отъ чего теперь «Польскіе помѣщики спокойно въ Польшѣ живя, «Господа Бога за его добродѣтель молятъ» (10 Юня 1761).

Какой то чесникъ¹ Червоногородскій *Даніилъ Мацевичъ*, поручикъ королевской коронной гвардіи, посылая Кошевому вмѣсто подарка одинъ нумеръ Польской газеты вышедшей 18 Октября 1760 г.,

¹ Чесникъ, Подчашій стольникъ и др., придворныя званія въ титулахъ употреблялись Поляками вмѣсто чиновъ, которыхъ у нихъ не было.

въ которомъ описаны были побѣды Русскихъ войскъ въ Пруссіи и взятіе генералами: Чернышевымъ и Тотлебенемъ Берлина, — просить: «милостиваго соизволенія Кошеваго (Алексѣя Бѣлицкаго) въ замѣнъ нѣсколькихъ кусковъ Гданскаго сукна, купить въ Запорожьѣ лошадей: верховыхъ, цуговыхъ и для фургоновъ». Пограничный же комендантъ Тарговицкій полковникъ *Яковъ Квяткевичъ*, входитъ въ самыя дружескія сношенія съ Запорожцами. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Кошевому говоритъ: «по милости Божьей, въ нашей области (Польшѣ), во всемъ состоитъ благополучно; въ *Палевомъ озерѣ* съ Татарами и Польскимъ краемъ нынѣ правится коммисія, а что между ними сдѣлается, о томъ вашей вельможности писать непременно. Москва благополучно съ Пруссіи маршируетъ въ свою землю; Прусакъ крѣпость Свидницу въ Цесаріи чрезъ четверть года сильно штурмомъ и бомбами добуваетъ» и пр. (30 Сентября 1762). Взаимно Кошевой въ отвѣтъ пишетъ: «У насъ ни какихъ новостей и вѣдомостей нѣтъ и состоитъ по милости вышняго благополучно. Августѣйшая наша Монархиня, коронацію соизволила принять сентября мѣсяца «въ 22 день».

Въ 1762 году графъ *Францъ Салезій Потоцкій*, воевода и генералъ (т. е. предводитель провинціальныхъ сеймовъ) земли Кіевской, главный региментарь войскъ партіи Украинской, староста и владѣлецъ сотни тысячъ крестьянъ на Волыни,

Подоліи, Украинѣ и Чермной-Руси, — такъ писалъ къ Кошевому Григорію Лантуху :

«Вельможный господинъ Кошевой войска Запорожскаго въ сосѣдствѣ любезный приятель нашъ !

«Пользуясь случаемъ возложенія на Васъ по волѣ Е. И. В.¹ власти надъ войскомъ вашимъ и зная благоразумныя Ваши распоряженія къ устройству своевольныхъ людей и тѣмъ обезпеченіе мира въ краѣ нашемъ, я, поздравляя васъ съ этимъ званіемъ, желаю Вамъ долготѣтняго въ войскѣ управленія. Желая кромѣ того съ вами, какъ ближайшимъ сосѣдомъ Польскаго королевства, имѣть самыя дружескія сношенія, къ чему поощряетъ меня настоящее цвѣтущее положеніе мира и тишины между государствами; въ знакъ моей дружбы прошу принять предлагаемый здѣсь вамъ подарокъ. А какъ въ наслѣдственной моей вотчинѣ Умани, моимъ стараніемъ и по Высочайшему Государя моего утвержденію, возобновлены мною ярмарки съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ торговцамъ всѣхъ пограничныхъ народовъ, то и прошу Васъ ясновельможный Пàне, чтобы вы цѣлому Кошу объявили, чтобы Запорожцы, которые въ Польшу ѣздятъ съ лошадьми, скотомъ, воскомъ, саломъ, мѣхами и другими товарами, отправлялись за вашими паспортами въ Умань на ярмарки;

¹ Въ 1762 году Григорій Лантухъ, хотя очень любимый войскомъ, назначенъ былъ, не смотря на выборъ другаго, Кошевымъ по одному представленію графа Румянцова; о чемъ былъ особый указъ Монархини и универсалъ графа Разумовскаго.

откуда, еслибы тамъ своихъ продуктовъ не распро-
дали, могутъ съ паспортами управителя моею
Уманской вотчины пускаться и дальше.... и пр.»
(18 Маія 1762 г.)¹.

На это письмо присланное въ Сѣчь съ упо-
мянутымъ выше Тарговицкимъ комендантомъ
Яковомъ Квяткевичемъ, Кошевой послалъ весьма
учтивый отвѣтъ, въ которомъ поблагодаривъ его
за подарокъ и за приглашеніе, присовокупляетъ:
«Только при томъ В. С. какъ и въ писаніи своемъ
изобразете, приятнѣйше прошу, кому надлежитъ
дать приказаніе: чтобы приѣзжающимъ отсель За-
порожскимъ козакамъ, каковыхъ либо обидъ отъ
подчиненныхъ Вашихъ причиняемо не было, но
оказыванобъ сосѣдственное во всемъ благодѣя-
ніе»... (1762 г., Іюня 17).

Но эти дружескія сношенія были рѣдки и то
въ немногіе годы тишины и согласія. За то какую
длинную лѣтопись распрей, ссоръ, насилій, гра-
бежей и убійствъ можно было-бы представить съ
обѣихъ сторонъ. Изчислимъ нѣсколько только при-
мѣровъ.

Вообще говоря, Запорожцы представили намъ
больше примѣровъ жалобъ на обиды Польскихъ
старостовъ и губернаторовъ, нежели сіи послѣдніе
на Запорожцевъ. Причина тому самая простая.

¹ Подлинное письмо писано по Польски, варварскимъ язы-
комъ Саксонской эпохи, и я долженъ былъ подстрочно перево-
дить его. Объявленіе о ярмаркѣ прилагается въ приложеніяхъ
подъ № 8.

Гайдамаки а съ ними и Запорожцы хотя безъ зазрѣнія совѣсти грабили чумацкія ватаги, колачивали и помѣщиковъ и купцовъ, захватывали Польскія стада и чабановъ (пастуховъ), но боясь строгости Русскаго правительства и самаго Коша, отъ убійствъ остерегались, исключая весьма рѣдкіе случаи, которые изчислимъ послѣ. Поляки же не боясь вовсе своего безсильнаго правительства, не обуздываемые ни гетманами ни пограничными старостами, считали дозволеннымъ дѣломъ хватать и вѣшать и козаковъ и поселянъ и даже Сербовъ, подъ общимъ предлогомъ гайдамацтва.

Такъ въ грамотѣ Кошеваго Ивана Малашевича къ Хану Крымскому отъ 8 Мая 1734 года¹ мы находимъ свѣденіе, что и во времена краткаго но печальнаго Крымскаго владычества надъ Запорожьемъ, Поляки не смотря на миръ съ Турціею и Ханомъ, нашедъ нѣсколько сотъ козаковъ Запорожскихъ торгующихъ рыбою въ Брацлавѣ и другихъ польскихъ городахъ, схватили ихъ и всѣхъ перевѣшали. Крымское-же правительство не могло, или не хотѣло ни какого удовлетворенія за то требовать отъ Польши.

Въ 8 лѣтъ послѣ, а именно въ 1742 году, отрядъ Польской кавалеріи перешедъ у Тарговицы р. Синюху, отправился на земли Бугогардовской паланки, захватилъ тамъ у Мертвоводья цѣлую козачью усадьбу, сжегъ полковничій зимовникъ,

¹ *Исторія Новой-Сѣчи*, стр. 391.

поселился на этомъ урочищѣ и оттуда дѣлалъ безпрестанные на сосѣднія мѣста набѣги, отъ чего непрерывные грабежи и убійства происходили, Когда дѣло это дошло до свѣденія Императрицы, Русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ приказаніе сдѣлать о томъ запросъ Польскому двору и потребовать удовлетворенія. Вслѣдствіе сего Польскій посолъ, великій обозный Литовскій *графъ Огинскій*, подалъ въ Петербургъ объясненіе, что нападеніе Поляковъ на Запорожскія земли произошло въ отмщеніе за ихъ гайдамацкіе набѣги и за убіеніе въ Немировѣ, служившаго въ Польскомъ войскѣ козака *Савку Чалаго*, бывшаго Запорожца. Это лице такъ замѣчательно и такъ живо изображаетъ время и мѣста гдѣ онъ подвизался, что мы должны представить о самомъ событіи нѣсколько подробностей.

Еще въ Маѣ 1735 года, основатель Украинской линіи и Кіевскій генераль-губернаторъ *графъ фонъ-Вейсбахъ* писалъ къ Запорожцамъ, требуя, чтобы они послали въ Польскую Украину свою команду подъ начальствомъ искуснаго старшины, для поимки извѣстнаго вора *Савки Чалаго*, который будучи Запорожцемъ, съ шайкою гайдамакъ разбойничалъ на границѣ и пріобрѣлъ себѣ самую ужасную славу. Этотъ ватажокъ былъ приверженцемъ Орлика и бѣжавъ изъ Крымскаго Коша, выдавалъ себя за *согласника* короля Станислава Лещинскаго, а потому въ особенности грабилъ имѣнія помѣщиковъ Саксонской партіи, увѣряя

притомъ, что онъ дѣйствуетъ по волѣ всего Запорожья. Чтобъ оправдать себя отъ столь гнусной клеветы, Запорожцы послали одного своего эсаула съ козаками въ Немировъ и Умань, зная что тамъ чаще всего подвизался Чалый, — съ намѣреніемъ поймать его. Но хитрый ватажокъ, узнавъ отъ своихъ *друзей* на Запорожьи, о посылкѣ за нимъ погони, ушелъ изъ Польши въ Балту и скрылся въ Бессарабіи. Его эсауль или намѣстникъ *Василій Шутка* и три гайдамака, всѣ простые Польскіе поселяне, были пойманы и повѣшены въ Сѣчи. Вскорѣ война съ Турціею заняла всѣ умы, и о Савкѣ Чаломъ забыли. Пользуясь этимъ, ватажокъ на вербовалъ себѣ въ Молдавіи и на низовьяхъ Днѣпра новую шайку изъ Цыганъ Молдованъ, Польскихъ поселянъ и Запорожскихъ рыбаковъ (аргатовъ), подъ покровительствомъ преступнаго (и наказаннаго въ Кошѣ) Буго-Гардоваго Запорожскаго полковника *Пхайки*, и обратилъ все свое оружіе равно какъ на Польшу, такъ и на Запорожье. Между тѣмъ партія Лещинскаго пала, гетманъ коронный Францъ Потоцкій и весь богатый родъ его, желая возстановить миръ въ своихъ безмѣрныхъ имѣніяхъ на Украинѣ, употребили всѣ усилія, чтобы поймать Чалаго и примѣрно наказать его. — Всѣ поиски были напрасны. Всякій пойманный гайдамакъ называлъ себя Савкою Чалымъ, а истинный подвизался по прежнему. Тогда вздумали употребить противу него хитрость. Гетманъ чрезъ Жидовъ узналъ, что Савка Чалый

влюбленъ искренно въ одну жительницу Немирова и тамъ часто проводитъ цѣлыя дни, съ однимъ только слугою, безъ своей дружины, надѣясь на симпатію всѣхъ мѣщанъ и поселянъ мѣстечка. Тутъ его окружили и поймали. Ему предложили: или быть, какъ гайдамаку, посажену на колъ, или принять службу въ Польской милиціи, и за хорошую плату служить противу козаковъ и Россіи. Выборъ былъ легокъ. Савка Чалый сдѣланъ атаманомъ, женился и былъ лучшимъ путеводителемъ Польскихъ подѣздовъ на Запорожье, — которое онъ, боясь въ немъ смертной казни, столько-же ненавидѣлъ какъ и Польшу, хотя въ Кошѣ былъ его отецъ и могила прадѣда, бывшаго Кошевымъ *Якова Чалаго*. Одинъ такой наѣздъ попалъ въ Гардъ, и Савка разорилъ станъ Запорожскій, походную церковь и даже самый *гардъ*, т. е. плотины для лова рыбы. За этотъ подвигъ, Гетманъ даровалъ ему село *Рубань* въ потомственное владѣніе. Въ 1740 году Запорожцы узнали, что Гардъ разрушенъ Чалымъ; — чтобы отмстить измѣннику, одинъ Запорожець именемъ *Игнатъ Голый* взялся поймать его въ самой Польшѣ и такъ ловко исполнилъ это дѣло, что живаго, хотя изрубленнаго ватажка, привезъ въ Сѣчь, — гдѣ по суду войсковому онъ былъ засѣченъ кіями до смерти у позорнаго столба. Объ немъ народъ поетъ много пѣсней, — въ одной изъ нихъ говорится:

«Ой булюбъ тобі Пане Саво, Гардъ не руйноваты,

«Колы хотивъ Запорожцивъ въ кумы соби браты».

Его жена и сынъ спаслись. Въ 1790 году, одинъ членъ сейма представилъ этого сына палатамъ, какъ жертву привязанности Савки Чалаго къ Польшѣ. Сеймъ даровалъ ему дворянство и имѣніе въ Чигринскомъ староствѣ¹.

Въ это время (1746–1747) число жалобъ на Польскіе наѣзды умножилось до такой степени, что Русское правительство рѣшилось учредить особую пограничную комиссію для разсмотрѣнія взаимныхъ притязаній. Съ Русской стороны, назначены: полковникъ и пограничный комиссаръ *Мироновъ* и Кіевскаго гарнизона подполковникъ *Рославлевъ*; съ Запорожской, старшины: *Николай Багно*, *Василій Зеленскій* и *Дмитрій Романовскій*; съ Польской, величайшій ихъ врагъ и истребитель полковникъ Уманскій *Станиславъ Ортынскій*. Кошевой *Василій Григорьевъ* по прозванію *Сычъ*, въ 1750 году представилъ Кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву, обширный регистръ жалобъ и претензій своего войска на Польшу и въ немъ показалъ что съ 1733 года, т. е. возвращенія Запорожцевъ подъ Русскую державу, по 1750 годъ, не проходило ни одного года чтобы Поляки не повѣсили, или не изрубили одного или многихъ Запорожцевъ. Мы

¹ Одну превосходную пѣснь о Савкѣ Чаломъ, г. Срезневскій помѣстилъ въ своей *Запорожской Старинѣ*, Ч. I, стр. 69; другую Максимовичъ; жаль только, что оба они относятъ ее до начала XVII столѣтія къ гетманству Конашевича Сагайдачнаго. Мы полагаемъ, что теперь ее легко причислить къ пѣснямъ первой половины XVIII столѣтія. Пѣснь приведенную Срезневскимъ, помѣщаемъ въ приложеніяхъ подъ № 4.

имѣемъ примѣры, что раненные или измученные дорогою козаки, возвращавшіеся изъ Днѣстровскаго походу противу Турокъ, и обязанные вмѣстѣ съ другими Русскими войсками, (корпусовъ Миниха и Лассія), проходить чрезъ Польшу, были тамъ безчеловѣчно умерщвляемы. Такъ въ 1738 году отрядъ козаковъ въ 102 чел. разныхъ куреней, зашелъ въ Уманскую губернію для покупки хлѣба. Комендантъ Уманскій *Антонъ Табанъ* пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ *на кушанье* и тамъ хитростью отнявъ у нихъ оружіе и лошадей, всѣхъ ихъ публично на рынкѣ перевѣшалъ, а имущество заграбилъ. Въ томъ же году другая партія изъ того же походу возвращавшаяся, въ числѣ 18 козаковъ Ведмедовскаго куреня, остановилась въ м. Стеблевѣ (Подол. губ.) для покупки припасовъ. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, гдѣ тамошній губернаторъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ. Въ 1739 году, Смилянскій губернаторъ торгующихъ тамо козаковъ 7 чел., Чигринскій 7, а Богуславскій 2-хъ смерти предали, по собственному своему суду и приговору, въ противность Гржимултовскаго договора Польши съ Россіею, по которому всѣ подобныя дѣла должны были предаваться слѣдствію довѣренныхъ отъ обѣихъ державъ комиссаровъ. Такимъ образомъ съ 1733 по 1750 годъ было повѣшено или убито Поляками: 202 Запорожскихъ козаковъ, захвачено у нихъ 504 лошади, 29 воловъ, возовъ съ рыбою и товарами 78, а всего имущества на 27,513 рублей 92 коп.

Другой Кошевой *Якимъ Игнатовичъ*, въ особенноти жаловался на Уманскаго полковника и коменданта *Станислава Ортынскаго* (Stanislaw-Kostka Ortyński), который «съ злодѣйскою партіею своею безпрестанно наѣзжалъ на Запорожскія земли и найденныхъ тамъ козаковъ, скотарей и табунщиковъ убивалъ, кололъ, ранилъ, захватывалъ въ плѣнъ, а стада ихъ и особенно табуны лошадей увозилъ съ собою въ Польшу». (Изъ рапорта генералу Леонтьеву 12 Октября 1749 года). Въ числѣ Польскихъ дворянъ на границѣ жившихъ, особенными шалостями и жестокостью къ Запорожцамъ, отличался поручикъ регулярныхъ войскъ партіи Украинской, *Михаилъ Закржевскій*, который уже не на границы, а внутрь земель Запорожскихъ, пускался какъ-бы на охоту, съ отчаянною шайкою гайдамаковъ Польскихъ, между которыми были даже Бессарабскіе цыгане, чабаны Молдавскіе и Татары. Съ ними онъ многіе зимовники по рр. Корабельной, Ингульцу, Солоной и др. разграбилъ, козаковъ убивалъ, а стада и табуны угонялъ въ Польшу. Въ долговременное царствованіе Августа III короля, войны въ Польшѣ не было, отъ того дворянство все почти номинально къ арміи приписанное, желая отличиться предъ своими соотечественниками, не имѣло на то другаго поприща какъ преслѣдованіе гайдамакъ. Такимъ образомъ всякое появленіе грабителей, или воровъ, пропажа у поселянъ людей или скота, слагались на Запорожцевъ

и немедленно были причиною отправленія *подъльзовъ* въ Запорожскія земли.

Равнымъ образомъ Поляки представляли въ Коммисіи пограничныя и чрезъ посла Русскаго въ Варшавѣ, что не проходило ни одного мѣсяца чтобы козаки Запорожскіе, особенно изъ Ингульской и Бугогардовской паланокъ, не дѣлали набѣговъ на предѣлы Польскіе. Разумѣется что въ Польшѣ всякаго гайдамака, хотя-бы онъ былъ изъ Украины при-Днѣстровской, называли Запорожцемъ чтобы можно было потребовать отъ Коша удовлетворенія. Между прочимъ одна партія гайдамакъ, въ которой точно участвовало десятокъ Запорожцевъ, набѣжавъ въ Сентябрѣ 1748 года на табуны принадлежащія къ двумъ эскадронамъ панцырниковъ партіи Украинской, командуемыхъ ротмистромъ *Стецкимъ* ловчимъ Кіевскимъ, захватили сто шеренговыхъ лошадей и угнали ихъ въ Запорожье. Одинъ изъ гайдамаковъ, пойманный на самомъ дѣлѣ, сознавшись въ преступленія, при допросѣ въ Польскомъ лагерѣ показалъ о себѣ, что онъ: «изъ дворянскаго дома *Суллистровичей* родомъ изъ села *Мокрицъ*, въ Новогрудскомъ воеводствѣ В. К. Литовскаго; что служилъ у разныхъ вельможей въ ихъ гвардіи и съ однимъ изъ нихъ генераломъ *Мокроновскимъ*, прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь подговорили его Сѣчевые козаки вступить въ Запорожское товариство, а потому онъ сѣвъ на дубы ихъ, по Днѣпру спустился до Сѣчи, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ курень Каневскій подъ именемъ

Ивана Ляха. Оттуда онъ съ разными ватажками былъ на разбояхъ въ Польской и Татарской областяхъ, а въ 1748 году съ ватажкомъ *Пилипкомъ* пустившись на добычу, онъ съ 13 другими гайдаками ворвался въ Уманскую губернію и подъ Березкою захватилъ упомянутыхъ выше 100 лошадей. На возвращавшихся оттуда въ свои зимовники, напалъ Сѣчевой объѣздъ, который ихъ разогналъ, а лошадей отнял и въ войсковый табунъ отогналъ». Получивъ объ этомъ офиціальную ноту Леонтьевъ требовалъ отъ Коша выдачи лошадей Полякамъ, а виновнымъ наказанія, но напрасно. Кошъ «нижайше» донесъ: что виновныхъ *нигдѣ не оказалось*, лошадей въ табунѣ *никогда* не было, Иванъ Ляхъ въ куренѣ Каневскомъ *никогда* не считался и пр. и пр. однимъ словомъ, комиссары Польскіе многократно жаловались, что такіа шалости Запорожцевъ суть явнымъ нарушеніемъ Гржимултовскаго трактата заключеннаго въ 1686 году, между Россією и Іоанномъ III королемъ Польскимъ и пр. — т. е. повторяли точно тоже что и Запорожцы.

Въ 1746 году *Іосифъ Брониславъ Млотовскій*, комиссаръ или губернаторъ староства Корсунскаго, жаловался генералу Леонтьеву что шайка гайдамацкая подъ начальствомъ ватажка *Федора Тарана* напавъ на село *Сальники* къ староству принадлежащее, разграбила оное, одного поселянина убила, другаго тяжело ранила и 60 лошадей увела. Леонтьевъ отправилъ въ Сѣчь съ своимъ ордеромъ

официялиста (чиновника) Корсунскаго *Маевского*, требуя отъ Кошеваго Василя Федорова немедленнаго удовлетворенія обиженныхъ и выдачи гайдамакъ. Маевскій возвратясь въ Корсунь объявилъ, — что онъ: «жадной (никакой) сатификаціи не «одебралъ (неполучилъ), ибо всѣ атаманы, со «всѣхъ куреней собравшись на то не позволили «и самаго вельможнаго пана Кошеваго не послушали». (Іюль 1746 г.).

19 Мая 1747 года, гайдамаки напавъ на село *Колозны* близъ *Погребыщъ* (Кіев. губ.) принадлежащее стольнику Ружанскому, «товарищу гусарскаго (панцырнаго) знамени (т. е. полка) пресвѣтлаго королевича Польскаго Ксаверія» (сына Августа III) *Модрицкому*. Проникнувъ въ домъ владѣльца они угрожали ему поднятіемъ на копья, сожженіемъ на жаровнѣ и проч. если онъ не отдастъ всего своего имущества. Такимъ образомъ оставивъ его въ живыхъ, домъ разграбили, лошадей увели, а сами убѣжали въ Запорожье¹.

Много другихъ обоюдныхъ жалобъ предложено было комисіи пограничной, но она ничего

¹ Модрицкій принадлежалъ къ щеголямъ Саксонской эпохи въ Польшѣ, и какъ предметъ достойный любопытства, опишемъ его нарядъ или *мундиръ*, взятый изъ регистра заграбленнаго у него имущества: «Мундиръ Жовнерскій, т. е. кармазинный (знакъ дворянскаго происхожденія), жупанъ и кажанъ, (т. е. куртка) сафирнаго цвѣта; кунтушь и жупанъ (размариноваго) зеленаго цвѣту; шуба того-же цвѣта, подшитая лисьимъ мѣхомъ и обложеная сѣрыми Крымскими овчинками, а шнуры ея золотые». Одна сабля имѣла на эфесѣ такую надпись: «Благословенъ Богъ Израилевъ, научай руки моя на ополченіе и пр.».

рѣшить не могла. Съ одной стороны Поляки ссылаясь на древнія конституціи, (постановленія сеймовъ), признававшія козаковъ врагами государства, а ихъ, (т. е. гайдамацкіе) наѣзды, нарушеніемъ правъ народныхъ, слѣдственно достойные казни а не расправы, на ихъ претензіи отвѣчать не хотѣли¹. Съ другой стороны Кошъ Запорожскій, хотя въ Сѣчи и по паланкамъ дѣлалъ благоразумныя распоряженія противу гайдамакъ² и пойманныхъ воровъ и разбойниковъ казнилъ смертию, или щедро награждалъ кіями и тяжкою работою, но къ суду, особенно Польскому, виновныхъ отсылать не хотѣлъ, ибо въ душѣ похвалялъ ихъ молодечество и ненависть къ Ляхамъ. «Что за бѣда, говорили Кошевому батькѣи-атаманы куренные, что Ляхамъ и Жидамъ достается отъ нашихъ гультайвъ, досталось колысь и намъ отъ этой нехристи». Въ 1750 году учредили другую комиссію въ Крыловѣ на Днѣпрѣ, въ которой Русскимъ комиссаромъ былъ присланный изъ сената коллежскій ассесоръ *Акимъ Литвиновъ*, а съ Запорожской старшины: *Дмитрій Романовскій* и *Григорій Якимовъ*. Симъ послѣднимъ предстояла трудная обязанность оправдывать и защищать 212 Запорожскихъ и другихъ гайдамаковъ задержанныхъ въ Польшѣ, когда они въ истинной ихъ винѣ были убѣждены. Но того

¹ Любопытныя объ этомъ подробности находятся въ Конституціяхъ: 1590, 1593, 1638 и 1659 годовъ.

² Три примѣра этихъ распоряженій, предлагаемъ въ приложеніяхъ подъ № 7.

требовала честь козацкая. Впрочемъ Крыловская коммисія не состоялась, ибо Польскіе комиссары, опасаясь за свою жизнь со стороны даже Украинскихъ поселянъ, къ совѣщанію неприбыли.

1750 годъ былъ весьма памятенъ Полякамъ, особенно южнымъ ихъ провинціямъ. Гайдамаки подъ начальствомъ *Харька*, *Черного* и другихъ безвѣстныхъ разбойниковъ и грабителей, сдѣлали такія неистовства и разоренія въ Украинѣ: Брацлавской (Подол.) и Кіевской, что весь почти край сдѣлался пустынею. Иногда въ одну ночь цѣлое поколѣніе дворянъ: помѣщиковъ, поссесоровъ, управителей истребляла гайдамацкая пика, а села, дома ихъ и даже укрѣпленные замки превращались въ развалины и пепель. Въ одномъ фамильномъ архивѣ нашли мы документы, весьма живо изображающіе это ужасное положеніе. Въ «*Laudem boni ordinis*» или постановленіи дворянства Брацлавскаго воеводства, собравшагося въ Винницѣ (Подол. губ.) 17го Сентября 1750 года, въ которомъ оно «возблагодаривъ Бога, что въ такое несчастное для государства время, по причинѣ опустошеній и злодѣйствъ чинимыхъ гайдамаками, могло благополучно собраться и совѣщаться», — избираетъ депутатовъ въ коронный трибуналъ для донесенія королю Августу III, примату и гетману о своихъ неисчислимыхъ бѣдствіяхъ». Оно представляетъ государственнымъ палатамъ: «что воеводство Брацлавское, лежащее у трехъ границъ: Русской, Татарской и Молдавской, не

смотря на мирное время «*beata tranquillitate sua gaudere*», счастливою тишиною пользоваться не можетъ. Что своевольныя заграничныя (Запорожскія) шайки, уже не *furtivo transito* (тайно), но большими дорогами, *violente et aperte Marte*, насильно и явно, съ оружіемъ въ рукахъ на край этотъ нападаютъ. Помышляя о конечномъ истребленіи и разореніи онаго, гайдамаки: города, села, замки и дома помѣщичьи, монастыри и храмы Божіи *utriusque ritus* (обѣихъ исповѣданій), наѣзжаютъ, грабятъ и жгутъ, жителей всѣхъ возрастовъ и половъ убиваютъ, какъ-бы невинною ихъ кровью желали утолить свою звѣрскую жадность». Дворянство присовокупляетъ, что такое положеніе и совершенное отсутствіе королевской военной силы, заставляеть его составить особую земскую милицію для защиты своихъ имѣній и личности, и на то всеобщій налогъ на всѣ дворянскія, духовныя, мѣщанскія, даже еврейскія и раскольничьи имѣнія опредѣляетъ; какъ всѣ онѣ равно подвержены набѣгамъ и кровожадности гайдамацтва. Для командованія этимъ всеобщимъ вооруженіемъ избраны были: староста Романовскій *Ожджа*, главнымъ региментаремъ всей партіи Украинской, а дворяне: *Богуславъ Старжинскій* и *Илья Клитынскій*, командирами *подъездозъ* или отрядовъ. На все это требовало оно для формы утвержденія королевскаго.

Въ это-то время всѣ главные Украинскіе помѣщики: *Потоцкіе*, князья *Любомирскіе*, *Чарторій-*

скіе, Яблуновскіе и Радзивиллы; графы Браницкіе, князь Четвертинскій и пр., учредили у себя по имѣніямъ особыя козацьи команды и даже полки, изъ которыхъ одинъ при описаніи Умани, нами упомянутъ во всей подробности. Эти полки и команды слушали только своихъ помѣщиковъ и губернаторовъ, не признавая ни королевской власти, ни «свѣтлѣйшихъ сеймовъ», ибо, сказать правду, въ 30-ти-лѣтнее царствованіе короля Августа III, ни одинъ изъ сеймовъ не состоялся.

Другой документъ, того-же году 11 Августа подписанный, есть протестъ регента. т. е. королевскаго прокурора Винницкаго *Антоня Мерзвинскаго* о томъ: что гайдамаки, завладѣвъ Винницкимъ замкомъ (гдѣ архивы воеводства хранились), разломавъ двери въ судебной палатѣ, захватили всѣ акты, и одни разбросали, другіе изорвали или на патроны къ своимъ ружьямъ употребили; — что слѣдственно до окончанія всѣхъ бѣдствій, никакія сдѣлки и акты не будутъ имѣть законной своей силы.

Но противъ гайдамакъ и Польскихъ и Запорожскихъ, бичемъ явился кошевый атаманъ *Григорій Федоровъ*, по прозванію *Лантухъ*, избранный въ эту должность въ 1755 году. Онъ вмѣстѣ съ войсковымъ эсауломъ (бывшимъ послѣ кошевымъ) *Петромъ Калнишевскимъ*, и большими командами добраго товариства, цѣлые годы проводилъ въ полѣ, розыскивалъ бродягъ и гайдамакъ, и цѣлыя ихъ сотни перевѣшалъ въ Сѣчи, на *рыбалняхъ* и по большимъ

дорогамъ. Главныя пристанища гайдамакъ: с. *Вербовое*, (близь Елисаветграда), зимовники на рѣкѣ Громоклеѣ, и одинъ островъ на Бугѣ (около с. Мигей Херс. губ.), укрѣпленные засѣками и пушками были истреблены и разорены. Наконецъ, что почти невѣроятно, но что впрочемъ истинно происходило, кошевый преслѣдовалъ разбойниковъ, не только оружіемъ, но даже убѣжденіемъ. Черезъ куреныхъ атамановъ, уважаемыхъ и любимыхъ войскомъ, чрезъ прощенныхъ раскаявшихся гайдамакъ, — которыхъ онъ подсылалъ къ шайкамъ, онъ умѣлъ склонить многихъ къ прекращенію своихъ набѣговъ и однажды болѣе 100 негодяевъ сами пришли въ Сѣчь съ повинною головою, прося помилованія и въ знакъ покорности, отдавая свои лошади, оружіе и деньги.

Видно старанія Коша увѣнчались успѣхами, когда злѣйшіе враги козачества — Поляки, отдаютъ справедливость кошевому Григорію Федорову, какъ мы это сказали выше, въ главѣ первой настоящаго нашего очерка.

Другимъ бичемъ своевольству гайдамакъ и даже козаковъ Запорожскихъ, повторяемъ, было учрежденіе сперва на Польско-Запорожскомъ рубежѣ Русскихъ крѣпостей: въ Крыловѣ, Петровомъ островѣ, Ново-Архангельскѣ и Орликѣ (Ольвіополѣ), а послѣ и цѣлаго военно-Сербскаго поселенія въ Буго-Гардовской и Орѣльской паланкахъ или округахъ Запорожья. Тогда уже не только кошевыя команды, но и регулярные гусарскіе и пикинерные

полки охраняли безопасность и тишину Ново-Сербіи и всей южной и западной Руси. Эти полки набранные за границею, чуждые Запорожья и *вольности* козачьяго духа, были обучены въ железной Нѣмецкой дисциплинѣ, а потому всякая попытка гайдамакъ «погуляты въ Польшѣ» была сопряжена съ большею для гайдамакъ опасностью. Тогда дѣятельность козачьяго духа обратилась на Ново-Сербцевъ, о чемъ мы уже сказали свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ. (*Исторія Новой-Сѣчи*, стр. 229 и др.).

Такъ приблизился знаменитый въ лѣтописяхъ гайдамацтва 1768 годъ, и тогда разыграна была имъ послѣдняя изъ тѣхъ печальныхъ и кровавыхъ трагедій, которыя намъ представляетъ исторія ХVІІ столѣтія, въ первые годы возстанія козачества противу Польши. Объ этомъ событіи долгомъ считаемъ говорить отдѣльно и нѣсколько обширнѣе, а потому кромѣ Запорожскаго архива, мы еще принуждены будемъ прибѣгнуть къ свидѣтельству другихъ очевидцевъ и жертвъ, — т. е. Поляковъ и Евреевъ.

III.

Всѣмъ извѣстно, сколь много бѣдствій для Польши и всей юго-западной Россіи принесла не-терпимость католическаго Польскаго дворянства, и слѣдственно сеймовыхъ его постановленій, всего того, что было не католическо-Римское. Иезуиты, завладѣвшіе съ половины XVII столѣтія воспитаніемъ Польскаго юношества въ университетахъ, коллегіяхъ, школахъ, даже въ семейномъ кругу, болѣе и болѣе возбуждали умы Поляковъ противу Русскихъ и протестантовъ, которыхъ звали *диссидентами*, хотя тяжкія потери и бѣдствія всякаго рода напоминали имъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ, столь не-политическихъ мѣръ. Вотще Россія, Пруссія и Англія давали добрые совѣты чрезъ своихъ посланниковъ; законодательныя палаты въ XVIII столѣтія дѣйствовали столь-же неблаго-разумно, какъ и въ царствованіе королей изъ рода Вазовъ. Жалкій примѣръ столь не политическаго образа мыслей, далъ сеймъ 1767 года, который лишилъ диссидентовъ всѣхъ гражданскихъ правъ и свободы богослуженія; забытыя съ XVII сто-

лѣтія гоненія за вѣру, возобновились опять. Протестанты покорились, но православные, надѣясь на законность правъ своихъ, свою силу и въ особенности на покровительство Русскаго двора, противились и на сеймѣ и въ провинціяхъ. Все это ожесточало умы и подало поводъ нѣсколькимъ злонамѣреннымъ людямъ къ великимъ преступленіямъ.

Избраніемъ не знатнаго и не богатаго дворянина *Станислава Понятовскаго* на престолъ Польскій, нѣкоторые вельможи (сами желавшіе короны), были жестоко оскорблены. Они видя, что стараніемъ молодаго Русскаго посланника въ Варшавѣ князя Репнина, конституціи (постановленія) временъ Августа II и сейму 1767 года, противныя диссидентамъ были уничтожены; подстрекаемые также интригами нѣкоторыхъ державъ, боявшихся могущества Россіи, собрали въ вооруженные союзы или *конфедераціи* (*confederatio*), высшее и мелкое дворянство, безъ дозволенія на то своего Монарха и сейма. Такого роду была знаменитая и пагубная *Барская* конфедерація, провозглашенная 29 Февраля 1768 года *Іосифомъ Пулавскимъ*, старостою Варецкимъ. Истинными ея предводителями, для собственныхъ видовъ, были: *Станиславъ Щенский* (*Феликсъ*) *Потоцкій*, воевода Русскій, *Ксаверій Браницкій*, гетманъ великій коронный, князь *Радзивиллъ*, воевода Виленскій, первый вельможа Литовскій, *Венцеславъ Ржевусскій*, воевода Краковскій, съ сыномъ своимъ *Севериномъ*

и князь *Любомирскій*, воевода *Брацлавскій*. Это были и главнѣйшіе владѣльцы имѣній въ обѣихъ *Украинахъ*. Все мелкое дворянство южныхъ воеводствъ къ нимъ присоединилось, даже часть регулярнаго войска (*Gwardij Narodowej*), исключая престарѣлаго командира *Украинской дивизіи*, *регентаржа Воронича*. *Барскіе конфедераты* имѣли на своихъ знаменахъ изображеніе *Богородицы*, а на мундирахъ вышитые кресты, желая тѣмъ уподобить себя крестоносцамъ, усерднымъ защитникамъ самого упорнаго католицизма. Ея лозунгомъ были: *свобода и вѣра* (*wolność i wiara*), а въ самомъ дѣлѣ не ограниченное честолюбіе вельможей, своевольство шляхты, нетерпимость всего, что не было *Римско-апостолическо-католическое*. Но эти *усердные* католики не гнушались, для пагубы короля своего и диссидентовъ держать на жалованьи отрядъ *Ногайцевъ*, ватагу *гайдамакъ*, подъ командою *Атамана бѣглаго Запорожца Саввы* и самими низкими средствами искать помощи у *правовѣрнаго* султана *Турецкаго*! Трудно вѣрить, — а между тѣмъ это совершенная истина¹.

¹ О томъ, что *Поляки* противники короля *Станислава* и *Россіи*, искали помощи *Турокъ* и *Татаръ*, вотъ доказательства: 1) Въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Rusałka*, изд. въ *Вильнѣ*, въ 1840 году, *Ал. Грозою*, въ статьѣ: *U stęp z pamiętników starego szlacheńsica Litewskiego*, (отрывокъ изъ записокъ стараго *Литовскаго дворянина*) очень ясно говорится, что по совѣту *Витебскаго воеводы графа Ошнскаго*, начальники недовольныхъ (королемъ), отправили къ хану *Крымскому* и къ *Запорожцамъ* посланцевъ, для возбужденія ихъ противу короля *Станислава* и его защит-

Замѣтимъ мимоходомъ, что во всѣхъ Мало-Польскихъ воеводствахъ, одно только высшее и меньшее дворянство были католиками, масса-же городского и сельскаго народонаселенія была

ницы Россіи. 2) Въ книгѣ подъ заглавіемъ: «*Пльнь и страданіе Россіянъ у Турковъ*» и пр. (въ 1760–1774). Спб. 12°. 1790 г., стр. 71 и др., такъ описанъ пріѣздъ графа Потоцкаго къ великому визирю: «4-го числа явился у визиря Польской конфедератный посолъ графъ Потоцкій, у котораго въ свитѣ находилось около 150 конныхъ жолнеровъ и улановъ и 12 колясокъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ онъ самъ, а въ прочихъ сопутствовавшіе ему чиновники. Приемъ-же сдѣланъ ему былъ отъ визиря не таковъ, каковымъ онъ себя льстилъ; но ему должно было простершись предъ нимъ на землю, какъ рабу предъ своимъ господиномъ, цѣловать полу одежды его и въ самыхъ уничижительнѣйшихъ выраженіяхъ изъяснять нужды собратій своихъ, что хотя гордынѣ и величавости ихъ вовсе противно, но несказанная ихъ противъ Россіи злоба, не удовлетворенная никакимъ мщеніемъ, преклоняла чело ихъ къ самой персти, сущей подъ ногами Турковъ. Оной Потоцкій говорилъ между прочимъ визирю именемъ всѣхъ своихъ конфедератовъ, что они подвергаютъ себя подъ защищеніе лучезарнаго, непобѣдимаго и святѣйшаго Магометова знамени, которому да пошлетъ Богъ на Россіянъ совершенную побѣду; и что ежели визирь благоволитъ дать имъ войска только 30,000, то они въ состояніи будутъ выгнать ихъ всѣхъ изъ Польши. Визирь-же на то отвѣчалъ съ гнѣвомъ, что онъ никогда не можетъ и не долженъ ввѣрить Мусульманскаго войска таковымъ безвѣрнымъ, каковы суть Поляки, а что ежели Султану угодно будетъ послать имъ помощь, въ такомъ случаѣ можетъ онъ поручить начальство надъ войскомъ своимъ достойнымъ пашамъ. Г Потоцкій услыша такой отзывъ, безмѣрно оробѣлъ и упавъ отъ страху визирю въ ноги, просилъ рабски у него извиненія въ дерзновеніи своемъ и сказалъ, что онъ во всемъ предается въ волю его, и молить только о помощи изъ единаго великодушія Е. Султ. В. и Его свѣтлѣйшей особы, въ чемъ ему и небыло отказано».

Описанный здѣсь депутатъ Барской конфедерации, былъ извѣстный своею гордостью и богатствомъ графъ *Станиславъ Щенский Потоцкій*.

истинно Русская, по націонализму и исповѣданію. Даже дворянство Уніятское было Русское, ибо въ XVІІ столѣтіи оно было завлечено къ этому исповѣданію посредствомъ Русскаго слова, т. е. Славянскаго Богослуженія. Извѣстіе о столь фанатическомъ союзѣ, какова была Барская конфедерація, наполнило сердца диссидентовъ ужасомъ, удвоило ихъ опасенія о будущемъ и усилило ихъ ненависть къ латинцамъ. Подъ именемъ сихъ послѣднихъ, Русскіе поселяне считали въ особенности пановъ-губернаторовъ, коммисаровъ (управителей), повѣренныхъ и офиціалистовъ всякаго рода въ Украинскихъ имѣніяхъ Польскаго дворянства, которыхъ исключая Потоцкаго, ни одинъ изъ этихъ магнатовъ-владѣльцевъ не посѣщалъ. Украину они подобно своему духовенству считали *partes infidelium*. Этимъ то расположеніемъ духа Украинской Руси, воспользовалось нѣсколько честолюбцевъ и злодѣевъ, которые изъ собственныхъ видовъ, корысти или властолюбія, приобрѣли этой богатой и прекрасной странѣ самую печальную извѣстность.

Въ Чигринскомъ уѣздѣ, нынѣшней Кіевской губерніи, близь м. Жаботина, находятся въ Лебединскомъ лѣсу два православные монастыря, одинъ женскій только въ 1780 году построенный, другой мужескій, во имя Св. Георгія Побѣдоносца, въ особенности уважаемый благочестивымъ народомъ. Въ половинѣ XVІІІ столѣтія, всѣ православные монастыри на Украинѣ и въ особен-

ности Лебединскій, или какъ другія полагаютъ Мотронинскій монастырь¹, подверглись разнымъ гоненіямъ со стороны Поляковъ, тѣмъ болѣе отъ ихъ духовенства и такъ называемыхъ миссій, т. е. лицъ духовнаго званія, большею частью монаховъ Іезуитскаго, Доминиканскаго и Базиліанскаго орденовъ, посвятившихъ всѣ свои труды на обращеніе Русскаго народа въ католицизмъ, или въ Унію. Разныя нареканія и жалобы сосѣднихъ губернаторовъ на этотъ монастырь, доходили до Варшавы и до Кіева. Жалобы эти были самаго удивительнаго и почти невѣроятнаго рода: его обвиняли въ помощи или по крайней мѣрѣ въ потворствѣ гайдамакамъ грабившимъ Польшу, съ которыми будто бы и игумень и братья монастырская жили въ тѣсной

¹ О Лебединскомъ монастырѣ въ V-й части *Исторіи Россійской Іерархіи*, стр. 7, сказано слѣдующее: «Лебединскій Георгіевскій заштатный мужескій монастырь Кіевской епархіи, находится Чигринскаго повѣта въ с. Лебединѣ, въ урочищѣ *Чичковѣ*, въ *Водяной балкѣ*, рѣчкѣ *Туріи*, разстояніемъ отъ Кіева въ 200, а отъ Чигрина въ 90 верстахъ. Когда построень монастырь сей, свѣденій не имѣется, извѣстно только, что въ 1682 году Января 31, Наказный Гетманъ Украинскій *Яній Драйденца* дозволилъ, на мѣсто опустошеннаго отъ Поляковъ монастыря, построить церковь и монастырь возобновить. Въ монастырѣ двѣ церкви деревянныя: одна во имя Св. великомученика и побѣдоносца Георгія, другая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Настоятельство въ монастырѣ есть Игуменское, учреждено 1662 года 13 дня, преосвященнымъ Іосифомъ Тукальскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ». О Мотронинскомъ-же монастырѣ, находимъ нѣсколько свѣдѣній въ «*Краткомъ Историческомъ свѣдѣніи о монастыряхъ Кіевской митрополіи* (Кіевъ, 1832, стр. 6)». «Мотронинскій Троицкій (мужескій) монастырь,

дружбѣ, давали имъ въ дебряхъ своихъ пристанище, раненымъ въ монастырѣ пріютъ, защиту и пособіе, и за то дѣлились съ ними добычею. Въ наше время никто-бы не повѣрилъ такимъ слухамъ, но въ эпоху Барской конфедераціи, все было или считалось возможнымъ, и Польское правительство дало о томъ знать митрополиту *Феліціанъ Володковичъ*, Уніятскій митрополитъ Кіевскій и всея Руси (какъ они себя называли), пастырь добрый и усердный, увлекался однакожь пристрастіемъ къ уніи. Подъ видомъ прекращенія соблазна въ православной церкви и всѣхъ толковъ латинскаго духовенства, онъ приказалъ полковнику своей козачьей милиціи *Ковальскому*, (родомъ изъ *Кожанки Липовецкаго уѣзда*), отправиться съ

находится въ Чигринскомъ уѣздѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ Кіева по прямой дорогѣ въ 170, а отъ Чигрина въ 40 верстахъ. Онъ съ четырехъ сторонъ окруженъ древнимъ великимъ крѣпостнымъ валомъ, заросшимъ устарѣлымъ уже лѣсомъ. Валъ этотъ имѣетъ въ окружности 1750 сажень. Лѣсъ, окружающій монастырь, послѣ назывался по имени владѣтельницы *Мотронинскимъ*, а по лѣсу и монастырь получилъ названіе. О построеніи въ семь мѣстѣ Мотронинскаго монастыря, по грамотамъ только извѣстно, что оный возобновленъ, по благословенію Кіевскаго митрополита *Іоны Протасевича* въ 1568 году и утвержденъ универсалами гетмановъ *Петра Сагайдачнаго* и *Петра Дорошенка*, 1620, 1621 и 1671 годовъ, но въ 1669 году, во время занятія города Чигрина Турками, сожженъ и вовсе разоренъ. Послѣ чего вновь построена въ немъ церковь, по благословенію Кіевскаго митрополита *Гедеона Святополка* (князя *Четвертинскаго*) въ 1685 году, по универсалу Чигринскаго старосты князя *Яна Станислава Яблуновскаго*, и съ того времени существуетъ донинѣ.

командою въ Лебединъ. Ему приказано было упразднить монастырь, а виновныхъ монаховъ представить его духовному суду. Козаки разрушили и церковь и монастырь, оставивъ неприкосновенною только Св. трапезу, но монахи не считая себя подсудимыми Уніатскому архіерею, разбѣжались. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ, уже около 1760 года, монахи испросили у Польскаго двора позволеніе возвратиться въ свою опустошенную обитель, и по благословенію православнаго Кіевскаго митрополита, своего духовнаго начальника, при помощи Запорожскихъ козаковъ и поселянъ, возобновили свой монастырь и церковь. Съ того времени эта обитель сдѣлалась центромъ и геніемъ всѣхъ предпріятій Русскаго народонаселенія Украины, противъ ненавистой ему Польши. Преданія живыя доселѣ говорятъ: что игумень Лебединскаго (или по сказанію Запорожцевъ Мотронинскаго) монастыря *Мельхиседекъ*, изъ дворянскаго рода *Значко-Яворскихъ*, искренно преданный православію, не смотря на силу въ этомъ краѣ католическаго и уніатскаго духовенства, началъ проповѣдывать явно святую вѣру по обрядамъ восточной церкви и обращать къ ней уніатовъ¹. Дѣйствія его вѣроятно не сопровождались благоразумною осторожностью, и онъ подвергся

¹ Есть одно преданіе, что Мельхиседекъ не былъ архимандритомъ, а инокомъ, занимавшимся медициною, химіею и и другими науками.

гоненіямъ мѣстнаго уніятскаго епископа *Гервасія Линовскаго*, отъ котораго онъ претерпѣлъ тяжкое заключеніе. Ушедъ изъ тюрмы, онъ воспламенился уже не рвеніемъ, а истиннымъ фанатизмомъ и поклялся отмстить гонителямъ своимъ и православія. Мельхиседекъ узнавъ о Барской конфедераціи, видя всеобщее смущеніе православныхъ и вооруженіе мелкаго дворянства, по наущенію нѣсколькихъ честолюбивыхъ магнатовъ, — онъ предвидѣлъ готовящіяся отъ гого неминуемая бѣдствія для православной церкви. Одушевленный энтузіазмомъ, а быть можетъ и собственною местию, онъ отправился въ Петербургъ, чтобы испросить покровительства и помощи у Русской Монархини, для страждущей по его мнѣнію, западной Руси. Польскіе историки говорятъ, (впрочемъ сходно съ истинною), что Императрица *Екатерина* отвѣчала игумену: что она въ чужомъ государствѣ распорядиться не желаетъ, но что всѣ диссиденты православнаго исповѣданія въ Польшѣ, отъ Русскаго посланника пребывающаго въ Варшавѣ, сильную защиту имѣютъ. Игумень видя неудачу, отправился въ Сѣчь Запорожскую, гдѣ подобно всѣмъ духовнымъ, былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ и гостепріимствомъ. Явившись къ кошевому *Петру Калнишевскому*, онъ представилъ ему вымышленную грамоту Императрицы *Екатерины II*, въ которой изображено было данное войску Запорожскому повелѣніе, помогать всѣми средствами угнѣтенной

церкви. Кошевой обыкновенно не знающій грамоты, отдалъ указъ для прочтенія войсковому писарю (Ивану Глобѣ); умный козакъ немедленно удостовѣрился въ подлогѣ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Игумену данъ отвѣтъ: что если-бы великая Монархиня потребовала въ самомъ дѣлѣ службы козаковъ, своихъ *щиро-подданныхъ*, то бы прислала свой указъ не чрезъ игумена, а чрезъ особаго посланца «якъ то изъ виговъ бывало» въ Запорожьи.

Тогда игумень въ гнѣвѣ на кошеваго обѣщаль отмстить и ему и Ляхамъ, съ которыми онъ рѣшился управиться самъ. Для того онъ пустился искать помощи у старыхъ своихъ знакомыхъ гайдамакъ, какъ живущихъ въ Запорожьи, такъ и въ Польской Украинѣ. Къ нимъ надѣялся онъ присовокупить всякую сволочь, которая ежегодно сначала весны до глубокой осени *аргатовала*, т. е. нанималась въ работники къ рыбакамъ, на устьяхъ Буга и Днѣпра. Для этого предпріятія онъ нашель и достойнаго предводителя.

На рѣчкѣ Громоклеѣ¹, гдѣ теперь село Алексѣевское, жилъ старый Запорожець *Григорій Железнякъ*, нѣкогда куренный товарищъ и эсауль полковой, сидѣвшій до 1755 года зимовникомъ на

¹ Въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Тамъ были издревле зимовники Запорожскіе, принадлежащіе къ Бугогардовой паланкѣ и тамъ долѣе всего удержалось гайдамацтво, по причинѣ отдаленности отъ центра войска и слѣдственно надзора Коша.

р. Сурѣ, Кодацкой паланки, а тогда уже переселившійся въ эти мѣста. Изъ двухъ сыновей, младшій *Максимъ* заступалъ его мѣсто въ войскѣ въ куренѣ Тимошевскомъ. Запорожцы того куреня говорили, что онъ былъ родомъ изъ Польши, изъ села Ивковецъ и только въ 1740 или 1750 годахъ прибылъ въ Запорожье. Впрочемъ, всѣ соглашались, что *Максимъ Железнякъ* былъ козакъ храбрый, смѣтливый, грамотный и долго служилъ въ войсковой пушкарской командѣ. Неоднократно оставлялъ курень и аргатсвалъ въ низовьяхъ Днѣпра или *шинковалъ*, т. е. продавалъ водку въ Запорожьи или въ Очаковѣ. Часто пропадалъ безъ вѣсти и тогда полагали, что онъ пускался *въ пѣхоту*, (т. е. гайдамачилъ) въ Крымъ и Польшу. Въ послѣдній разъ видали его въ Запорожьи въ 1767 году. Впослѣдствіи, когда имя его приобрѣло столь горькую извѣстность, ходили разные слухи о его жизни и происхожденіи. Одни увѣряли, что онъ изъ набожности жилъ послушникомъ въ Межигорскомъ монастырѣ; другіе, что избѣгая преслѣдованій Русскаго правительства, жилъ близъ Медведовскаго монастыря и служилъ ему какъ скутельникъ; другіе-же, что онъ просто былъ ватажкомъ гайдамацкой шайки, скрываясь постоянно въ Лебединскомъ лѣсу, а въ случаѣ нужды и въ Запорожьи. Въ куренныхъ регистрахъ съ 1750 по 1770 годъ (у насъ находящихся), его имени не находимъ, вѣроятно по обычаю войска, онъ тогда имѣлъ другое названіе.

Преданіе народное и свидѣтельство нѣкоторыхъ Польскихъ писателей, къ 1767 году присоединяютъ упомянутый выше приѣздъ игумена Мельхиседека въ Запорожье. Онъ изъ Сѣчи пробрался въ зимовики на рѣчкѣ Громоклеѣ, посѣтилъ Железняка и легко убѣдилъ суевѣрнаго и грубаго старика отпустить съ нимъ своего сына Максима, не скрывая, что онъ будетъ ватажничать съ большею шайкою на «Лядской землѣ». Съ Максимомъ онъ имѣлъ откровенные разговоры и воспламенилъ легко честолюбіе безпокойнаго козака, которому тѣсно было на его поприщѣ. По отъѣздѣ игумена Максимъ Железнякъ не терялъ времени; на данныя ему деньги собралъ себѣ шайку въ Запорожьи изъ 50 чел. конныхъ и хорошо вооруженныхъ, добылъ даже перначи и знамена и прибылъ въ Лебединскій монастырь въ началѣ весны 1768 года. Между тѣмъ игумень къ храмовому празднику своей обители $\frac{23 \text{ Апрѣля}}{5 \text{ Мая}}$, т. е. въ день Св. Великомученика Георгія, созвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ и поселянъ православнаго исповѣданія, къ слушанію Божественной литургіи и на пиръ, которому придалъ возможное торжество. Когда напитки отуманили головы, онъ сообщилъ гостямъ свои кровавые замыслы и легко успѣлъ уговорить многихъ, особенно простолюдиновъ, вступить въ гайдамацкое братство, подъ начальствомъ Железняка, — на истребленіе заклятыхъ враговъ козачества: Ляховъ и Жидовъ, на возстановленіе въ Польской Украинѣ *гетманщины*, уничтоженной тамъ

въ XVII столѣтіи. Для убѣжденія колеблющихся, игумень показывалъ, въ тайнѣ, упомянутый выше ложный указъ Императрицы, дающій Высочайшее повелѣніе кошевому Запорожскаго войска, помогать ему и гайдамакамъ въ ихъ замыслахъ. Наконецъ, Железняку и его сообщникамъ далъ свое благословеніе и оружіе ихъ окропилъ св. водою.

Въ три дни послѣ, эта новаго рода гайдамацкая ватага, раздѣлясь на малые отряды, (изъ опасенія губернаторскихъ милицій), выступила изъ монастыря. Железнякъ и лучшіе его товарищи, были вмѣстѣ проповѣдниками возмущенія поселянъ противу Польскихъ помѣщиковъ. Ближе всѣхъ къ Лебедину было с. *Медведовка*, замѣчательное тѣмъ, что тамъ существовалъ издревле православный монастырь. Туды по случаю праздника, на ярмарку собралось много поселянъ и мѣщанъ православнаго исповѣданія. Железнякъ явился тамъ съ знаменами и оружіемъ, прочиталъ свой ложный указъ и взволновалъ все собраніе. Разъяренная толпа вооружилась, — а это легко было сдѣлать въ тѣ печальныя времена, когда оружіе было какъ-бы частицею одежды для мушины, — присоединилась къ гайдамакамъ и бросилась на м. *Жаботино*, принадлежащее князю Любомирскому, гдѣ командовалъ въ качествѣ губернатора полковникъ *Вицалковскій*. Не смотря на всѣ усилія вѣрнаго губернатора, козаки княжеской милиціи ему измѣнили; ихъ сотникъ *Мартынь Бьлуга* съ большею частью своей команды присоединился къ Желез-

няку. Вичалковскій спасся было бѣгствомъ, но послѣ кажется погибъ отъ руки гайдамацкой, ибо находимъ въ народной пѣснѣ, сложенной въ честь Железняка слѣдующія строки:

«Бѣлуга Мартынъ Жаботинскій, да по рыночку ходитъ
Свого пана-губернатора, за собою водитъ,
И водючи за собою тай до ёго каже:
«Не одного теперь Ляха, голова заляже»...

Замокъ, т. е. помѣщичій домъ въ Жаботинѣ былъ разоренъ, мѣстечко разграблено, Поляки и Жиды замучены, или переколоты. *Смила*, одно изъ лучшихъ имѣній Любомирскихъ, подвергалось той-же участи¹. Эти первые успѣхи были сигналомъ общаго возмущенія поселянъ, считавшихъ гайдамакъ войскомъ Запорожскимъ, присланнымъ изъ Россійской арміи. Изъ одного с. *Орловца* прибыло до 100 конныхъ козаковъ, чтобъ служить въ командѣ Железняка. Его походъ былъ облитъ кровью, обозначенъ грабежемъ и пожарами: *Богуславъ*, *Корсунь*, даже *Каневъ*, не смотря на свой укрѣпленный замокъ, пушки и сильный гарнизонъ, содержимый монахами Базиліанскаго ордена, которыхъ игумень былъ аббатомъ (архимандритомъ) и старостою вмѣстѣ, были захвачены гайдамаками. Вездѣ господскіе дома были разорены или сожжены, мѣстечки разграблены, католическіе свя-

¹ Смила и ключъ (волесть) сего имени, отъ князей Любомирскихъ въ 1780 году перешли къ князю Потемкину-Таврическому, а отъ него къ его племяннику графу Самойлову.

щенники, Поляки и Жиды умерщвлены самымъ безчеловѣчнымъ образомъ¹. Въ Богуславѣ Железнякъ отдыхалъ, и когда его шайка пировала по корчмамъ, или въ домахъ убитыхъ дворянъ, онъ совѣтовался съ своими эсаулами и сотниками: одни хотѣли идти на *Бѣлую-Церковь*, имѣніе князя Станислава Любомирскаго, старосты Бѣлоцерковскаго, другіе желая мстить главному своему врагу конфедерату Потоцкому, предлагали завладѣть Уманью, которую онъ (1761) отлично устроилъ, укрѣпилъ и даже обогатилъ, посредствомъ умнаго хозяйства, порядка и торговли. Въ Богуславѣ къ гайдамакамъ присоединились: *Василій Шило*, Запорожецъ изъ Брюховецкаго куреня и вся почти Богуславская старостинская милиція съ своею старшиною.

На дорогѣ отъ Богуслава къ Умани была *Лысянка*², принадлежащая Познанскому воеводѣ и Чигринскому старостѣ, князю Яблоновскому. Гайдамаки рѣшились не упустить этой добычи и бросились на замокъ. Современный писатель *Липоманъ* такъ описываетъ это печальное происше-

¹ О нападеніи гайдамакъ на Каневъ, его защитѣ и паденіи, Украинскій поэтъ г. *Гощинскій*, сочинилъ и издалъ весьма занимательную повѣсть на Польскомъ языкѣ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ: *Zamek Kaniewski*.

² Въ 1622 году король Сигизмунтъ III выдалъ инструментъ или грамоту на укрѣпленіе Лысянки, воеводѣ Русскому, т. е. Чермно-Русскому *Ивану Даниловичу*.

твіе'. «Въ мѣстечкѣ Лысянкѣ былъ каменный замокъ (т. е. господскій домъ), который съ флигелями составлялъ родъ полнаго четверугольника. Средній фасадъ былъ въ два этажа, съ большими воротами и башенками по угламъ, могущими посредствомъ своихъ пушекъ, обстрѣливать и защищать всѣ стороны замка. Кромѣ того, все зданіе было обнесено дубовымъ палисадомъ съ укрѣпленными воротами. Въ замкѣ находилось значительное число пѣшихъ козаковъ и большой запасъ аммуниціи. Въ это время (1768 г.) прибылъ въ Лысянку изъ Волыни *Кучевскій*, главный комиссаръ или губернаторъ имѣній князя Яблоновскаго, изъ которыхъ одна Лысянская волость имѣла до 10,000 душъ поселянъ. Узнавъ о гайдамацкихъ наѣздахъ, до 200 сосѣднихъ дворянъ и жидовъ искало убѣжища въ этомъ замкѣ. Вскорѣ гайдамаки явились тамъ, но видя крѣпкія стѣны и пушки, отступили и обратились къ жителямъ мѣстечка православнаго исповѣданія, чтобы преклонить ихъ на свою сторону. Это имъ удалось. Главнѣйшіе хозяева пришли къ замку и просили позволенія говорить съ Кучевскимъ. Когда они были къ нему допущены, то предложили, что если замокъ немедленно сданъ будетъ нападателямъ, вѣрному войску Запорожскому, то онъ и

¹ Въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Bunt hajdataków na Ukrainie*, напечатанномъ сперва въ журналѣ: *Другъ народа*, въ Лешнѣ, а послѣ особо въ Познани въ 1842 году.

всѣ жители останутся живы, а имущество ихъ будетъ пощажено; они присовокупили, что впрочемъ всякое сопротивленіе будетъ напрасно, ибо вскорѣ вся Украина будетъ отдана козакамъ и сдѣлается Гетманщиною по прежнему. Несчастный Кучевскій, побуждаемый страхомъ или убѣжденный ложными ихъ доказательствами, отворилъ ворота; гайдамаки какъ бѣшеные ворвались въ замокъ, и немедленно начались убійства и грабежь. На Кучевского надѣли сѣдло, ѣздили на немъ, а послѣ закололи пиками; другихъ съ крышъ скидывали на копья, или убивали чѣмъ попало, такъ-что стѣны комнатъ, повѣствователь, еще въ 1779 году, т. е. въ 11 лѣтъ послѣ, видѣлъ обрызганные кровью, такъ-что и известъ пятенъ стереть не могла. Только весьма немногіе изъ дворянъ скрывавшихся въ замокъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, ушли съ арестантами въ ту минуту, когда убійцы выпускали свхъ послѣднихъ изъ тюрьмы». У входа въ церковь Францисканскаго монастыря, гайдамаки на балкѣ повѣсили Поляка, Жида и собаку съ слѣдующею надписью:

«Ляхъ, жидъ и собака
Все вира одинака!»

Наконецъ, гайдамаки разграбивъ и разоривъ Лисянскій замокъ, пустились къ Бѣлой-Церкви, но тамъ нашли всѣ приготовленія къ усердной защитѣ; два или три выстрѣла ядрами отбили у нихъ охоту отъ осады этого мѣстечка.

Железнякъ нетерпѣливо смотрѣлъ на эти мѣлкіе подвиги, его главная цѣль была *Умань* и вотъ сколько судить можетъ, какія къ тому были причины.

Уже выше сего сказали мы нѣсколько словъ о началѣ и состояніи Уманской волости. Теперь присовокупимъ, что до 1750 годовъ, она не смотря на свое безмѣрное пространство не приносила помѣщику и 50,000 руб. годоваго дохода и всѣ ея мѣстечки и села были въ развалинахъ. Но въ 1757 году, графъ Францъ Потоцкій по рекомендаціи князя Дмитрія Яблоновскаго, отправилъ въ этотъ край управителемъ, или какъ тогда называли, губернаторомъ *Рафаила-Деспота Младановича*, подстоля Смоленскаго, въ чинѣ полковника и коменданта, съ королевскимъ позволеніемъ: устроить крѣпость и магдебургію въ Умани. Великій гетманъ коронный графъ Потоцкій, дядя помѣщика, далъ Младановичу *инструментъ* на укрѣпленіе Умани, 32 пушекъ и сравнилъ оную съ королевскими пограничными постами; слѣдственно и съ правомъ военнаго суда. Съ нимъ вмѣстѣ отправился дядя жены его, старый солдатъ *Горжевскій* съ титуломъ генеральнаго полковника, пограничнаго коменданта и крисъ-коммисара партіи войскъ Украинскихъ; а наконецъ *Яковъ Квяткевичъ*, губернаторъ Тарговицкій. Не прошло и шести лѣтъ, какъ не только внутренняя цѣнность Уманской волости, но и самый видъ этаго края измѣнился. Горжевскій и Младановичъ въ 1761

году основали новую крѣпость и новый городъ на пепелищѣ стараго зѣмка; привлекли въ него торговлю посредствомъ важныхъ ярмарокъ и преимуществъ даруемыхъ торгующимъ; завели дружескія сношенія съ Русскими пограничными властями (особенно съ Новосербіею), съ Запорожьемъ, съ Крымомъ и даже Ногайскими ордами, съ которыми сносились посредствомъ Балтскаго Каймакана¹. Младановичъ изобрѣлъ самое удивительное средство уменьшить число разбоевъ и бродяжества. Украина славилась издревле своими красавицами; Младановичъ, когда ему удавалось поймать гайдамакъ своихъ или заграничныхъ, (т. е. Запорожцевъ), судилъ ихъ самъ на ратушѣ по Магдебургскому закону и уже приговоренныхъ къ смерти, показывалъ своимъ дѣвицамъ. Если красавица выбирала кѣторого нибудь изъ нихъ, тотъ немедленно получалъ прощеніе и свободу, если давалъ присягу сдѣлаться земледѣльцемъ и семьяниномъ. Тогда получалъ онъ землю, скоть, лѣсъ и на постройку избы лѣсъ и даже деньги. *Липоманъ* и другіе современники говорятъ, что такимъ образомъ Уманщина приобрѣла въ 10 лѣтъ до 1,000 хатъ, т. е. семействъ поселянъ. Кромѣ того, по предложенію того-же великаго гетмана короннаго

¹ Должно замѣтить, что небольшое тогда пограничное мѣстечко *Балта*, основанное выходцами изъ Украины и Запорожья около 1748 года, принадлежало по поламъ Крымскому Хану и Польшѣ: рѣчка Кодыма, идущая чрезъ середину этого городка, составляла границу обѣихъ владѣній.

Потоцкаго, его племянникъ давалъ безденежно земли тѣмъ изъ дворянъ особенно военныхъ, которые имѣли охоту, т. е. довольно смѣлости, чтобы поселиться на этомъ опасномъ рубежѣ Украины; за право владѣнія платили они современемъ самую ничтожную плату или *чиншъ*, который иногда былъ прощаемъ. Однимъ словомъ, въ эпоху появленія шайки Железняка, т. е. въ началѣ 1768 года, не смотря на огромныя издержки на постройку крѣпости и города, на содержаніе гарнизоновъ и городскаго начальства въ Уманскомъ, Могилевскомъ (на Днѣстрѣ) и Тарговицкомъ замкахъ (*Zwierzchność Zamkowa*), Потоцкіе получали болѣе 1,000,000 злот., т. е. по современному курсу до 1,200,000 руб. асс. ежегоднаго дохода.

Умань былъ ненавистенъ гайдамакамъ по причинѣ вѣчной, можно сказать, войны, которую вели съ ними тамошніе губернаторы, называвшіе себя стражами Украины со стороны Синюхи. Кромѣ того влекла ихъ туды — однихъ, жажда корысти, надѣясь грабежа Польскихъ и Еврейскихъ домовъ; другихъ религіозный фанатизмъ, котораго изчадіе Железнякъ былъ главнымъ орудіемъ. Но Умань съ своимъ козачьимъ ополченіемъ, крѣпкимъ палисадомъ и пушками былъ довольно укрѣпленъ, чтобы удержать нестройную ватагу; его могли защищать до 200 дворянъ тамъ постоянно живущихъ, столько-же дворянъ участвовавшихъ въ Барской конфедераціи, которыхъ подъ этимъ предлогомъ держали у себя Потоцкіе на Украинѣ, и

нѣсколько десятковъ Радзивиловскихъ козаковъ, прибывшихъ въ то время въ Умань, съ сестрою Младановича, комиссаршею *Бендзинскою*. Железнякъ зналъ это хорошо и вмѣсто прямого наѣзда на городъ, онъ завелъ въ немъ тайныя сношенія съ милиціею, состоявшею, какъ мы видѣли изъ Русскихъ поселянъ. Съ другой стороны губернаторъ Умани на эту-же милицію полагаля всѣ свои надежды, увѣренный особенно въ храбрости и преданности *Ивана Гонты*, одного изъ своихъ сотниковъ. Этотъ Гонта, простой поселянинъ изъ деревни гр. Потоцкаго *Росушекъ*, сдѣланъ былъ козакомъ, эсауломъ и наконецъ сотникомъ въ награду за усердіе и храбрость. Во время одной своей стоянки съ отрядомъ въ Кристинополѣ, онъ очень понравился воеводѣ Потоцкому, который надѣясь со временемъ имѣть въ немъ орудіе для своихъ далекихъ замысловъ, въ знакъ благоволенія, далъ ему въ пожизненное владѣніе село Орадовку. Посредствомъ Гонты Потоцкіе и его чиновники надѣялись владѣть всею козацкою дружиною. Но въ кровавыхъ стычкахъ гайдамакъ съ Уманцами, Железнякъ познакомился и подружился съ Гонтою. Между ними началась переписка и одна народная пѣснь говоритъ :

« Да стоявъ, стоявъ сотникъ Гонта въ степу три недѣли
Наихалы Смилянчики, да винъ ся имъ зvirивъ ; —

« Годи, годи сотнику Гонто у степу стояты,

Ходы въ нами козаками Умань грабоваты ». —

— «Ой якъ мыни пань-молодци, Умань грабоваты,
И на свого батька-пана, руку подыйматы»¹.

Но Железнякъ зналъ слабую сторону Гонты — непомѣрное честолюбіе. Гонта, лишь только изъ *хама* (какъ называли простолюдиновъ Поляки) сдѣлался *паномъ* и изъ козака шляхтичемъ и помѣщикомъ, то уже не только своего полковника, но и самаго Младановича не боялся, и какъ видно питалъ къ нему зависть и скрытую злобу. Железнякъ какъ истинный сынъ славнаго Запорожья умѣлъ и хитрить и лгать при удобномъ случаѣ. Онъ началъ тѣмъ, что показалъ Гонтѣ мнимый указъ Императрицы и подарилъ ему письменное благословеніе Лебединскаго игумена. Говоря ему о славѣ истребленія католиковъ и уніатовъ, распространенія православія и козачества, онъ не забывалъ возмущать его душу видами корысти. Онъ обѣщалъ Гонтѣ, что если онъ поможетъ ему взять Умань, то не только этотъ городъ со всѣмъ господскимъ имуществомъ, но и всѣ украинскія имѣнія Потоцкаго отдать въ вѣчную и потомственную собственность храбраго сотника. Уже тогда онъ не сотникомъ, а воеводою Русскимъ на мѣсто Потоцкаго будетъ. «Добре, замѣтилъ Гонта, а вы пане Максиме чимъ будете, полковникомъ чи що?». — «Отъ дурень, отвѣчалъ Железнякъ, та яжь буду гетманомъ обоихъ сторонъ

¹ «Украин. народ. пѣсни», изд. М. Максимовичемъ, стр. 124 и 125. *Годи*, довольно.

«(Днѣпра), якъ панъ Хмѣльницькій». — Это доказательство показалось Гонтѣ убѣдительнымъ и онъ обѣщаль ему помощь Уманской милиціи. Гибель Умани была рѣшена.

Теперь обратимся къ этому несчастному городу и послушаемъ, что говоритъ о наѣздѣ гайдамакъ очевидецъ, — дочь Младановича *Вероника*, имѣвшая тогда 18 лѣтъ отъ роду, которая передала намъ самое подробное объ этомъ событіи повѣтствованіе.

«Въ половинѣ Мая (1768), говоритъ она, распространились вездѣ слухи о мятежѣ черни въ Смилянщинѣ. Когда убѣдились въ истиннѣ этого событія, то мой отецъ и полковникъ *Обухъ* (командиръ козачьяго полка), приказали всѣмъ сотникамъ прибыть въ Умань подъ предлогомъ обыкновеннаго смотра. Полкъ сей-часъ прибылъ и вся его старшина съ знаменами, отправилась въ церковь (православную) для принесенія новой присяги, которой требовала важность тогдашнихъ обстоятельствъ. Послѣ церемоніи знамена отнесены въ лагерь козацій, расположенный у *Грекова* (лѣсокъ близъ Умани), а полковникъ съ сотниками и другими старшинами пришли къ моему отцу. Тогда-то я разсмотрѣла хорошо черты лица Гонты и слышала съ какимъ искусствомъ говорилъ онъ по Польски, и какія краснорѣчивыя дѣлалъ обѣщанія. О еслибъ сдержалъ онъ все то что тогда обѣщаль! Вскорѣ послѣ того полкъ снялъ свой лагерь и пошелъ по Звенигородской дорогѣ, обѣщая уничто-

жить гайдамаковъ». Такимъ образомъ Гонта шелъ на встрѣчу Железняку, который надѣясь на помощь сотника, по немногу приближался къ Умани убивая и сожигая все что было Польское и Жидовское.

«Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ Украины (угрожаемыхъ или разоренныхъ гайдамаками), изъ Смилянской, Бѣлоцерковской, Лысянской, Звенигородской, и др. губерній, шляхта и Жиды бѣжали въ Умань искать защиты. Только Грановская милиція, хотя имѣла болѣе 500 хорошо вооруженныхъ и храбрыхъ козаковъ осталась вѣрна своему помѣщику князю Чарторійскому¹. Умань былъ уже преисполненъ жителями, а еще нельзя было запереть его, ибо въ самомъ городѣ воды не было и должно было, какъ и теперь, посылать за нею версты за двѣ на ручей, называемый *Каменка*, гдѣ послѣ устроенъ знаменитый теперь садъ *Софіевка*. Противъ ратуши вырытъ былъ огромный колодезь, но хотя уже дошли до 200 сажень глубины, а все еще воды не отыскали. Вскорѣ опасность сдѣлалась такъ велика, что мой отецъ приказалъ запереть ворота (укрѣпленной

¹ Князь Адамъ Чарторійскій (отецъ) генералъ, т. е. предводитель дворянскихъ сеймовъ и земскаго ополченія земли Подольской, по родству съ Понятовскими и по своимъ мнѣніямъ на сеймѣ, былъ приверженецъ Россіи и соперникъ Потоцкихъ. Дворяне его партіи всегда увѣряли, а это было похоже на истинну, что графъ Потоцкій по честолюбію и легкомыслію своему, самъ поднялъ на ноги гайдамаковъ и вывелъ ихъ въ поле, чтобы обвинить короля предъ Русскимъ дворомъ. Потоцкій не воображалъ тогда послѣдствій, которыя пали на собственныя его имѣнія.

части города); вновь прибывающіе помѣщались какъ могли на предмѣстіяхъ, или большимъ таборомъ становились у Грекова. Въ началѣ Іюня, нѣсколько дворянъ изъ этого табора пришли къ моему отцу и сообщили ему свои опасенія: «что они отъ вѣрныхъ себѣ поселянъ узнали, что Гонта измѣнникъ, что онъ сообщникъ Железняка, того самаго, который получилъ благословеніе въ Лебединскомъ монастырѣ и который былъ главою Смилянскаго мятежа». Они требовали чтобы Гонта былъ призванъ въ Умань и по Магдебургскому праву казненъ немедленно. Мой отецъ отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ благородному человѣку, но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему. Всѣ явились по приказу: отецъ мой сообщилъ Гонтѣ о подозрѣніяхъ какія на него падали. Надобно было слышать какъ онъ защищался, ему написали особенную присягу и дали для прочтенія, ибо Гонта читать и писать умѣлъ. Онъ потребовалъ чтобы его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно». Къ чему все это Гонта дѣлалъ, постигнуть не можемъ. Или тогда онъ еще не рѣшался на столь кровавую измѣну, или притворною готовностью хотѣлъ усыпить бдительность Младановича и города? — «Его желаніе исполнили. Изъ трехъ церквей вышли на площадь священники, (обѣихъ исповѣданій), въ полномъ облаченіи, съ Евангеліемъ и хоругвями и тутъ козаки произносили присягу. Помню что и о. ректоръ монастырка и школы Базиліанскихъ

монаховъ, *Ираклий Костецкій* благословилъ тоже Гонту и тотъ цѣловалъ его руку!! Сотники воротились къ своему полку, а мой отецъ съ казначеемъ *Рогашевскимъ* и архитекторомъ *Шафранскимъ*, поѣхали для обозрѣнія табора расположеннаго у Грекова, гдѣ уже до 2,000 (а иные говорятъ до 6,000) чел. собралось». Этотъ Шафранскій былъ человекъ замѣчательный; онъ безпрестанно говорилъ о Берлинѣ и Фридрихѣ В., котораго зналъ лично; хотя одѣвался въ старинный Польскій костюмъ и былъ по званію своему землемѣромъ и архитекторомъ, но по всему видно было что служилъ въ военной службѣ, вѣрно Прусской. — «Онъ былъ присланъ графомъ *Потоцкимъ* для постройки крѣпости и городскихъ зданій, для основанія *Базиліанскаго* монастыря и отвода дарованныхъ ему земель и имѣній. Между тѣмъ всеобщій ужасъ наведенный гайдамаками умножилъ еще таборъ у Грекова, а 4 Іюня такая тревога вездѣ распространилась, что отецъ мой и *Рогашевскій* хотѣли матерей нашихъ и насъ отправить въ *Тарговицу*, мѣстечко на р. *Синюхѣ*, лежащее противу Русскаго города *Архангельскаго* (нынѣ *Ново-Архангельскъ*, воен. посел. *Хер. губ.*), на самой границѣ. Все изготовилось къ отъѣзду, когда посреди ночи, какъ мы уже сѣли въ экипажи, къ намъ на замокъ сбѣжали женщины, мѣщане, священники и жида съ плачемъ и просьбами, чтобы мы не уѣзжали, ибо тогда и они побѣгутъ изъ города. Ихъ слезы и просьбы убѣдили насъ,

мы остались, радуясь что не покидаемъ отцевъ и мужей въ опасности.

« 6 и 7 числа Іюня прошли среди безпрестанныхъ опасеній и ожиданій. 8 Іюня (н. ст.) увидѣли мы облака пыли по направленію къ Грекову. Шафранскій взошелъ на крышу одной изъ башенокъ, (въ которой онъ всегда занимался своими математическими работами), чрезъ подзорную трубу увидѣлъ, что Уманскій полкъ приближался къ Грекову и тамъ остановился. Сердца наши наполнились страхомъ и надеждою». Надежды основывались на мысли, что Уманскіе козаки бѣгутъ на защиту города, угрожаемаго гайдамаками! — « Но вскорѣ отчаяніе наполнило всѣ сердца, когда Шафранскій далъ знать, что какой-то другой конный отрядъ, въ разныхъ одеждахъ и различно вооруженный, приближается туды-же; наконецъ, что Гонта сошелъ съ лошади, съ начальникомъ этой нестройной толпы по дружески здоровался и обнимался». Шафранскій быстро сбѣжалъ съ своей башни и приказалъ готовиться къ серьезной защитѣ, ибо гайдамаки, а это были они, уже бросились на таборъ у Грекова и тамъ начали безъ пощады всѣхъ колоть и убивать. Шафранскій видя слабость и нерѣшимость Младановича, принялъ на себя команду и защиту города; вся надежда его была на 4 пушки стоявшія у воротъ, на храбрость дворянъ и пѣшаго гарнизона, хорошо вооруженнаго ружьями, которыхъ онъ поставилъ сзади палисадовъ, а самъ

распоряжалъ артиллеріею. «Нѣсколько десятковъ болѣе отважныхъ гайдамакъ чрезъ предмѣстья бросились къ воротамъ, — но встрѣченные картечью, съ воплемъ и нѣсколькими ранеными (которыхъ немедленно уносили), убѣжали назадъ. Вскорѣ явилась гораздо большая толпа, какъ измѣнившихъ Уманскихъ, такъ и пришедшихъ съ Железнякомъ козаковъ, желая пробиться сквозь частоколь; — но выстрѣлы шляхты и *лизней* сквозь отверстія, сдѣланныя нарочно въ сваяхъ, начали усмирять стремленіе гайдамакъ; они съ бѣшенствомъ опускались внизъ, и рыскали по предмѣстіямъ, убивая попадавшійся народъ безъ разбору, Поляковъ и мѣщанъ. Вдругъ лизни наскучивъ трудною защитою, перелѣзли чрезъ ограду и соединились съ разбойниками; арестанты, оставленные безъ надзора, разломали колодки и двери и сдѣлали тоже.

«Отецъ ректоръ Костецкій съ другими католическими и уніятскими священниками, видя всеобщій ужасъ и уныніе, взяли Св. дары, вышли изъ обѣихъ церквей во всемъ священномъ облаченіи, и съ пѣніемъ и молитвами ходили по улицамъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Ихъ сопровождали вопли, слезы и крики слѣдовавшаго народа. Гайдамаки завладѣвъ форштатами, стрѣляли оттуда въ городъ; я помню, что пули изъ предмѣстія *Турокъ*, лежащаго на возвышеніи, но ниже *старого* города, долетали до насъ слѣдовавшихъ за крестнымъ ходомъ. Шафранскій видя малое число шляхты и измѣну лизней, училъ и поощ-

рялъ Жидовъ стрѣлять чрезъ палисады, особенно когда толпы поселянъ изъ *Помыйника*, *Маньковки*, *Ивановки*, *Полковничей* и др. сель, ринулись съ сѣкирами, чтобы подрубивать сваи. Въ столь грозной часъ опасности мужество многихъ поколебалось, и не удивительно; — кромѣ трудной защиты обширнаго города и страха неумолимаго и дикаго врага, къ тому еще дни были знойные, а воды въ городѣ ни капли. Жажда, а быть можетъ и отчаяніе заставило дворянъ пить вино, медъ и наливки, которыми вели торговлю Евреи и большое ихъ количество хранили всегда въ погребахъ. Это иногда уничтожало всякій порядокъ. Одинъ Шафранскій не терялъ духа, онъ вездѣ былъ лично и правду сказать, онъ одинъ и распоряжался. Гдѣ былъ тогда командиръ регулярнаго пѣхотнаго отряда поручикъ *Ленартъ*, не знаю; — что дѣлали конфедераты? почему они, привыкшіе къ битвамъ, не защищали Умани? — сказать трудно. Шафранскій жаловался на эту толпу дворянства и въ упрекъ ставилъ имъ примѣръ Жидовъ, твердо державшихъ свои посты, не смотря на труды и раны. Со стороны гайдамакъ видно было, что только Железнякъ дѣйствовалъ, ибо онъ ни на минуту не оставлялъ предмѣстій»¹.

¹ Изъ прилагаемаго плана г. Умани, читатели легче поймутъ положеніе осажденныхъ. Предмѣстія *Турокъ*, *Асташево* или *Нове място* и *Бабанка*, были уже взяты, ихъ отдѣляли отъ

9-го Іюня, около 2 часу по полудни, Шафранскій видя, что уже ни одного пушечнаго заряда не осталось, — ибо запасъ былъ небольшой, гайдамаки въ теченіи сутокъ нападали безпрестанно и только картечные выстрѣлы ихъ прогоняли, — понялъ, что подобное сопротивленіе уже невозможно и предложилъ другія средства къ спасенію Умани. Замѣтивъ, что уже и Гонта рѣшился подойти къ замку, посоветовалъ Младановичу испытать средствъ къ примиренію. Зная самолюбіе Гонты, онъ приказалъ мѣщанамъ выйти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ, солью и подарками, а Младановичу войти съ нимъ въ переговоры; самъ же какъ-бы не желавшій никакихъ сношеній съ измѣнникомъ, и притворясь запальчивымъ и непреклоннымъ, будетъ ожидать ихъ съ заряженными пушками у воротъ. Все было сдѣлано по совѣту усерднаго Шафранскаго, — но все было напрасно. Младановичъ отворилъ ворота и съ мѣщанами вышелъ къ приближающимся Гонтѣ и Железняку. Гайдамаки, зная состояніе гарнизона и недостатокъ въ аммуниціи и водѣ, съ презрѣніемъ отвергли всѣ условія; Гонта даже не хотѣлъ говорить съ Младановичемъ, и отвернувшись отъ него, вошелъ въ городъ. Гайдамаки немедленно разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и заняли караулы. «Мой отецъ», говоритъ раска-

старую юрода одни овраги и рѣчка Уманка. *Старе място*, т. е. собственно крѣпость, командовало всѣмъ пространствомъ, и отъ того еще защищалось.

щица, « прибѣжалъ къ намъ и сказалъ: «я гово-
 « рилъ съ Гонтою, нѣтъ никакой надежды, остается
 « ся поручить себя Богу и умирать». Тогда-то
 поднялись вопли и стоны; отецъ мой и мы всѣ
 бросились вмѣстѣ съ духовенствомъ въ Базиліан-
 скую домовую церковь¹; остальные католики и
 уніаты толпились въ своей приходской церкви». Гонта
 вошелъ въ городъ, закричалъ гайдамакамъ:
 « Ну те братца, пора начинать наше дѣло!» и
 убійства начались во всѣхъ концахъ города; самъ
 онъ съ сотниками и цѣлою толпою козаковъ по-
 дошелъ къ Базиліанскому монастырю. « остано-
 вясь у церковныхъ дверей, потребовалъ онъ что-
 бы Младановичъ и Рогашевскій съ семействами
 явились къ нему. Рогашевскій имѣлъ жену и 4-хъ
 дѣтей, мой отецъ жену, 84-хъ-лѣтнюю мать, 4
 сестры, 2 шурина, насъ дѣтей трое и нѣсколько
 племянниковъ. Прежде вызвали отца моего, онъ
 вышелъ на паперть церкви (Kruchta) и вмѣстѣ съ
 женою и дѣтьми подошелъ къ Гонтѣ. Я была
 подлѣ отца и хорошо слышала, какъ онъ говорилъ
 сотнику: « Пана Гонто! ты уже много милостей
 « получилъ отъ нашего пана (Потоцкаго), а полу-
 « чишь еще больше, когда его имѣнія и этотъ
 « городъ спасешь отъ новыхъ бѣдствій». Не знаю,
 что отвѣчалъ Гонта, но я помню свирѣпое выра-
 женіе лица его». Говорятъ, что онъ указавъ Мла-

¹ Эта церковь и монастырь были деревянные, на прило-
 женной здѣсь, почти современной картинкѣ, онѣ изображены
 съ лѣвой стороны.

дановичу на убійцѣ и бывшій лагерь у Грекова, сказалъ: «дывысь пань подстолій якъ гуляють». — «Помню, что отецъ мой обращаясь къ другому Уманскому сотнику *Еремію Панку*, родомъ изъ с. Хашеватой, сказалъ ему въ полголоса: «Пане Еремо спасай насъ!» — на что тотъ отвѣчалъ со слезами: «нехай васъ Богъ ратуе, уже я васъ «не обороню». Услышавъ это, мой отецъ обратился ко мнѣ какъ старшей, ибо я уже лѣтъ 18 имѣла, и возлагая на меня небольшую снятую съ себя иконку Божіей матери, сказалъ: «Это наслѣдіе «моихъ предковъ, пусть Пресвятая Дѣва здѣсь «изображенная, защититъ тебя! Если переживешь «наше бѣдствіе, то храни свято послѣдній даръ «мой». Потомъ вынувъ кошелекъ и положивъ его въ мой карманъ, присовокупилъ: «вотъ все, что «тебѣ могу оставить». Это былъ кошелекъ съ золотыми деньгами. Но тутъ Гонта крикнулъ, чтобы наши оба семейства уводили прочь. Почти безъ памяти прошла я на церковный дворъ, но тутъ кто-то ударилъ меня пикою и я упала; ударившій поднялъ меня, чтобы отнять отцовскія деньги, — я думала, что уже послѣдній часъ мой пришелъ, — что онъ убьетъ меня, но толстый на косточкахъ корсетъ, который тогда носили, спасъ меня отъ смерти: пика только легкую рану мнѣ причинила. Вскорѣ пригнали туды еще большее число людей и съ ними вмѣстѣ, среди мертвыхъ тѣлъ покинутыхъ на улицахъ, добрались мы до отцовскаго дому (*Kommissarnia*). Со мною

Рис. В. Калашников

Вел. Моск. Д. Косов

УМАНСКАЯ РѢЗНЯ.
Въ Маѣ 1768 года.

была одна моя тетка дѣвица, которая занималась моимъ воспитаніемъ. Я и десятилѣтній братъ мой¹ держались этой тетки и такъ ожидали своей участи среди двора. Когда уже набралось тамъ довольно дворянскихъ и еврейскихъ дѣтей согнанныхъ гайдамаками, повели насъ въ церковь Св. Николая, чтобы обращать въ православіе. Моя тетка услышавъ это, упала на колѣни и воскликнула: «я хочу лучше умереть, нежели измѣнить «вѣрѣ, въ которой родилась», — но она не успѣла выговорить этихъ словъ, какъ сторожъ нашего дома однимъ ударомъ топора убилъ ее на мѣстѣ. Тутъ я уже совсѣмъ лишилась чувствъ и не знаю какъ очутилась въ церкви, среди поддерживавшихъ меня мѣщанокъ, а брата моего увидѣла на рукахъ у какого-то козака. Среди священныхъ хоругвей, при колокольномъ звонѣ происходило это крещеніе, и когда старикъ священникъ, съ горькими слезами производившій этотъ обрядъ, спросилъ: «гдѣ-же воспріемники отъ купели?» толпа козаковъ закричала: «хрестить! хрестить! Желѣзнякъ и Гонта кумы!» Послѣ церемоніи погнали насъ въ казармы, гдѣ прежде содержались преступники, — туды мы шли буквально по трупамъ! Въ казармахъ было уже такое множество народа и такая

¹ Въ послѣдствіи времени, этотъ братъ повѣствовательницы, *Павелъ Младановичъ*, постригся въ монахи Базиліанскаго ордена и умеръ подобно сестрѣ своей въ глубокой старости. Онъ тоже оставилъ описаніе Уманской рѣзни, изданной гр. *Рачинскимъ*.

тѣснота, что даже стоять свободно нельзя было. Крики злодѣевъ, вопли и стоны убиваемыхъ жертвъ раздавались вокругъ насъ безпрестанно. Уже смеркалось, когда я увидѣла, что какой-то молодой козакъ пробивался въ толпѣ и громко спрашивалъ: «есть тутъ диты Младановича». Когда приблизился, мы узнали въ немъ переодѣтаго старшаго сына г. Рогашевскаго (казначея). Онъ намъ рассказалъ, что ни нашихъ, ни его родителей, ниже никого изъ родныхъ нѣтъ уже въ живыхъ; что ихъ всѣхъ привели къ дому градскаго главы (*Wójta*) *Иштата Богатаго*¹, гдѣ поселились Гонта и Желѣзнякъ. Тамъ немедленно они были приговорены и преданы смерти: — всѣ несчастные безъ различія пола и возраста изколоты пиками. Его-же и двухъ меньшихъ братьевъ, одинъ козакъ изъ села *Градзіёвой* (данной его отцу вмѣсто жалованья), схвативъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы убить на просторѣ, спряталъ въ какомъ-то подвалѣ. Вскорѣ пришелъ и принёсъ ему козачій нарядъ и пику, совѣтуя *погулять* подобно прочимъ, а малыхъ братьевъ спряталъ на предмѣстьи у какого-то поселянина».

Убійства продолжались всю ночь и слѣдующій день (10 Іюня). Шафранскій видя гибель города и своихъ друзей, заперся въ своей башнѣ съ

¹ Преданіе живое доселѣ говоритъ, что перстъ Божій наказалъ измѣнника—*войта*. Въ два или 3 дни послѣ, среди банкета съ гайдамаками, умеръ въ самыхъ жестокихъ мученіяхъ: его животъ лопнулъ и вся внутренность выльзла наружу!

оружіемъ и рѣшился погибнуть не даромъ. Но гайдамаки зная, что упорная защита Умани произошла отъ его храбрости и твердости, отыскали его убѣжище и начали ломать двери къ башенкѣ. Шафранскій изъ пистолетовъ и ружья убилъ многихъ злодѣевъ, но наконецъ былъ схваченъ и умерщвленъ съ особеннымъ остервеніемъ. Гайдамаки и козаки чрезвычайно ненавидѣли Базилиановъ какъ уніатовъ и злоба ихъ къ этому ордену не имѣла предѣловъ. Ихъ убивали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, ругаясь даже надъ самою святынею. Вотъ какъ это событіе описываетъ очевидецъ, спасшійся однимъ чудомъ и сохранившій въ архивѣ Уманскаго монастыря описаніе этой години злополучія: «Когда уже не осталось ни какого сопротивленія, гайдамаки бросились какъ бѣшеные, одни въ Базилианскую, а другіе въ приходскую католическую церковь (kościół farny, fara). Въ сей послѣдней одинъ изъ атамановъ вбѣжалъ на амвонъ, и тамъ ругая безстыднымъ образомъ присутствующихъ дворянъ, осмѣивая святыя обряды и литургію, богохульствуя, ругаясь даже надъ св. тайнами, иконами и вѣрою латинскою — закричалъ на своихъ: «нужь братци убывайте»! Гайдамаки рынулись на самыхъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей. Настоятель церкви о. *Вадовскій* проколотъ копьями у самага олтаря: дворянъ, однихъ обнажали и топорами рубили, другихъ пиками, ножами, дубинами смерти предавали. Старцевъ за волосы вытаскивали, женщинъ

публично безчестили, и убивали; дѣтей въ куски терзали. Тоже происходило въ церкви Базиліанской. Ранивъ ружейными выстрѣлами о. ректора *Костецкаго*, когда онъ не смотря на свои мученія, разбросанные по землѣ для поруганія св. дары (*hostiæ*), собиралъ и съѣдалъ, пиками добили и въ канаву бросили¹. Другихъ Базиліанскихъ монаховъ: вице-ректора *Ивана Левицкаго*, *Илію Магеровскаго*, *Либерія Очасскаго* и *Маевскаго*, извлекши изъ церкви и раздѣвъ, жестоко били, требуя чтобы они показали скрытое имущество церковное, и то, которое дворянство отдало имъ на сохраненіе; но не нашедъ ничего въ указанномъ мѣстѣ, ибо другіе грабители все расхитили, привязали этихъ монаховъ къ большимъ шестамъ, били ихъ по головѣ, по лицу и всему тѣлу нагайками, древками отъ пикъ и палками, кололи ихъ, вода съ ругательствами во кругъ ратуши и уже полумертвыхъ отдали подъ стражу въ домъ мѣщанина *Игната Богатаго*, но вскорѣ крики фанатиковъ ихъ оттуда вывели и несчастные были

¹ Въ Уманскомъ монастырѣ до послѣднихъ дней сохранилась одна большая картина съ изображеніемъ въ ростъ, мученичества несчастнаго *Ираклія Костецкаго*. Я видѣлъ рисунокъ этой картины въ 1843 году. Монахъ какъ видно изъ рисунка еще былъ очень молодъ, бѣлокуръ и имѣлъ весьма кроткую и привлекательную наружность. Въ глубинѣ видѣнъ городъ и гайдамаки убивающіе монаховъ. Подъ картиною была слѣдующая надпись: «R. P. «*Heraclius Kosteckí O. S. Basilii, primus collegii Humanensis rector, zelosissimus missionarius, qui magna suae sanctitatis dedit documenta in provincia Russiae, cum suis sociis, crudeliter occisus, anno Dñi 1768 die 9 Junii*» (т. е. 28 Мая).

влечены вторично по улицамъ и близъ православной церкви умерщвлены, а послѣ брошены на поруганіе черни».

Обратимся еще разъ къ семейству Младановича, котораго участь такъ краснорѣчиво описываетъ наша повѣствовательница. «10 числа предъ полуднемъ, говоритъ она, услышали мы (оставленные въ казармахъ) голоса козаковъ говорящихъ, что Железнякъ и Гонта прибыли къ казармамъ и приказали отыскать дѣтей Младановича. Я почти радовалась этой ужасной вѣсти, думая что мой послѣдній часъ насталъ!... Когда мы вышли на улицу, то увидѣли Гонту сидящаго на лошади, а подлѣ него какого-то старика-поселянина, низко кланяющагося и усердно цѣловавшаго его ноги. Гонта увидя насъ сказалъ ему: «отъ тоби собакъ двое, беры ихъ». Железнякъ стоявшій не много по дальше, тоже верхомъ, приказалъ подвести насъ къ себѣ. Долго глядѣлъ онъ на насъ молча и я могла замѣтить, что онъ былъ русо-волосый, большаго росту, хорошей наружности и одѣтъ въ богатое Польское платье. Тотъ-же старый поселянинъ подошелъ къ нему и цѣлуя въ ногу что-то говорилъ. Железнякъ сказалъ громко, обращаясь къ Гонтѣ; «тось пане воеводо пода-
«ровавъ тѣ диты»? — Гонта отвѣчалъ: «нехай до чорта берутъ». Услышавъ это, старикъ еще разъ поклонился, взялъ насъ за руки и пробираясь чрезъ груды труповъ довелъ до своей телеги, на которой сидѣлъ другой старикъ немного

помоложе перваго. Насъ усадили на телегѣ, которая поѣхала довольно скоро. Когда мы выбрались въ поле, нашъ путеводитель сказалъ: «мои бидные « диты, Богъ зъ вами, не лякайтесь (не бойтесь), «я *осадчій* зъ Оситны, а то мій братъ»¹. Такъ насъ привезли въ Оситну, гдѣ и переодѣли въ крестьянское платье. Днемъ съ поселянами ходили мы въ поле какъ-бы для работы, а ночью прятались въ камышахъ. Добрые избавители наши боялись еще поселянъ, которыхъ часть пристала къ гайдамакамъ. Въ два дни послѣ, пришелъ туды молодой учитель брата моего Павла, Хмѣлевичъ, спасшійся тѣмъ, что переодѣтый за козака рыскалъ по городу съ гайдамаками, и такъ невольно былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ. Онъ мнѣ рассказывалъ что видѣлъ, какъ много мертвыхъ тѣлъ бросали въ упомянутый выше колодезь, передъ ратушою, и что тамъ-же погребены тѣла несчастныхъ нашихъ родителей»².

Но не одни Поляки были жертвами убійцъ въ эту эпоху преступленій. Евреи подверглись той-же участи. Весьма любопытенъ рассказъ са-

¹ Село *Оситна* (Уман. уѣзда) было дано Младановичу вмѣсто жалованья. *Осадчій* (основатель) былъ почти во всякомъ селеніи на Украинѣ и въ Новорос. степяхъ; — это поселянинъ перво-основавшійся гдѣ либо въ пустомъ урочищѣ, которое послѣ сдѣлалось селомъ. Иногда это названіе какъ титулъ, а иногда какъ прозвище, переходило къ его потомкамъ.

² Этотъ колодезь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ одна изъ башенъ ратуши; тамъ теперь винный погребъ купца *Берштейна*, (см. планъ Умани литера К).

михъ жидовъ объ этомъ Варфоломеевомъ днѣ истребленія ихъ братьевъ въ Умани. Онъ дошелъ до насъ въ двухъ книгахъ весьма наивныхъ и краснорѣчивыхъ своимъ библическимъ слогомъ, но отъ которыхъ остались одни только обрывки¹. Повѣствователь, очевидецъ происшествія составилъ дневную записку всего событія и мы приведемъ здѣсь описаніе такъ называемаго *третьяго дня*: «Войдите въ городъ, всѣ жители онаго: Евреи и Христіане издають вопли и стоны, даже иностранцы (Прусскіе ремонтеры), искавшіе убѣжища въ Умани, падаютъ подъ ножами убійцъ. Такого жалобнаго и ужаснаго плачу неслышно было отъ сотворенія міра. Тысячи Евреевъ были умерщвлены, малолѣтнія ихъ дѣти связанныя вмѣстѣ, были брошены кучами на улицахъ подъ ноги лошадей. Была въ Умани одна дѣвица несравненной красоты. Гайдамаки хотѣли ее обезчестить насильно, но вѣрныя обычаямъ своей страны, которые не позволяли имъ (убійцамъ!!) осквернять

¹ Г. Штернъ, директоръ Од. Еврейскаго училища, сообщилъ мнѣ нѣсколько страницъ изъ Еврейской книги подъ заглавіемъ: *Масъ гедола минъ коалесъ Уманъ* и пр., т. е. «большое событіе въ г. Умани, Украинскомъ городѣ принадлежащаго Польшѣ, происходившее въ 5530 году (¹⁷⁶⁸/₁₇₆₉)». Оно напечатано въ Амстердамѣ въ 5543 году (1780). Другое сочиненіе о томъ-же предметѣ доставилъ намъ ученый докторъ *Абрамсонъ* изъ Умани; заглавія онаго мы не знаемъ, но оно гораздо обширнѣе и говоритъ о разореніи и другихъ еще городовъ гайдамаками. Всѣ эти страницы съ еврейскаго языка переводилъ мнѣ молодой Од. купецъ *Іоакимъ Гарнополь*, авторъ книги: *Ruth*, изданной имъ въ Одессѣ, на Французскомъ языкѣ.

себя прикосновеніемъ къ жидовкѣ, они принуждали ее перемѣнить вѣру, — но она отвѣчала: « Мою « душу предаю Богу, а съ тѣломъ дѣлайте что « хотите ». Они выюстрили ножъ въ ея глазахъ и сказали: « Ты видишь этотъ ножъ, если не будешь « повиноваться намъ, мы изрѣжемъ тебя въ куски ». Но она отвѣчала съ гордостью: « подлые и не- « чистые люди, вы не принудите меня оставить « вѣру отцовъ моихъ, убейте меня, дѣлайте что « хотите ». Они связали ее и бросили въ колодезь, гдѣ она погибла. Всѣ жидаы заключились внутри своей синагоги; враги наши узнавъ объ этомъ, бросились за ними, но Евреи начали защищаться. Одинъ изъ нихъ называвшійся *Лейбою*, выхватилъ мечъ у одного разбойника, убилъ 20 враговъ; другой, нѣкто *Мозесъ Мокеръ* защищаясь отчаянно убилъ ихъ 30. Наконецъ разбойники видя невозможность ворваться въ синагогу, привезли пушки и ядрами стрѣляли по ней!... Тысячи Евреевъ лишились тамъ жизни, — но они сдѣлались мучениками за вѣру. Одна женщина, именемъ *Брейла*, боясь чтобы послѣ ея смерти, дѣти не были обращены въ другую (т. е. христіанскую) вѣру, несчастная! утопила ихъ въ рѣкѣ. Гонта извергъ (да будетъ его имя проклято!) прибывъ въ Умань, издалъ объявленіе, чтобы богатые Еврейскіе купцы, если пожелаютъ спастись отъ гибели, принесли ему немедленно значительный окупъ. Купцы повѣрили и принесли оный въ ратушу. Гонта взялъ деньги, а несчастныхъ выбросивъ въ окошко,

лишилъ жизни. Уманскій проповѣдникъ (Баль-Даршоль) со многими своими братьями скрылись въ глубокомъ погребѣ и тамъ проводили время въ молитвѣ, прося Бога спасти ихъ отъ гибели. Но счастье имъ измѣнило; враги пробрались и въ это убѣжище; они сперва отрубили голову проповѣднику на самомъ порогѣ подвала, а послѣ умертвили такимъ-же образомъ и другихъ Евреевъ. Отсюда убійцы пошли въ молитвенные дома (*бейнъ-амедрошъ*); Евреи немедленно вынесли оттуда святое писаніе (т. е. пятикнижіе, *сеферъ-торà*), наполняя воздухъ криками, воплями и молитвами, но это не остановило убійцъ, они отняли эти священные свитки¹, попрали ихъ ногами и тутъ-же убили цѣлыя тысячи Евреевъ (!!!); ихъ кровь переливалась за порогъ синагоги. Кто когда видѣлъ столь кровавыя сцены? Безчисленное множество сыновъ Израиля было заклано какъ стадо овецъ, но они умерли мучениками. Убійцы топтали младенцевъ въ глазахъ ихъ матерей, живыхъ дѣтей вбивали на острія пикъ и съ торжествомъ носили по улицамъ какъ-бы торжествуя побѣду! Трупы побіенныхъ они бросали за городомъ безъ погребенія и гнали туды собакъ и свиней».

Польскіе писатели говорятъ тоже хотя уже не столь краснорѣчивыми словами. Жиды стоявшіе

¹ *Сеферъ-Торà*, пергаментный свитокъ, на которомъ большими буквами написано пятикнижіе, т. е. первыя пять книгъ Моисеевыхъ. Они приготовляются съ большими церемоніями и составляютъ святыню молитвеннаго дома Еврейскаго.

твердо нѣкоторое время, увидя гайдамакъ внутри города, не смотря на убѣжденія Шафранскаго, бросили оружіе и рѣшились запереться въ главной синагогѣ и тамъ ожидать смерти. Тамъ Гонта и истребилъ ихъ — пушками и огнемъ. Быть можетъ несчастныя жертвы, передъ смертію, повторяли кровавую панихиду сочиненную еще въ 1647 году, по случаю подобнаго-же бѣдствія, когда великій раввинъ *Экіель Михель* и до 10,000 ихъ собратій умерщвлены въ разныхъ городахъ Подоліи козаками, подъ начальствомъ Кривоноса и Морозенка¹.

Польская расказщица Вероника Кребсъ, говоритъ еще, что Хмѣлевичъ молодой учитель ея брата, пробывъ въ с. Оситномъ нѣсколько дней пустился въ Умань, чтобы узнать о происшествіяхъ. Возвратясь очень скоро назадъ, онъ привезъ весьма важныя извѣстія, именно: что гайдамаки уже утомились разбоемъ, грабятъ только въ окрестностяхъ Умани или занимаются пьянствомъ въ своемъ лагерѣ; что небольшой Русскій отрядъ неизвѣстно откуда прибылъ въ Умань, но гайдамаки будучи сильнѣе, приняли его хорошо и оставались спокойны; что наконецъ Русскимъ отрядомъ командовалъ генералъ *Кречетниковъ*, дѣйстви-

¹ Эту панихиду и другую еще молитву о побіенныхъ въ XVII столѣтіи Евреяхъ, мы приводимъ въ переводѣ въ приложеніяхъ №№ 2 и 3. Ежегодно, 20-й день мѣсяца Сивонъ (17/29 Мая) Евреи проводятъ въ постъ и молитвѣ, въ память этого событія.

вавшій въ Польшѣ противу конфедератовъ. Хмѣлевичъ рассказывалъ, что онъ встрѣтивъ въ городѣ переодѣтаго въ козачье платье упомянутаго выше молодаго Рогашевскаго, съ нимъ вмѣстѣ проникъ до гайдамачьяго лагеря. Тогда онъ своими глазами убѣдился какое множество труповъ лежало безъ погребенія, которыхъ пожирала собаки, хотя большая часть была брошена въ глубокой городской колодезь, или вывезена въ поле къ с. Карповкѣ. Онъ видѣлъ цѣлыя горы награбленнаго имущества, сундуки серебра и денегъ, которымъ дѣлились гайдамаки, почти всегда пьяные. Купцы изъ Кіева и Балты, хладнокровно закупаали все это добро у гайдамакъ за самыя малыя деньги.

Теперь обратимъ вниманіе наше на это внезапное появленіе Русскихъ войскъ и на его послѣдствія.

IV.

Въ эпоху столь ужасныхъ произшествій, вельможи Польскіе, по обычаю, занимались или пиршествомъ или политическими интригами: графъ Ксаверій Браницкій, главный врагъ короля, угощалъ въ своемъ имѣніи *Шаргородъ* (въ Галиціи), Русскихъ генераловъ Кречетникова и графа Апраксина, побѣдителей Барскихъ конфедератовъ, которыхъ онъ тогда уже оставилъ; — когда вѣсть о наѣздѣ гайдамаковъ на Умань достигла до него. Браницкій не смѣлъ посылать свою дивизию Польской народной кавалеріи противу гайдамакъ, ибо сіи злодѣи чрезъ слугъ и цуровъ (фурлейтовъ) немедленно-бы узнали о ихъ приближеніи и легко могли скрыться въ Турціи или на Запорожьи. Онъ просилъ Русскихъ генераловъ взять на себя эту обязанность, тѣмъ болѣе щекотливую для Русскаго воина, что гайдамаки разглашая вездѣ свою преданность Россіи, осмѣливались называть нашихъ солдатъ, своими соратниками противу Ляховъ. Кречетниковъ согласился услужить Польскому правительству, котораго зналъ всю слабость въ воен-

номъ отношеніи¹. Онъ донесъ немедленно обо всемъ въ Петербургъ и въ Кіевъ къ генераль-губернатору Воейкову, а самъ съ однимъ Донскимъ козачьимъ полкомъ, нѣсколькими гусарами и офицерами, поскакалъ въ Умань, взявъ, по сказанію Поляковъ, цѣлыя повозки цѣпей и веревокъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Умани (кажется въ сельцѣ Соколовочкѣ), онъ оставилъ полкъ и только съ малымъ отрядомъ Донцовъ и офицеровъ подѣхалъ къ лагерю гайдамакъ. Передовые караулы было его остановили, но старшина узнавъ — кто прибылъ, немедленно ихъ въ станъ свой пропустила. Въ лагерѣ были почти всѣ начальники мятежа: *Максимъ Железнякъ*, *Гонта*, *Жаботинскій* сотникъ *Мартынъ Бьлуга*, *Балтскій* сотникъ *Попатенко*. Запорожцы: *Василій Шило* и *Семенъ Неживый*, *Уманскій* сотникъ *Ерема Панко*, сотникъ *Тарговицкій Власенко*, и бездомные разбойники *Мотылица*, *Журба* и др. Железнякъ распоряжался какъ главнокомандующій въ завоеванной землѣ; пріѣзжающіе являлись къ нему съ почтеніемъ, а отъѣзжающимъ отъ туда выдавалъ отъ своего имени паспоры и открытые листы². Когда Уманскіе жители просили его назначить на мѣсто убитыхъ, другихъ управителей и губернаторовъ, для города

¹ Въ Польшѣ и Литвѣ въ 1760-хъ годахъ вся армія регулярная не имѣла 20,000 чел. подъ ружьемъ, тогда какъ Радзивиллы одни имѣли для своихъ прихотей болѣе 6,000 милиціи.

² Одинъ изъ такихъ билетовъ имѣемъ у себя и прилагаемъ здѣсь въ № 9-мъ приложеній.

и волости, онъ отвѣчалъ имъ: что уже «послалъ
 «въ Кіевъ письмо къ главнокомандующему тамо ге-
 «нералитету, съ просьбою, о присылкѣ оттуду по-
 «требныхъ начальниковъ». Онъ было назначилъ
 Тарговицкаго сотника *Власенка* губернаторомъ
 Умани, но сей послѣдній забравъ свои деньги и
 сколько могъ заграбленнаго имущества, чрезъ
 Балту ушелъ въ Буджакъ и оттуда за Дунай. Онъ
 всѣмъ показывалъ мнимое свое *позволеніе*, назы-
 валъ себя полковникомъ войска Запорожскаго, а
 свою шайку огрядомъ козаковъ, посланнымъ изъ
 Сѣчи по повелѣнію Императрицы Екатерины II,
 на истребленіе въ Польской Украинѣ всѣхъ Жи-
 довъ и Ляховъ. Одинъ Запорожець *Лавринъ Кан-*
таржей, бывшій въ это время по торговлѣ въ
 Умани, возвратясь въ Кошь рассказывалъ стар-
 шинѣ, что: «онъ видѣлъ какъ многіе изъ тамо-
 шнихъ Польскихъ подданныхъ приѣзжали къ Же-
 лезняку съ разныхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ уже
 Ляхи и Жиды въ конецъ разорены; — и Же-
 лезнякъ всякаго изъ нихъ по достоинству жалуя,
 даетъ письменный отъ себя приказъ всѣмъ такимъ
 людямъ, чтобы въ точномъ его всѣ смотрѣніи были
 и всѣ происходящіе отъ него порядки оставались-бы
 въ его власти, а ослушниковъ жестокимъ штра-
 фомъ страшая. Железнякъ хвалился предъ нимъ,
 когда онъ требовалъ у него охранительнаго билета
 для себя и своихъ товаровъ: — «что состоящій въ
 «Польшѣ съ дивизіею Русскій генераль Кречетни-
 «ковъ благодарилъ его чрезъ письмо за то, что

«онъ Умань разорилъ въ конецъ и всѣхъ въ ономъ
«Жидовъ и Ляховъ вырѣзалъ (!!))».

Польскіе историки повѣствуютъ, что немедленно послѣ умерщвленія въ Умани всѣхъ католиковъ, уніатовъ и жидовъ, собраны были въ ратушѣ все оставшееся въ живыхъ народонаселеніе этого города, козаки и гайдамаки и тамъ при громѣ пушекъ и восклицаніяхъ толпы, Железнякъ объявленъ гетманомъ и княземъ Смилянскимъ, а Гонта полковникомъ Уманскимъ и Русскимъ воеводою, на мѣсто помѣщика его Франца Потоцкаго. Всѣмъ-же вообще гайдамакамъ, кромѣ разграбленнаго имущества, подарены напитки, въ жидовскихъ и польскихъ погребяхъ найденные. Это была радость и довольство! Только Гонта тосковалъ и потирая чубъ говаривалъ: «ой братци атамань! не выпьемъ мы того пива, що теперъ «наварыли»!

Генералъ Кречетниковъ, видя что отрядъ гайдамаковъ дѣйствовавшій въ Умани довольно силенъ, ибо въ немъ, по свидѣтельству очевидцевъ Запорожцевъ, было до 2,000 отчаянныхъ негодяевъ, хорошо вооруженныхъ, при 30 знаменахъ и 15 пушкахъ, и можно было опасаться возмущенія крестьянъ въ ихъ пользу при малѣйшей неосторожности, — рѣшился побѣдить ихъ хитростью, чтобы главныхъ зачинщиковъ мятежа живыхъ прибрать въ свои руки. Для того-то вѣроятно онъ льстилъ главѣ злодѣевъ, прося его позволенія дѣйствовать за одно противу конфедератовъ, съ

Донскимъ полкомъ и гусарами, ожидая сверхъ того отряда драгунъ Карнопольскаго полка съ полковникомъ *Гурьевымъ*, который какъ онъ узналъ, былъ уже не далеко отъ Умани. Гайдамаки, за исключеніемъ Железняка, въ безпрестанномъ пьянствѣ упражняясь, не въ силахъ будучи понять цѣли Кречетникова, охотно войска его къ Умани допустили; ихъ лагерь сталъ рядомъ съ гайдамачьею ставкою, Русскіе караулы вмѣстѣ съ ихъ караулами заняли посты: въ городѣ и въ крѣпости. Но Железнякъ былъ хитрѣе другихъ, — «не уберетъ мене Запорожця москаль въ свои «шоры» — сказалъ онъ своимъ приближеннымъ и въ ту самую ночь когда Русскій отрядъ легъ лагеремъ подлѣ его, т. е. съ 16 на 17 число Іюня, убрался оттуда съ небольшою горстью гайдамакъ и скрылся въ окрестностяхъ Балты. Генералъ Кречетниковъ узналъ объ этомъ прежде Гонты и видя его смущеніе, поспѣшилъ съ окончаніемъ своего проекта. Вотъ, говорятъ, какъ это происходило. Генералъ усилилъ свои ласки къ Гонтѣ и другимъ старшинамъ и приобрѣвъ ихъ дружбу похвалами и даже лестью, предложилъ Гонтѣ побывать въ Росушкахъ, селѣ подаренномъ ему отъ Потоцкаго, чтобы познакомиться съ семействомъ новаго Русскаго воеводы. Гонта охотно вызвался угостить генерала съ его штабомъ; отправились въ тотъ-же день. Тамъ употреблены были всѣ средства чтобы Гонтѣ и всѣхъ его товарищей упоить совершенно, не участвуя самимъ въ столь по-

хвальномъ упражненіи. Русскіе офицеры и Донцы исполнили это дѣло весьма удачно, даже гусары водки не пили. Подъ вечеръ воротились въ Умань. Пьяные сотники и гайдамаки, не получая приказаній отъ Гонты и сами ничего не приказывали, оставляя лагерь почти открытымъ, ибо караульные сами тоже пить начали. Кречетниковъ немедленно воспользовался ихъ ошлошностью, Каргопольцы прибыли послѣ захожденія солнца и стали биваками рядомъ съ гайдамаками. Лишь только наступила ночь и гайдамаки беззаботно улеглись въ своихъ палаткахъ, Донцы по данному сигналу захватили гайдамачьихъ лошадей, по степному обычаю ходящихъ табуномъ, и отогнали ихъ въ степь. Въ то же время остальные козаки, гусары и драгуны окружили лагерь; въ одно мгновеніе Гонта, его сотники и атаманы были схвачены и закованы въ желѣза; гайдамаки пробужденные, хватились было за оружіе и убили многихъ солдатъ, но по напрасну, Донцы такъ живо ихъ вязали, что не смотря на бѣгство Железняка и другихъ разбойниковъ, 887 гайдамакъ было схвачено и въ томъ числѣ всѣ почти главные предводители, зачинщики Уманскаго и Смилянскаго мятежей. Кречетниковъ Гонту (въ его богатомъ воеводскомъ нарядѣ), всѣхъ Уманскихъ, Смилянскихъ, Каневскихъ и пр. козаковъ и гайдамакъ, какъ Польскихъ подданныхъ, отдалъ прибывшему туды командиру Украинской партіи графу Браницкому, а 150 чел. признанныхъ Запорожцами, т. е. Русско-поддан-

ными отослалъ для суда въ Кіевъ, къ военному губернатору Воейкову.

Бывшіе Запорожцы: Железнякъ изъ Тимошевскаго и Семень Неживый изъ Минскаго куреня, Василій Волошинъ, Молдавскій чабанъ, и Иванъ Саражинъ, бѣглый изъ Новосербскаго поселенія гусаръ, со многими другими гайдамаками ушедъ изъ Умани, пустились въ степи къ берегамъ верхняго Буга и Днѣстра. Железнякъ, имѣвшій въ день своего бѣгства не болѣе 20 чел. товарищей, собралъ вскорѣ до 200 гайдамакъ и козаковъ ушедшихъ тоже изъ Умани, остался въ окрестностяхъ Балты, разбойничая на всемъ пространствѣ около трехъ границъ, сходящихся на устьяхъ рѣчекъ Синюхи или Синей-Воды и Кодыми. Другіе подвизались около Чигрина, въ такъ называемомъ Черномъ-Лѣсу, въ Чутѣ и около Лебединскаго монастыря.

Железнякъ не терялъ ни духа, ни своей дерзости и постоянно выдавалъ себя за полковника Запорожскаго и поборника православія. Онъ имѣлъ при себѣ эсаула, носившаго его серебряный перначъ или булаву, знакъ полковничьяго на Запорожьи достоинства и хорунжихъ съ однимъ большимъ и 8 меньшими знаменами. Удальцы и бродяги стекались къ нему со всѣхъ пограничныхъ сель и изъ Запорожскихъ рыбныхъ ловель, а грубая чернь прославляла его подвиги, считая этого ватажка какимъ-то героемъ Украины. Это видно изъ пѣсни о немъ, которая такъ начинается:

« Максимъ козакъ Железнякъ въ славнаго Запорожа
« Процвитае на Украинѣ, якъ въ огороди рожа »¹.

18-го Іюня онъ съ 300 гайдамаками бросился на небольшое Польское мѣстечко *Пальево-Озеро* (Подольск. губ.), и бывшихъ тамъ Поляковъ и Жидовъ перерѣзалъ или утопилъ въ рѣчкѣ. Когда же многіе изъ нихъ спаслись бѣгствомъ въ мѣстечко Балту, (котораго одна половина, какъ мы уже сказали, принадлежала Полякамъ, а другая хану Крымскому), Железнякъ послалъ своего эсаула съ письмомъ къ Балтскому Каймакану, требуя немедленной выдачи бѣглецовъ. Получивъ отказъ, онъ соединился съ другимъ отрядомъ скитавшихся гайдамакъ, большію частью поселянъ и Уманскихъ козаковъ, имѣвшимъ до 200 чел. и 4 пушки, и со всѣми своими молодцами атаковалъ Балту. Выступившій противу нихъ Турецкій отрядъ былъ разбитъ, Балта взята и разграблена, всѣ пойманные Поляки и Евреи какъ Польскіе, такъ и ханскіе подданные, убиты, Турецкій гарнизонъ прогнанъ. Когда Балтскій гетманъ, т. е. Каймаканъ хана Крымскаго *Якубъ Яга* удостоверился, что дерзости и напора гайдамакъ, до прибытія Буджацкой орды Ногайцевъ, въ степи кочевавшей, удержать не можетъ, послалъ къ нимъ двухъ своихъ сейменовъ и одного прибывшаго къ нему нарочнымъ изъ Сѣчи, Запорожскаго полковаго старшину *Се-*

¹ Рожа (róża), роза.

мена Галицкаго для переговоровъ¹. Онъ хотѣлъ узнать: кто такіе нападатели и чего хотятъ? ибо хотя Железнякъ чрезъ своего посланца увѣрялъ, Якубъ-агу, что онъ и его шайка Запорожское войско, присланное отъ Кошеваго атамана для истребленія на Украинѣ всѣхъ Ляховъ и жидовъ; въ доказательство чего показывалъ свой ложный указъ, или *листъ*; — но Якубъ-ага тому не вѣрилъ. Толмачъ-же его, Грекъ, знавшій по Русски и неоднократно по службѣ бывавшій въ Новосербіи, собственными глазами видѣлъ, что на большомъ листѣ огромными буквами написано было: «Указъ Е. И. В. Самодержцы Всероссійской «и пр. и пр. Объявляется во всенародное извѣ-
«стіе»... а въ концѣ была слѣдующая подпись: «Атаманъ Кошевый Петръ Калнишевскій, з' Пе-
«тербурга». Это крайне затрудняло Якубъ-агу, какъ пограничнаго съ Россіею чиновника и онъ давно знавшій старшину Галицкаго, просилъ его удостовѣриться въ истиннѣ. Галицкій тѣмъ охотнѣе взялся за это дѣло, что ему шло: «о чести и славѣ войска Запорожскаго «да и о собственномъ интересѣ, ибо во время наѣзда на Балту, гайдамаки ограбили домъ въ которомъ онъ жилъ и захватили его лошадей и пожитки. Вотъ рассказъ

¹ Большая часть помѣщаемыхъ въ настоящей главѣ свѣденій, заимствована изъ показаній *Галицкаго* и др. Запорожцевъ; онѣ отысканы нами въ Сѣчевомъ архивѣ.

Галицкаго объ этомъ происшествіи и посѣщеніи имъ гайдамацкаго стана:¹

«Балтскій Каймаканъ Якубъ-Ага задержавъ сумнительство, что тѣ гайдамаки точно (справедливо) себя Запорожцами называютъ, его Галицкаго спрашивалъ: не дано-ли имъ позволенія отъ Коша такія шалости чинить? А какъ онъ Галицкій въ самой точности его увѣрилъ, что никогда ни кому отъ войска таковаго дозволенія не давалось, то онъ Ага, къ лучшему еще того освѣдомленію, послалъ его Галицкаго, придавъ ему двухъ своихъ сейменовъ конныхъ къ онымъ гайдамакамъ. Когда онъ къ нимъ пришелъ, то увидѣлъ онъ ихъ всѣхъ вообще въ одной компаніи надъ разставленными напитками сидящихъ, гдѣ и его Галицкаго посадивъ, довольно подчивали и просили его о прощеніи, что съ нимъ нѣкоторые шалуны покусились въ обиду его товарища (Запорожца Алексѣя Шульги) взять и при товарищѣ его, экипажъ его ограбить. При томъ обрадовали его было тѣмъ, что все безъ потерянія его имущество они отыщутъ, а ежели не отыщутъ, то вдвое наградятъ. Между тѣмъ любопытствуя съ ними въ разговорахъ, ни одинаго съ нихъ гайдамакъ не призналъ Запорожскимъ козакомъ, потому что они по войсковымъ Запорожскимъ обычаямъ, лошади осѣдлатъ, на лошадь всѣдлатъ, ратища въ рукахъ

¹ Изъ показаній его Кошу, по возвращеніи въ Сѣчь, 2-го Юля 1768 года.

держатъ и лошади навьючить не умѣютъ. По большей части видѣлъ по нихъ, что они самые простые мужики бозопасные (не страшные), ибо когда они Турокъ изъ Балты выгнали и до 1,000 Ногайцевъ встрѣтили, то заряжая пушки рубленымъ желѣзомъ, порохъ изъ висящихъ у нихъ роговъ за однимъ разомъ издержали, и если-бы по счастію трехъ Татаръ не убили и другихъ чрезъ то не разогнали, то далѣе съ своими пушками удержаться-бъ не могли». Галицкій пробывъ у гайдамакъ нѣсколько часовъ, воротился къ Якубъ-Агѣ и собранныя имъ свѣденія сообщилъ. «На другой день (говоритъ Галицкій) присланы были къ Якубъ-Агѣ отъ гайдамацкой шайки два человѣка, изъ которыхъ одинъ называлъ себя эсауломъ, а другой сотникомъ, съ какими то письмами. Въ тотъ-же часъ подоспѣла къ Балтѣ орда (Буджацкіе Нагайцы) и пришелъ отъ оной къ Якубъ-Агѣ мурзакъ. Къ чему, (т. е. совѣщанію) и его Галицкаго Ага призывалъ. Гдѣ онъ посидя, *видѣлъ* (ибо Турецкаго языка не понималъ) между Якубъ-Агою и мурзакъ-комъ многіе разговоры, а потомъ Якубъ-Ага сталъ сказывать присланнымъ отъ гайдамакъ эсаулу и сотнику ихъ: «что вы это сдѣлали и съ какимъ «вы намѣреніемъ городъ Балту разорили? Видѣть «можете сами, что орда подоспѣла и она напрасно «отойти не можетъ. Отъ вы запропастили своимъ «своевольствомъ Украину». Получивъ отвѣтъ Аги, посланцы уѣхали, но вскорѣ отъ оной гайдамацкой шайки прислано къ Якубъ-Агѣ письмо: «дабы онъ

съ ними вступилъ въ перемиріе и *росписался* (что претензіи не имѣеть), — а они, его Аги, и его команды убытки съ избыткомъ будутъ награждать». И какъ то уже между ними постановлено, онъ Галицкій не знаетъ, а только видѣлъ, что Турки вдоволь отъ гайдамакъ арбами имущества своего (въ Балтѣ у нихъ заграбленнаго), Польскаго и Жидовскаго, не мало на свою сторону везли. При чемъ и Галицкій къ гайдамацкой шайкѣ вторично поѣхалъ и требовалъ у нея возвращенія забратыхъ у него имущества и лошадей, а себѣ свободнаго отпуска. Но они и его уже отъ себя не отпускаая, велѣли при нихъ быть до тѣхъ поръ, пока они въ томъ мѣстѣ себя не успокоятъ, и примутъ въ другое мѣсто походъ, гдѣ обѣщались его съ вознагражденіемъ отпустить.

«Тогожь дни эсауль гайдамацкой шайки выбѣжавъ за замокъ (Балтскій), возвратился и отдалъ всѣмъ приказъ: чтобы всѣ немедля, на мелкія шайки раздѣлясь, къ походу готовились, а послѣ немедля и самъ эсауль съ своими сотниками съѣвъ на лошадей, а съ ними и Галицкій съ товарищемъ, подъ *политичнымъ* наблюденіемъ гайдамакъ, при пушкахъ ѣхали. — Когда въѣхали въ степь, то подъ часъ ночлегу, эсауль съ старшинами дали всѣмъ лозунгъ, чтобы на запросъ: кто они такіе? — отвѣчать: «козаки съ чаты»¹ а

¹ *Чата*, *czata*, отъ Польскаго слова *czatować*, наблюдать, сторожить, значить собственно *постъ* или *притынь*.

чаты назывались: *Тимошева, Бобринцева, Чаплынцева, Запорожцева, Смьянцева, Поповичева, Вербивцева* и др. А кто этого приказу не исполнял, тѣхъ били или даже убивали. Когда они начали подъѣзжать къ рѣчкѣ Саврани (Подол. губ.) и входить въ с. Пещаное, то онъ Галицкій видя, что они ему вознагражденія не чинятъ, за дозволеніемъ гайдамацкаго эсаула, съ товарищемъ своимъ уѣхали въ свой путь къ Запорожью». — Гдѣжь былъ тогда Железнякъ? Мы видѣли, что послѣ разоренія Балты, отрядомъ его командовалъ эсаулъ, котораго даже имени не знаемъ; — но прежде нежели отыщемъ этого предводителя гайдамакъ, приведемъ еще нѣсколько словъ изъ Еврейскихъ лѣтописцевъ о разореніи Балты. «Многіе Евреи, говорятъ они, не надѣясь уже на покровительство Польши, бросили свои города и ушли за границу въ Турцію, одни въ Балту, а другіе въ Бендеры. Но изверги кровожадные и тамъ ихъ преслѣдовали. Завладѣвъ городомъ они собрали Евреевъ и потребовали большаго окупа въ деньгахъ и вещахъ, обѣщая пощадить ихъ жизнь; но лишь только злодѣи завладѣли имуществомъ, предали всѣхъ смерти немилосердой. Ихъ трупы вездѣ валялись по полямъ. Одинъ еврей съ опасностью жизни вошелъ въ городъ и нанялъ 20 Турокъ, чтобы они собрали тѣла побіенныхъ и благочинно предали ихъ землѣ¹.

¹ Въ Подольской губерніи, въ лѣсахъ вы найдете множество такъ называемыхъ *Еврейскихъ мошл*. Одну изъ нихъ

Ушедшіе въ Бендеры были столь-же несчастны; однихъ убили Турки, другіе ограбленные Татарами, скитались безъ пищи и пристанища по степямъ, такъ что многіе изъ отчаянія погибли въ волнахъ Днѣстра, или умерли отъ голоду».

Семень Галицкій еще рассказываетъ, что когда онъ прибылъ въ Запорожье и явился къ Бугогардовскому полковнику, то вслѣдъ за нимъ прискакалъ изъ Турецкаго мѣстечка Голты, тамошняго гарнизона Бешлей (полицейскій солдатъ) съ письмомъ къ полковнику и спрашивалъ: «кто такіе Запорожцы, которые Голту разорили? ибо если они не Запорожцы, то Ногайская орда, которая уже туда выступила, всѣхъ ихъ вырубить». На то и полковникъ и Галицкій отвѣчали посланцу: «что тѣ гайдамаки не Запорожцы, а *самосбройцы*, «(бездѣльники), неизвѣстно какіе люди, дѣлайте «съ ними что хотите».

Это разореніе Голты было послѣднимъ подвигомъ Железняка и гайдамакъ его шайки. Онъ оставилъ было своихъ людей у Балты, ибо не надѣялся на ихъ вѣрность, а самъ пустился къ Бугу, въ окрестности м. Орлика (нынѣ Ольвиополь), и тамъ въ урочищѣ *Романкова-балка*, скрывался съ двумя десятками товарищей, ожидая удобнаго случая для новыхъ наѣздовъ, ибо онъ

видѣлъ я въ 20 верстахъ отъ М. Вороновицы, по дорогѣ къ Кальнишевкѣ въ *Тавровскомъ* лѣсу; она до сихъ поръ называется *Жиды*.

рѣшительно не хотѣлъ заниматься мелкимъ грабежемъ въ степи и на большихъ дорогахъ. Когда уже вся его команда изъ подъ Балты прибыла, то онъ не смотря на ближнее сосѣдство Русскаго гарнизона, бросился на пограничное мѣстечко Голту и тамъ всѣхъ скрывавшихся Польскихъ шляхтичей и жидовъ захвативъ, безчеловѣчно мучилъ, а послѣ однихъ перекололъ, а другихъ въ рѣкѣ утопилъ. Это нападеніе такъ испугало Голтянскаго Каймакана, что онъ искалъ убѣжища въ Русскомъ Орловскомъ шанцѣ. Въ послѣдній разъ, и то вѣроятно уже послѣ схватки съ Буджацкою ордою, явился Железнякъ въ тѣхъ мѣстахъ въ концѣ Іюня мѣсяца, какъ это видимъ изъ показаній Бугогардовскаго полковника *Моисея Головка*, призваннаго для отвѣту въ Сѣчь. «Прошлаго Іюня 27-го числа ѣхалъ онъ полковникъ изъ паланки своей, (лагеря, у рѣчки *Мертвыхъ-Водъ*), въ Орель по надобности, самъ и съ нимъ два компанейца, и какъ минулъ Мигейскій островъ, то на той (Турецкой) сторонѣ Буга, видѣлъ какъ до 30 чел. гайдамакъ, выгоняли жителей изъ Голты въ Ханское село *Гидиримъ* и скоть ихъ занимали. Когда-же полковникъ подѣхалъ къ берегу рѣки, то на другую сторону прискакало 7 чел. конныхъ и начали спрашивать кто ѣдетъ? Полковникъ назвалъ себя и взаимно спрашивалъ: что они за люди? Одинъ изъ нихъ конныхъ отвѣчалъ: «я Железнякъ», на замѣчаніе-же Головка, что Железнякъ находится въ Умани, сей

послѣдній отвѣчалъ, что его Великороссійскія команды изъ подъ Уманя выгнали и спрашивалъ полковника: давно-ли онъ былъ въ Сѣчи и скоро-ли туда поѣдетъ? Полковникъ отвѣчалъ, что онъ немедленно по возвращеніи изъ Орлика, отправляется въ Кошь. Тогда Железнякъ сказалъ ему: «егда поѣдешь, поклонись пану кошевому и скажи, « что мы будемъ на той сторонѣ Буга и въ Сѣчи « въ гостяхъ ». Головка замѣтилъ было ему: «что когдабъ онъ до Сѣчи пробрался, тобъ уже больше *никуда не поѣхалъ*, — но Железнякъ закричалъ ему: « Приїдемо такъ, что вы и прочіе тамошніе « и въ Сѣчи и нигдѣ не удержитесь ».

Но вскорѣ кровавые подвиги Железняка и его друзей прекратились. Кошь Запорожскій выслалъ отряды по всей Польско-Турецкой границѣ и въ степь для поимки людей, которые-бы тамъ безъ особенныхъ видовъ шатались. Посланные отъ Кіевскаго военнаго губернатора три эскадрона поселенныхъ Новороссійскихъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника *Чорбы*, преслѣдовали и неумоимо разбивали, постепенно, всѣ шайки гайдамакъ. Железнякъ и Швачка схвачены первые. Семенъ Неживый составилъ себѣ отдѣльную ватагу въ Чигринской губерніи изъ поселянъ, повѣрившихъ ему, что онъ посланъ отъ Коша на истребленіе Ляховъ и Жидовъ. Онъ имѣлъ уже до 100 гайдамакъ съ ратищами и ружьями, большею частью добрыхъ поселянъ, бросившихъ свои жилища, семейства и имущества, но имѣлъ нѣ-

сколько и бѣглыхъ Запорожцевъ. Съ этою толпою захватилъ онъ с. *Медведовку* (Кіев. губ.) и тамъ расположился *пановать*, какъ въ своемъ собственномъ имѣніи. Оттуда дѣлалъ частые набѣги на Бѣлую-Церковь и окрестные села, но грабилъ только Польское и Жидовское имущество. Между тѣмъ полковникъ Чорба узнавъ о его подвигахъ, поспѣшилъ туда съ своими гусарами. Прибывъ въ Новосербское село Галагановку, онъ послалъ звать къ себѣ Семена Неживаго и его старшину, подъ видомъ переговоровъ. Грубый и простой козакъ не понялъ хитрости и отправился со всею своею ватагою къ Чигрину. Тутъ оставилъ большую часть своихъ людей, а самъ съ Балтскимъ сотникомъ Попатенкомъ, однимъ изъ героев Уманскихъ злодѣйствъ, Медведовскимъ писаремъ своимъ эсауломъ и нѣсколькими гайдамаками прибылъ къ мѣсту совѣщанія. Полковникъ Чорба немедленно ихъ арестовалъ и заковалъ въ желѣза. Узнавъ объ этомъ чрезъ одного Запорожца, хитрѣе другихъ, шайка Неживаго разсѣялась и ушла къ Лебединскому монастырю и тамъ въ лѣсу скрываясь, изрѣдка выходила на добычу¹. Но гусары живо ихъ преслѣдовали, такъ-что къ 16 Іюля уже ни одной гайдамацкой ватаги не осталось въ западной Украинѣ. Железнякъ, Швачка, Неживый и Запорожскіе гайдамаки отправлены въ

¹ Изъ показаній гайдамака, пойманнаго Запорожца *Федора Бондаренка*, отъ 25 Іюня 1768 г.

Кіевъ; Журба съ 30 другими были убиты въ сраженіи съ карабинерами. Поляки много сказокъ рассказываютъ про Железняка, но мы держались положительныхъ свѣденій, почерпнутыхъ нами изъ документовъ. О Железнякѣ много сочинено пѣсней какъ о героѣ черни Украинской, мы сами имѣемъ одну, родъ баллады, подъ заглавіемъ: *плачь Железняка въ тюрьмѣ*, гдѣ онъ говоритъ:

«Батьку Днипрѣ въ море течіи,
Тай назадъ вернися; —
Мый каминья, та въ нихъ плещи,
Та звисточку даты не барыся» (не медли).

Но едва-ли она народная. За то есть пѣснь сообщенная Максимовичемъ, гдѣ видно, что Железнякъ казненъ былъ въ Кіевѣ, ибо въ ней сказано:

«Ступай, ступай Железняку, годи вже гуляты,
«Пійдемъ въ Кіевъ, въ Печерское богу-работаты»¹.

И говоритъ Максимъ козакъ сидючи въ неволи:

«Не будутъ мать, вражи Ляхи, на Вкраини воли:

«Течуть рики зъ всего свита до Чернаго моря

«Минулась на Вкраини Жидовская воля».

Эта простая пѣснь, которую народъ до сихъ поръ повторяетъ въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, лучше всѣхъ документовъ удостовѣряетъ, какъ искренно поселяне того времени, да и нынѣшніе, вѣрили той личинѣ, подъ которою скрывалъ свои замыслы Железнякъ, выдававшій себя

¹ *Богу-работаты*, на Украинѣ и въ Запорожьѣ значило сидѣть въ тюрьмѣ, ибо тогда всѣ почти арестанты употреблялись въ работу.

за мстителя, поборника православія и Руси, врага католиковъ, Уніатовъ и Жидовъ.

Еще нѣкоторое время, слухи о гайдамакахъ и ихъ набѣгахъ ходили въ Польшѣ и Малороссіи, но вскорѣ все затихло, при гораздо важнѣйшемъ событіи — войнѣ Россіи съ Турціею. Послѣдніе изъ ватажковъ: *Саражинъ*, *Губа*, *Дейнекій*, *Василій Волошинъ* чабанъ, т. е. пастухъ съ Молдавскихъ степей, *Шереметъ* и др., разбойничали еще, на малую руку, по дорогамъ и лѣсамъ, скрываясь при малѣйшей тревогѣ въ Запорожьи — пока Запорожскіе команды всѣхъ ихъ не переловили. Знаменитѣе другихъ своею дерзостью и жестокостью былъ ватажокъ *Семенъ Саражинъ*, бывшій гусаромъ въ 4-й ротѣ Чернаго Сербскаго полка, который бѣжавъ изъ полка, скрылся въ Запорожьи, но тамъ уличенный въ воровствѣ и убійствѣ, осужденъ былъ кошевымъ къ смертной казни на *острую палю*, (т. е. на колъ); но ушелъ оттуда при помощи своихъ сподвижниковъ. Впослѣдствіи участвовалъ въ Уманской рѣзнѣ и не смотря на опасность явиться въ предѣлахъ войска, — онъ именно на Запорожьи собиралъ свои ватаги, которымъ уже никакихъ не давалъ благовидныхъ предлоговъ, а приглашалъ просто для грабежа и добычи. Но и онъ попался въ руки правосудія и кончилъ свое поприще по заслугамъ. Слыхали мы и читали еще объ одномъ гайдамакѣ *Гаркушѣ*, весьма извѣстномъ въ Малороссіи, но въ документахъ нашихъ, свѣденій объ этомъ не

нашли. Въ числѣ пойманныхъ гайдамакъ но не заслуживавшихъ смертной казни, а просто наказанныхъ кіями въ Сѣчи у «*стовба*», былъ какой-то *Григорій Горкуша*, участвовавшій въ бунтѣ противу кошеваго (въ Декабрѣ 1768), — но былъ ли то описанный въ книгахъ и Малороссійскихъ сказаніяхъ гайдамакъ Горкуша, или нѣтъ? рѣшить не можемъ.

Раскажемъ теперь, какъ окончили свое поприще знаменитые гайдамаки Польскіе. Графъ Браницкій принявъ отъ генерала Кречетникова плѣнниковъ, здавъ ихъ обозному regimentарю Украинской партіи *Стемпковскому*, ибо главный regimentарь *Вороничъ*, по болѣзни отъ этой должности отказался и не выѣзжалъ изъ своего помѣстья. Стемпковскій при помощи Русскихъ солдатъ содержалъ гайдамакъ во все время учрежденнаго надъ ними суда, котораго инстигаторомъ или королевскимъ прокуроромъ (обвинителемъ) былъ нѣкто *Ставскій*. Судъ былъ военный какъ надъ мятежниками, убійцами и грабителями съ оружіемъ въ рукахъ — слѣдственно очень короткій. Гонтъ доказали, что онъ былъ причиною и главнымъ орудіемъ неслыханныхъ злодѣяній; не говоря уже о возмущеніи Уманскаго полка, разграбленіи и разореніи Умани, въ этомъ несчастномъ городѣ насчитали до 6,600 убитыхъ въ теченіи одной недѣли, въ томъ числѣ множество духовныхъ, старцевъ, женщинъ и дѣтей; до 300 однихъ помѣщиковъ и поссесоровъ искавшихъ убѣжища

или проживавшихъ въ Умани и всѣ семейства управлявшихъ имѣніями Потоцкаго дворянъ. «Чѣмъ «мы хуже Хмѣльницкаго? сказалъ Гонта Браницкому, — подобно ему, мы съ Железнякомъ «рѣзали Ляховъ и Жидовъ». — «Тѣмъ, отвѣчалъ «имъ гетманъ, что Хмѣльницкій каралъ виновныхъ «въ несправедливости къ Украинѣ Поляковъ, а «ты терзалъ и мучилъ однихъ невинныхъ»¹. Гонту привели въ с. *Сербы*, близъ Могилева (на Днѣстрѣ). Во всю дорогу онъ восклицалъ: «гдѣ Железнякъ?— «почему со мною нѣтъ Железняка»? Тамъ надъ нимъ исполнена казнь, столь безчеловѣчная, что даже казалась-бы невѣроятна въ Славянскомъ государствѣ, сосѣднемъ съ Россіею, въ которой тогда всѣ вообще смертныя казни были запрещены закономъ, еслибъ сами Поляки того не рассказывали. Съ Гонты живаго два или три дни сряду сдирали кожу, а послѣ еще дышущаго четвертовали. О его казни поселяне сохранили доселѣ печальную думу:

«Вонъжъ ёго на самъ передъ барзо (очень) привитали

Черезъ 7 дней зъ ёго кожу по поясъ здирали.

И голову облупили, солью насолили

Потомъ ему какъ честному назадъ положили.

Панъ рейментаръ похожае: «дивитесь люде!

«Хто-ся тилько взбунтовавъ, то всимъ тее буде».

¹ Хотя мы неимѣемъ ни одного письменнаго свидѣтельства, чтобы графъ Ксаверій Браницкій дѣятельно участвовалъ въ усмирении гайдамацтва, но не можемъ пропустить безъ вниманія одной молитвы, которую Евреи поютъ въ честь графа Браницкаго, за сохраненіе г. Бродъ отъ разбойниковъ, и которую мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ подь № 6.

Мартынъ Бѣлуга и Василій Шило подверглись той-же участи. Попатенко посаженъ на колъ. Головы ихъ вбитые на пики выставлены были по городамъ на зрѣлище народа. Остальныхъ слишкомъ 700 чел. вѣшали, начиная отъ Умани, въ Винницѣ, Брацлавѣ, по городамъ и мѣстечкамъ до самаго Львова въ Галиціи. Только не многихъ пощадили, но имъ отрубили по одной ногѣ и одной рукѣ, и такъ изувѣченныхъ возвращали въ ихъ села. Нѣкоторыхъ даже мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей Американскихъ. Несчастливымъ, обѣ руки обвязавъ паклею напитанною дегтемъ зажигали и такъ водили по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики жители западной Россіи, помнятъ еще что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ, въ глубокой уже старости, которые сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаяніи и на вопросъ любопытныхъ: что это за люди? отвѣчалъ: «не пытайте; то люди бувалье», т. е. гайдамаки.

Остается упомянуть объ одномъ еще обстоятельстве, о которомъ имѣемъ только сказаніе Польскихъ историковъ и рассказъ дочери Младановича, но о которомъ къ несчастію не имѣемъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Мы хотимъ сказать объ участи жестокаго игумена Лебединскаго. Подъ его вліяніемъ пало столько невинныхъ жертвъ, и на Запорожьѣ, которому онъ желалъ мстить, легло вѣчное пятно безславія, записанное

даже во многихъ страницахъ Польскихъ и Русскихъ исторій. Г-жа Кребсъ повторяетъ то, что слыхала отъ Польскаго бригадира Голѣвскаго, личнаго свидѣтеля происшествія. Онъ былъ поручикомъ гвардіи народной, служилъ въ командѣ Стемпковскаго во время плѣненія гайдамацкой шайки въ Умани, и присутствовалъ при казни Гонты въ с. Сербяхъ. Онъ говоритъ: что Стемпковскій съ 8 пушками и отрядомъ кавалеріи, (составленной изъ одного дворянства, т. е. католиковъ), окружилъ Лебединскій монастырь во время заутрени. Игумень съ нѣсколькими монахами вышелъ къ нимъ на встрѣчу какъ-бы къ богомольцамъ. Но увидя по лицу грозному Стемпковскаго, что онъ пришелъ не за благословеніемъ, предложилъ ему на серебрянномъ блюдѣ 4,000 червонцевъ (!!!) выкупа за себя и за монастырь. Но это было напрасно. По приказанію Стемпковскаго, его солдаты вкопали острый колъ въ землю, близъ самыхъ воротъ монастырскихъ и палачи схватили игумена. Региментарь на протесты и жалобы его отвѣчалъ тѣмъ, что показалъ ему благословеніе, данное на письмѣ Железняку и найденное на груди у Гонты во время его казни. Игумень былъ замученъ на колѣ, а двумъ монахамъ отрубили головы¹. Говорятъ, что монастырь

¹ Региментарь *Стемпковскій*, здѣсь упоминаемый, приобрѣлъ себѣ у современниковъ имя *жестокаго*, за ту строгость и неумолимость, съ какою выдумывалъ и исполнялъ казни гайдамакамъ и возмущившимся поселянамъ. По этимъ неслыхан-

былъ пощаженъ и что колъ этотъ былъ видѣнъ еще въ 1820 году, хранимый поселянами какъ память жестокаго обращенія Поляковъ съ православными¹.

Въ этой несчастной и кровавой трагедіи, участвовало до 300 Запорожцевъ; большая часть ихъ была убита гусарами и карабинерами; другіе схвачены и наказаны кнутомъ въ Кіевѣ, остальные бѣжали въ свои степи, но тутъ Сѣчевые объѣзды, все лѣто бывшіе въ полѣ, ихъ захватили и въ Кошъ для суда и наказанія отослали.

Изъ всего, что мы сказали выше, очень ясно видѣть можно, что хотя нѣсколько недостойныхъ козаковъ изъ Запорожскаго товариства, участвовало въ гайдамацкихъ злодѣянїяхъ, но никогда шайка Железняка и его сподвижниковъ, не была отрядомъ Низоваго войска, отправленнымъ отъ Коша на столь гнусное и богопротивное дѣло. Въ слѣдующей главѣ еще больше на то будетъ доказательствъ, а потому мы обращаемся къ Сѣчи и Запорожцамъ.

нымъ жестокостямъ можно легко заключить, какой страхъ на мѣстныхъ Польскихъ властей наводили Русскія воеводства. Надобно было особаго декрету сейма, чтобы остановить казни и опустошенія западной Украины, подъ бичемъ Стѣмпковскаго.

¹ Другіе говорятъ, что игумень, узнавъ объ участи Железняка и Гонты, ушелъ въ Малороссію, тамъ оправдался и получилъ въ управленіе какой-то монастырь.

V.

Въ книгѣ нашей, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой-Сльчи* или *послѣдняго Коша Запорожскаго* (въ главѣ IV, 2-й части, изд. 1841), сказали мы уже нѣсколько словъ объ этой ужасной эпохѣ, которую мы описали въ предъидущихъ главахъ и которая отъ печальной участи, въ особенности постигшей Умань, прозвана въ сказаніяхъ народныхъ *Уманскою рѣзней* (Rzeź Humańska). Тамъ мы уже говорили о дѣйствіяхъ Коша Запорожскаго въ эту критическую минуту. Здѣсь для вѣщшей ясности, исчислимъ подробно какъ свѣденія, полученныя Кошемъ объ этомъ злодѣяннн, такъ и мѣры имъ принятыя къ его прекращенію. Всѣ эти подробности теперь намъ хорошо извѣстны, ибо онѣ находятся въ одномъ *дѣлѣ* Сѣчеваго архива, намъ доставшемся, т. е. такихъ бумагахъ, которыя никогда не ожидали исторической извѣстности и критики, — слѣдственно, по нашему мнѣнію, достойные и большой вѣры и особеннаго любопытства.

Запорожскій Кошъ, въ 1767 году и въ началѣ 1768 года, заняты были очень важными для себя дѣлами, именно отправленіемъ изъ Сѣчи и руководствомъ депутатовъ, высланныхъ въ комисію Высочайше учрежденную въ Москвѣ, для составленія новаго для Россіи Уложенія. Тамъ войско должно было защищать и свои поземельныя права и свое доброе имя, отъ нападенія Новороссійскаго губернскаго начальства и Новороссійскихъ разноплеменныхъ поселенцевъ, тѣснившихся на Запорожскія земли. Кромѣ того, и въ самомъ Кошѣ вспыхивали внутреннія смятенія. Калнишевскій, 6 лѣтъ уже бывшій атаманомъ кошевымъ, былъ человѣкъ строгій, дѣятельный; любилъ заводить новые порядки, новое хозяйство и дисциплину, а тѣмъ навлекалъ на себя жалобы и ропотъ стариковъ-атамановъ куренныхъ, которыхъ патріархальная власть по куренямъ, была значительно имъ ограничена. Уже не только въ смерть убивать, батько-куреной не могъ своего козака, но даже и кіями не могъ подбивать безъ суда и приговора войсковаго. Дошло до того, что въ 1768 году, дважды, нѣсколько буйныхъ головъ забушевало и подняло оружіе на кошеваго и войсковую старшину. Послѣ (въ 1770 г.) явились даже подговорщики, чтобы не только «кошеваго Калнижа» умертвить, а на его мѣсто Филиппа Федорова поставить, но даже Русскій гарнизонъ въ ретраншаментѣ вырубить, а себѣ другихъ на-

новѣ искать, — т. е. опять предаться Турціи¹. Подговорщики были весьма малочисленны и войско ихъ мыслей не раздѣляло, — но это доказываетъ, какъ близко было уже паденіе «славнаго Запорожа».

Среди такихъ уже довольно затруднительныхъ обстоятельствъ, Кошъ получаетъ рапортъ Бугогардоваго полковника *Моисея Головка*, въ которомъ онъ доноситъ, что «5-го Мая (1768) ѣздивши по должности на низъ р. Буга и вверхъ по Ингулу, узналъ онъ отъ нѣсколькихъ козаковъ, что

¹ Объ этомъ преступномъ замыслѣ, находимъ слѣдующее подлинное свидѣтельство. Кошевой канцеляріи, *Ведмедовскаго* (Кіевск. губ.) монастыря іеродіаконъ *Амеросій* и козакъ старикъ *Кущевскаго* куреня *Григорій Креничъ* донесли: «что на второй недѣлѣ великаго поста, въ Протовчанской паланкѣ, за Днѣпромъ, въ домѣ бывшаго лейбъ-компаніи священника *Кирилла Тарловскаго*, гдѣ упомянутый іеродіаконъ временно проживалъ, заѣхали мимоѣздомъ *Щербиновскаго* куреня козаки: *Климъ Цыганъ* и *Иванъ Стороженко*, и принятые гостепріимно, (когда, вѣроятно наливки развязали языкъ), начали говорить: «Дай намъ Боже перебраться на ту сторону Днѣпра всѣмъ (сообщникамъ) и доѣхать до Сѣчи, то заразъ ударимо на Ралу; «у насъ давно есть *Пилипей* (Филиппъ Федоровъ), который намъ въ томъ порядокъ дастъ, а не такъ якъ сей кошевый *Калнижъ*. «И обравши кошеваго *Пилипея*, теперешняго кошеваго убьемъ на смерть, онъ нигдѣ не бувъ, (т. е. ватажкомъ), и ничего не знае, та дурно пануе. Также и всѣхъ старшинъ войсковыхъ, якіе ему согласны, побьемъ, да другихъ понаставляемъ. «А потомъ выбивши всѣхъ пановъ, и москаля не забудемъ». Когда-же священникъ *Тарловскій* началъ замѣчать козакамъ, что они: «Москалеви присягали и подъ его державою живутъ, то его и бить не слѣдуетъ». — Козакъ *Климъ Цыганъ* отвѣчалъ: «Мы всихъ панивъ побивши, другихъ соби панивъ найдемъ, и ужъ у насъ давно готовое мѣсто есть» (т. е. Турція).

изъ Ингульскаго вѣдомства болѣе 30 козаковъ пѣшкомъ отправились въ Польшу. Что, когда такихъ людей спрашивали куды они идутъ, отвѣчали: «Куды намъ Богъ дастъ, туды и подемъ». Другое свѣденіе получено отъ Прогноинскаго полковника *Федора Великаго*, что на другой сторонѣ *Прогноевъ* (соляныхъ озеръ, близъ Кинбурна): «рыбалки оставя своихъ хозяевъ, идутъ на Турецкую сторону рѣки Богу, на *Кислякову* и *Гордѣеву балки*, гдѣ составляютъ немалыя *чаты* (шайки) для гайдамацтва. Хозяева не хотятъ объ этомъ говорить, а между тѣмъ полковнику и старшинѣ эти люди угрожаютъ, такъ что безъ особой помощи Коша жить тамъ уже не можно».

Кошъ немедленно собравъ отъ всѣхъ куреней команды, послалъ ихъ на подкрѣпленіе Прогноинской и Бугогардовской паланокъ, съ наказомъ, чтобы учредивъ на всей Польско-Турецкой границѣ строгій кордонъ, бѣглецовъ и бродягъ останавливать и въ Сѣчь посылать, а куренямъ ни подъ какимъ видомъ въ Польшу и Ханскую область своихъ козаковъ не отпускать. По обычаю же, издревле употребляемому въ Запорожьѣ, полковный старшина Семень Галицкій, подъ предлогомъ торговли, отправленъ къ Польской и Ханской границамъ для провѣданія. Что узналъ и какъ рассказывалъ о гайдамакахъ, этотъ заслуженный Запорожець, мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ.

Между тѣмъ свѣденіе о гайдамацкихъ набѣгахъ на Польшу достигло до Кіева, и генераль-

губернаторъ Воейковъ отправивъ пѣхотный гарнизонъ въ Бѣлую-Церковь, какъ городъ предавшійся покровительству Россіи, послалъ три гусарскіе эскадрона, подъ командою полковника Чорбы, для преслѣдованія наѣздниковъ, которыхъ и онъ и всѣ считали Запорожцами. Къ кошевому же, узнавъ о разореніи Умани, написалъ онъ, что: «появившаяся въ Уманской, Чигринской и Смелянской губерніяхъ, гайдамацкая шайка, своими разбоями и грабительствомъ, не только многія мѣстечка и села въ той околицѣ разорила, многихъ изъ шляхетства и изъ другихъ чиновъ, такожь жидовъ, гдѣ только кого достать могла, безчеловѣчно мучила и умерщвляла, — но и своими ложными разглашеніями, простой во тьмѣ невѣжества погруженный народъ къ бунту, противу властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигнула.... Что главный вождь помянутой гайдамацкой шайки, сказывается полковникомъ войска Запорожскаго Низоваго и называется *Максимъ Железнякъ*, при коемъ, якобы дѣйствительно, до 100 чел. Запорожскихъ козаковъ находится, имѣетъ нѣсколько хоругвь (знаменъ) и перначей, разглашаетъ, что онъ по указу посланъ противу конфедератовъ и такимъ образомъ простой народъ прельщая, побуждаетъ къ бунтамъ и къ своей привлекаетъ шайкѣ, чѣмъ не малое поношеніе и и безславіе всему войску Запорожскому наноситъ» (ордеръ 24 Іюня 1768 г.).

Это страшное обвиненіе привело въ ужасъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что многія вѣсти, полученныя изъ Украины, это мнѣніе подтверждали. Такъ прибывшіе 2-го Іюля по торговлѣ въ Сѣчь, Уманскіе жители: *Останъ Поломанный* и *Останъ Бочка* представили Кошу билетъ, выданный Железнякомъ, въ которомъ онъ называетъ себя «полковникомъ» а свою шайку «войскомъ Запорожскимъ». По этому билету они чрезъ границу, комендантомъ Орловскаго форпоста маіоромъ *Вульфомъ*, были пропущены. При допросѣ войсковою старшины, они показали, что: «9-го Іюня гайдамацкая шайка въ 1,000 чел. конныхъ, при одномъ большомъ и нѣсколькихъ меньшихъ знаменахъ, подъ начальствомъ какого-то полковника Максима Железняка, подговоривъ 4-хъ Уманской губерніи сотниковъ: онаго города Умани, *Ивана Кузьменка* и *Гонту*, Хащоватскаго *Панка* (Еремея), Тарговицкаго *Власенка* и при нихъ козаковъ конныхъ и вооруженныхъ 500, 10-го числа Іюня напавъ на этотъ городъ, бывшихъ въ немъ шляхтичей до 100 и Жидовъ до 300, въ томъ числѣ женщинъ и младенцевъ умертвили¹. Все городское имущество, въ томъ числѣ знамена и пушки захватили, и расположились подъ онымъ городомъ въ полѣ лагерьмъ. Тѣла умерщвленныхъ Жидовъ и Поляковъ

¹ Число убитыхъ показано очень мало, ибо Уманскіе купцы говорили то, что знали по слухамъ и уѣхали изъ города, до окончанія убійствъ.

были брошены и остаются безъ погребенія. Эта гайдамацкая шайка называетъ себя Запорожскими козаками, но въ самомъ дѣлѣ они не Запорожцы, но сущій сбродъ Польскихъ мужиковъ, винокуровъ и обитающихъ въ Очаковѣ и его окрестностяхъ *аргатовъ* (наемщиковъ). Они рассказываютъ о себѣ, что имѣютъ какое-то позволеніе на истребленіе въ Польшѣ Ляховъ и Жидовъ. Этотъ Железнякъ имѣетъ управленіе надъ городомъ Уманью и цѣлою этою губерніею, и между ихъ жителями производитъ судъ и расправу»

Донскаго куреня козакъ *Лаверинъ Кантаржей*, о которомъ мы говорили выше, возвратившись въ Сѣчь, донесъ Кошу, что когда онъ по купечеству былъ въ разныхъ Польскихъ городахъ и уже возвращался въ Сѣчь *натоварясь*, (нагрузя свои повозки) разными товарами, то 9 числа Іюня (въ самый день наѣзда гайдамакъ) въ городъ Умань прибылъ. Здѣсь онъ нашелъ отрядъ въ 2,000 чел. при 30 знаменахъ и 15 пушкахъ, который себя называлъ «Запорожскимъ войскомъ». Онъ явился къ полковнику того войска Максиму Железняку и просилъ его покровительства, чтобы ни ему, ни его товарамъ, во время пребыванія въ Умани и на дорогѣ, ни отъ людей его, ни отъ другихъ, обидъ не было. Железнякъ созвалъ своихъ сотниковъ и посовѣтовавшись съ ними, далъ ему отъ себя свидѣтельство, чтобы ему вездѣ, до самой Россійской границы свободный былъ пропускъ и проч.

Другой Запорожець, Звоневскаго куреня козакъ *Максимъ Высоцкій*, который по торговымъ дѣламъ былъ въ Умани, на 3-й день послѣ его разоренія гайдамаками, — отъ одного обманщика называвшагося козакомъ Пашковскаго куреня слыхалъ, что будто-бы онъ и 3 другіе козаки прибыли недавно изъ Сѣчи съ письмомъ: «отъ пана Кошеваго къ полковнику Железняку, чтобы порядковалъ хорошо» и увѣрялъ Высоцкаго, что атаманы куренные уходу изъ Запорожья козакамъ въ гайдамацтво не препятствуютъ, а напротивъ говорятъ: «Боже помогай, ступайте! а потомъ можетъ быть и сами пойдѣмъ, только теперь не можно, чтобы граница безъ войска не оставалась и Ногайцы напасть не могли».

Такимъ образомъ доброе имя и слава войска Запорожскаго были поруганы горстью злодѣевъ; тысячи убійствъ сдѣланы ими во имя козачества и даже православія. Напрасно защищалъ себя Кошъ и предъ Воейковымъ и предъ Румянцовымъ. Высочайшая граммата Императрицы Екатерины, войску данная¹ отъ 12 Іюля 1768 года, весьма строго дала почувствовать Запорожцамъ тѣ подозрѣнія, которымъ они подверглись, и ту отвѣтственность, которая за безчинства нѣсколькихъ козаковъ, падеть на все товариство, если оно усердіемъ и дѣятельностію не оправдаетъ себя. Вскорѣ возвратился посланный въ Польшу и къ Балтскому

¹ «Исторія Новой-Сѣчи», стр. 291.

каймакану старшина Семень Галицкій и его показанія, вполнѣ оправдывающія Запорожье, были отправлены и къ графу Румянцову и ко двору. Посланы также свѣденія, собранныя отъ самыхъ гайдамакъ и въ Кошѣ, о томъ: что Железнякъ еще въ 1762 году оставилъ войско и никогда не былъ Запорожскимъ полковникомъ; что хотя разные ватажки съ бродягами, *наймитами* и рыбаками, сдѣлавшись гайдамаками, и могли по спискамъ куреннымъ принадлежать Запорожскому товариству, но не только ни какая команда не была послана Кошемъ на столь гнусное дѣло, но даже ни одинъ козакъ съ вѣдома его не былъ отпущенъ за границу. Представлено также свѣденіе, что гайдамаки даже на зимовникъ войсковаго асаула *Сидора Блага*, одного изъ самыхъ заслуженныхъ старшинъ Запорожскихъ напали и разграбили; слѣдственно, что это были не Запорожскія команды, а негодяи всѣхъ возможныхъ сословій и народовъ. Исполня Монаршую волю, Запорожье, кромѣ командъ уже стоявшихъ съ Мая мѣсяца по поланкамъ, вооружило еще отъ всѣхъ 38 куреней до 3,000 чел., подъ начальствомъ храбрѣйшихъ войсковыхъ старшинъ: *Макара Нагая*, *Алексыя Чернаго*, *Андрея Лукьянова* и полковника *Андрея Кій-Наша*. Они отправлены къ Польской границѣ, для поимки убѣгавшихъ въ Запорожскія степи гайдамакъ и задерживанія тѣхъ, которые-бы въ Польшу пробирались¹.

¹ См. приложеніе № 13.

Съ Іюля по Ноябрь, это войско стояло въ полѣ, держа строжайшій кордонъ, терпя холодъ, труды и всевозможный недостатокъ во всемъ, и такимъ образомъ болѣе 200 чел. меньшаго разбора гайдамакъ, бродившихъ еще въ Польшѣ и въ степи, было схвачено и представлено въ Сѣчь, для допроса и суда. Ихъ показанія объяснили намъ весь ходъ этой послѣдней гайдамацкой трагедіи.

Чтобы показать, какъ въ эту несчастную эпоху вѣрили въ участіе Запорожья въ гайдамацкихъ наѣздахъ и какъ его боялись Польскіе помѣщики, хотя сами ни какихъ дѣятельныхъ мѣръ защиты не предпринимали, приведемъ здѣсь еще одинъ документъ. Это письмо привезенное въ Сѣчь паномъ *Космовскимъ*, отъ своего помѣщика, Познанскаго воеводы и Чигринскаго старосты, князя *Яблоновскаго*¹.

« Вельможный и высокородный войска Запорожскаго господинъ атаманъ Кошевый,

« Въ сосѣдствѣ дружелюбный приятель мой!

« Я сверхъ письменнаго, послѣдовавшаго ко мнѣ отъ Е. С. полномочнаго Ея И. В. посланника князя Репнина, обѣщанія, содержать собственныя мои добра (имѣнія) въ защищеніи отъ происшедшихъ междуусобныхъ самовластныхъ, на

¹ Списанное буквально, какъ образецъ того Русскаго языка, которымъ писали въ Польшѣ, ибо письмо князя было переведено въ Чигринѣ.

Украинѣ въ области нашей смятеній, не упускаю къ тому случая предаться еще и вашей вельможности съ войсковою старшиною въ особеннѣйшую дружескую сосѣдственную милость, защищеніе и покровительство, прося при томъ дружелюбно, неоставить отеческою своею милостью, находящагося области нашей въ Украинѣ, надъ вѣчистыми (*вѣчными*, т. е. наслѣдственными или родовыми) моими добрами г. *Космовскаго*, подчашаго Новогрудскаго, отъ происходящихъ междусобныхъ тамъ мятежей, нарушающихъ почти государственную цѣлость, всевозможнымъ образомъ по своимъ силамъ, отъ стороны своей защищать и въ милости своей онаго г. Подчашаго, для моей подносимой предъ вельможностью вашей, глубокой просьбы содержать и пр.» (*Аннополь*, 8 августа 1768).

Отвѣтъ Кошеваго достоинъ вниманія, какъ лучшее доказательство непричастности Запорожья къ гайдамацкимъ неистовствамъ:

... «Хотя я всѣмъ усердіемъ отъ сихъ мятежей, оного г. *Космовскаго*, готовнѣйшій бы защищать, но яко онъ находится въ тамошнихъ В. С. принадлежащихъ мѣстахъ, куда намъ въѣзду имѣть съ командами безъ позволенія Высочайшаго невозможно; для того требуемаго чинить не можемъ. Еслижъ помянутому г. *Космовскому* въ подсутственныхъ здѣшнему войску сторонахъ, въѣздомъ случится быть, въ такомъ случаѣ я зъ старшиною, по волѣ Высочайшей Монаршей

власти — чтобы ни отъ кого, какъ отъ постороннихъ, такъ и здѣшнихъ подчиненныхъ и малѣйшей обиды причинено не было — въ защищеніе, крайнее старательство приложить готовнѣйшимъ себѣ нахожу. Чтобъ-же изъ здѣшнихъ подчиненныхъ, въ Польскую область, между мятежники никто отходу не имѣлъ, о томъ отъ мене зъ старшиною, крѣпчайше наблюдаемо было и нынѣ равно таковаяжъ строгость содерживаема быть имѣеть» (13 Августа 1768 г.)

Въ заключеніе приведемъ еще одинъ эпизодъ изъ гайдамацкихъ событій, доказывающій, что Украинскія села бунтовались и разбойничали сами, безъ участія своихъ любимыхъ героевъ ватажковъ Запорожскихъ, — и что напротивъ, несчастныя ихъ жертвы, внутри Запорожья находили пристанище и гостепріимство. Въ Іюлѣ 1768 года Бугогардовый полковникъ прислалъ въ Сѣчь молодого Польскаго шляхтича *Юрія Хржановскаго*, который по запросу старшины рассказывалъ слѣдующее:

«Когда отецъ его *Казиміръ Хржановскій*, (чиновникъ воеводства Брацлавскаго, державца села *Мостоватаго*, принадлежащаго Потоцкому), узналъ, что бунтовщики городъ Умань разорили и живущихъ въ немъ Ляховъ и Жидовъ поумерщвляли, то опасаясь подвергнуться той-же участи, забравъ жену и трехъ сыновей, съ небольшою частицею своего имущества, убѣжалъ изъ села *Мостоватаго* гдѣ имѣли жительство, въ

село Камяну-Крыницю¹. Но это не спасло ихъ, ибо взбунтовавшіеся тамъ сельскій атаманъ *Будера* и др. жители, напавъ на ихъ домъ, отца его поднявъ на пики умертвили, а имущество ихъ заграбили. Въ три дни послѣ, явилась въ то село другая шайка взбунтовавшихся поселянъ, схватила атамана Будеру и разными мученіями требовала у него денегъ, а послѣ отрубивъ ему саблею правую руку и лѣвую ногу, бросили его на улицѣ. Нѣкоторые изъ Камянскихъ жителей, а именно: *Александръ Шайковскій*, *Василій Горкуша* и *Иванъ Кравчикъ*, умилосердившись надъ бѣднымъ мальчикомъ, съ позволенія матери окрестили его въ православную вѣру и отвезли въ Запорожье, куды они ѣхали для покупки рыбы. Бугогардовый полковникъ принявъ благосклонно молодаго шляхтича привезъ его въ Сѣчь въ надеждѣ, что Запорожье, ни кому не отказывавшее въ пристанищѣ, призритъ несчастнаго сироту. Войсковая старшина охотно дала ему приютъ и помѣстила въ числѣ молодиковъ, «при боку Кошеваго» находящихся. Въ Октябрѣ того-же года, Уманскій полковникъ *Яковъ Квяткевичъ*, изъ Тарговицы перешедшій въ этотъ городъ на мѣсто злополучнаго *Младановича*, по успокоеніи Украины, писалъ къ Кошевому прося возвращенія молодаго дворянина *Хржановскаго*, котораго семейство уцѣлѣвшее отъ ги-

¹ Село Уманскаго уѣзда, на почтовой дорогѣ, между Тарговицею и Уманью.

бели, вездѣ искало. Кошъ не медля это исполнилъ, и молодаго своего козака отпустилъ въ Польшу.

Вотъ краткая, но вѣрная и живая картина этой злополучной эпохи, память которой живетъ до сихъ поръ въ пѣсняхъ и сказкахъ Украинскаго народа, который ни мало не считаетъ гайдамакъ злодѣями и убійцами — а напротивъ героями, мучениками за вѣру и отечество, подобно древнимъ витязямъ козачества, какимъ былъ и др. Морозенко, о которыхъ говоритъ поэзія народная:

«Ой Морозе, Морозенку, ты славный козаچه!

За тобою Морозенку, вся Украина плаче.

Невольно всякому читателю прійдетъ одно замѣчаніе: какимъ образомъ шайка не имѣвшая и 2,000 дурно вооруженныхъ людей, чистой сволочи, которые какъ говоритъ о нихъ Запорожець Галицкій, не умѣли ни лошадей по козачьему осѣдлатъ, ни лошадыю управлять, ни пикою владѣть, могли цѣлые мѣсяцы господствовать въ двухъ воеводствахъ, гдѣ было столько дворянъ всегда вооруженныхъ, и цѣлые regimenty національной кавалеріи (Kawalerej Narodowej)? Вотъ отвѣтъ приводимый нынѣшними Польскими писателями. Первыя появленія гайдамакъ, Поляки по свойственному ихъ легкомыслію и беззаботной храбрости, презирали и считали *сваволею хлопства*, шалостями мужиковъ, къ которымъ они уже привыкли. Часто цѣлая семья помѣщика, управителя или поссесора, погибала въ одну ночь, отъ упрямства «вельмож-

наго пана», стыдившагося зарядать ружья, или обнажать саблю противу своихъ *хамовъ*, т. е. поселянъ. Такимъ образомъ многія дворянскія фамиліи въ Украинѣ исчезали, но сколько мы знаемъ, въ теченіи XVIII столѣтія, ни вельможи-помѣщики, ни губернаторы, ни региментари войскъ, никакихъ сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ противу гайдамакъ и буйныхъ своихъ поселянъ не предпринимали, не смотря на частыя постановленія дворянства (*lauda boni ordinis*) изъ которыхъ одно мы привели выше. Украина въ Мазовіи или Литвѣ считалась страною невѣдомою, Америкою Польши и когда зняменитый поэтъ *Станиславъ Трембецкій* сказалъ въ своей Софіевкѣ:

«Kraina mlekiem рѣунаса і miodem»

«Страна, гдѣ медъ и молоко рѣками льется»

ни кто тому не вѣрилъ. Мы видѣли, что во всякой большой помѣщичьей волости или губерніи, была *милиція* или козаки для защиты оныхъ. Но это войско набиралось изъ поселянъ Русскихъ, православнаго исповѣданія, которое само изъ среди своихъ товарищей избирало свою старшину, т. е. атамановъ, асауловъ и даже сотниковъ; оно искренно ненавидѣло и презирало Ляховъ, т. е. управителей и мелкое шляхетство, ибо о вельможахъ своихъ помѣщикахъ, оно знало только по слухамъ и пѣснямъ. Не удивительно послѣ того, что злодѣи, искусные въ разбояхъ и хитростяхъ, знающіе хорошо характеръ и образъ мыслей такихъ придворныхъ

дружинъ, умѣли волновать ихъ и возмущать противъ помѣщиковъ, иногда сущихъ благодѣтелей своихъ поселянъ¹. Запорожье было вредно тѣмъ въ особенности, что въ ея безмѣрныхъ степяхъ вѣчно водились ватажки, готовые на грабежъ и убійства, и что туды всегда укрывалась всякая сволочь и даже преступники, если имъ удавалось избѣгнуть отъ преслѣдованій закона. Но повторяемъ, что никогда Запорожцы не считали и не называли себя гайдамаками, никогда не терпѣли гайдамакъ въ рядахъ своихъ, а напротивъ жестоко наказывали ватажковъ и воровъ «за ихъ характерство», если они попадались въ руки войсковаго правосудія. Тѣмъ болѣе, никогда само войско «славное Низовое товариство» оплотъ Русскихъ земель со стороны Турціи, не могло рѣшиться на столь пагубное и богопротивное дѣло, какъ истребленіе цѣлыхъ тысячъ невиннаго и безоружнаго народа, изъ видовъ корысти и мщенія — не побуждаемое ни національнымъ, ни религіознымъ фанатизмомъ, который уже не существовалъ.

¹ Какъ въ XVIII столѣтіи были богаты Украинскіе поселяне, легко убѣдиться по остаткамъ драгоцѣнныхъ тканей, вещей и даже старыхъ денегъ, хранимыхъ у нѣкоторыхъ стариковъ. У нихъ есть даже весьма характеристическая поговорка объ этомъ періодѣ. Они говорятъ: «За короля Саса, ѣжь хлѣбъ, да развязывай паса» (пояса). Сасы, т. е. курфирсты Саксонскіе и короли: Августъ II и Августъ III.

Въ Маѣ 1843 года, мы нарочно посѣщали почти всѣ тѣ мѣста западной Украины, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ, и вездѣ встрѣчали слѣды преданій и рассказовъ, объ этихъ кровавыхъ событіяхъ. Къ сожалѣнію, теперь уже съ трудомъ собираются всѣ тѣ свѣденія, преданія или пѣсни, которыми прежде была преисполнена эта прекрасная и поэтическая страна Руси православною. Украинскіе барды — *бандуристы* и слѣпцы — *гусляры* и *лирники*, уже вовсе не существуютъ, или скрываются отъ любопытныхъ, боясь, какъ это часто случалось, попасть вмѣсто поэта или антикварія, на строгаго земскаго исправника или грознаго становаго пристава. Отъ того жатва наша въ 1843 году была очень скудна.

Въ Умани никакихъ почти слѣдовъ не осталось отъ укрѣпленій стараго города (*stare miasto*), ни валу, ни башень, ни даже зданій. Послѣднія укрѣпленныя ворота (*brama powo miejska*), ведшія изъ старшаго въ *новый* городъ, гдѣ происходила описанная въ III-й главѣ сцена, между Младановичемъ и Гонтою, уже сломаны, чтобы очистить улицу около бывшаго монастыря. Маленькая приходская католическая церковь (фара), откуда гайдамаки начали свои убійства, тоже не существуетъ; она была рядомъ съ нынѣшнимъ православнымъ храмомъ, во имя чудотворца Николая, на мѣстѣ гдѣ теперь пустой огородъ. Базиліанскій монастырь, прежде деревянный, сломанъ, а на его мѣсто выстроено было большое каменное зданіе, гдѣ помѣ-

стался монастырь и гимназія до 1830 года. Теперь монахи онаго переведены въ *Трегуры*, а зданіе обращено въ военный лазаретъ. Страннымъ случаемъ, на обрывѣ горы, на которой стоитъ старый городъ, уцѣлѣли четыре сваи отъ палисада, укрѣплявшаго Умань во время мятежа Гонты. *Коммисарня*, т. е. часть зданія, гдѣ былъ замокъ или домъ помѣщика, принадлежитъ теперь купцу Гросману. *Гьлда* (гильдія) или гостинный дворъ, основанный въ 1761 году, существуетъ донынѣ, съ тою только разницею, что онъ теперь каменный. Это прекрасное зданіе, укрѣпленное по системѣ гостинныхъ дворовъ въ городахъ западной Европы, въ среднихъ вѣкахъ, теперь почти въ развалинахъ; отъ прежняго времени остались высокіе навѣсы надъ лавками, толстыя желѣзныя двери на всякомъ шагу и гербы Потоцкихъ на всякомъ фасадѣ. Оно было мѣстомъ, гдѣ произошли большая часть этихъ кровавыхъ сценъ, которыя мы имѣли мужество описать довольно подробно. На углу зданія (на планѣ lith. К.), гдѣ теперь лавка купца Беренштейна и его погребъ, по преданіямъ, вырытъ былъ тотъ глубокой колодезь, въ который были брошены тѣла убитыхъ жертвъ. Количество костей человѣческихъ, этотъ памятникъ горькихъ событій послѣдняго столѣтія, такъ здѣсь велико, что вся земля стараго Умани ими набита. Одинъ провалившійся Еврейскій погребъ, куды мы заглянули по указанію г. Гросмана, былъ ими наполненъ вмѣстѣ съ гнилою землею до самаго верху.

Лѣсокъ, называемый *Грековъ* и поле, гдѣ стояло лагеремъ искавшее убѣжища дворянство, остаются въ томъ-же видѣ, какъ были въ 1768 году, — даже курганы или могилы не свидѣтельствуютъ о тысячахъ убіенныхъ здѣсь гайдамаками людей.

Кромѣ Умани, самыя живыя преданія о гайдамакахъ находили мы въ Винницѣ, гдѣ еще существуетъ монастырь, въ которомъ дворянство собиралось для совѣщанія, о мѣрахъ противу злополучія Подольской Украины. Видъ укрѣпленій и возвышеннаго зданія или *городу*¹, очень живописенъ. Въ Звенигородкѣ и слѣдовъ нѣтъ, гдѣ стоялъ замокъ, столько разъ защищаемый дворянствомъ и столько разъ сожженный гайдамаками. Въ Лысянкѣ видны остатки вала, укрѣплявшаго нѣкогда домъ князей Яблоновскихъ, и существуетъ донынѣ католическая церковь, въ которой въ 1750 году гайдамаки совершили столько убійствъ. Въ лѣсахъ: *Черномъ*, *Чутъ*, *Лебединскомъ*, *Чернечомъ* и многихъ другихъ, поселяне покажутъ вамъ *могилы* и колодези, которыя были гробомъ жертвъ или убѣжищемъ мучителей. Мы видѣли сами два такія убѣжища, которые въ простонародномъ языкѣ называются *кутоловы*; это родъ огромнаго разрытаго кургана съ колодеземъ внутри и окопомъ вокругъ; середина всегда именуется *майда-*

¹ *Grod*, *городъ*, городъ, значитъ собственно *городокъ*, т. е. укрѣпленное мѣсто; но въ Польшѣ, это слово имѣло еще и переносный смыслъ; оно значило судъ, особенно уголовный и *мадебурню*.

номъ или площадью; къ колодцу ведутъ крытые пути, которыхъ только слѣды остались. Народъ убѣжденъ доселѣ, что гайдамаки были люди не простые, имѣли сношенія съ духами адскими, могли сдѣлаться невредимыми и погибали только тогда, когда время дозволенное имъ по контракту съ дьяволомъ, которому гайдамакъ продалъ свою душу, проходило и должно было квитаться съ искусителемъ.

Наконецъ, вотъ единственная пѣсня, сообщенная мнѣ однимъ старикомъ *лирникомъ*, т. е. бандуристомъ с. Добрянки, на р. Синюхѣ, говорящая о гайдамакахъ и Уманскомъ мятежѣ:

УМАНСКАЯ РЪЗНЯ.

«Свиснувъ витерь, свиснувъ,
Загула¹ холодна хвортуна;
Словце Максимъ пыснувъ —
Зибралась дружина.

Дви тысячи бурлакъ,
Лепнули² на Вкраину Польску,
Рушили они изъ байракъ,
Даты Ляхамъ хлосту.

Ой годижь намъ козаченки,
Рыбу по Днипру и Богови ловыты,

¹ Загула, загудѣла; ² лепнули, улетѣли.

Сидайте въ човныки бурлаченьки
Та пидемъ Жидову́ и Ляха палыты¹.

Зибравъ Максимъ, зибравъ бурлакъ,
И всю Вкраину взбунтовавъ;
Тысячу сѣромахъ, тысячу гайдамакъ,
Въ ватагу свою звербувавъ.

— «Эй батьки, начальники,
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше житье мине
И насъ визьмутъ зъ вами». —

— «Не тужите мои диты,
Не журитесь² быстрые орлынята,
Ще дамо мы Уманеви крови пыты,
Ще дадутъ намъ горилки Ляхи и Жидынята». —

— «Охъ батьку Максиме просты
Мый забулы що съ тобою;
Кажи, вели, куды ййти,
А мы хоть въ пекло³ съ тобою!

— «Ой, полковнику Железняку!
Ходимъ-же мы палыты,

¹ Палыть, жечь; ² журиться, тосковать, тужить; ³ пекло, съ Польск. адъ.

Кого спершу начнемъ быты,
А кого будемъ полониты». —

«Ляхивъ будемъ быты,
А Жидивъ шаблями христыты,
Ляшина превража дытына,
А Жидовинъ зайцеви дружина.

«Изъ Жидомъ усе втпешь¹,
Куды треба той пошлешъ,
А не хоче то и обдерешъ,
А въ вражаго Ляха того не вжуешъ». —

— «Охъ Максиме Железняку!
Ходимо въ Смилу Ляхивъ гафтоваты²
А писля той пожывы
Пидемъ Умань штурмоваты». —

— «Ой ходимо диты Умань штурмоваты
И свою братцьку кровь видь католыка видбиваты.

«Ой братци годиночка дорога
Требажъ намъ начинаты
Отъ Нухима до Бороха,
Всимъ головы счипаты!» —

¹ *Втпешь*, буквально *срубить*, а здѣсь *успѣшь*; ² *гафтовать*, *вышивать*.

Въ Умань вже мы пишли,
 Тай начали штурмоваты,
 Тамъ багато панывъ найшли
 Тай давай имъ нижки розправляты.

Теперичка Ляхи щось починають
 Кондирацію¹ и панкивъ соби збирають;
 Ходимо до Потоцкаго мосци²,
 До его графской вельможосци.

Що тылько тамъ у ёго найдемо,
 То все у ёго визьмемо.
 Ой пишовъ Железнякъ до ворить
 Тай здыбавъ три кòпы³ клопить.

Ой пишовъ Швачка голкою шиты,
 Ляхивъ, Жидивъ по Умани лупыты;
 А нашъ Неживый цокоче⁴,
 Ажь Умань зубами скрыгоче.

А Журба ходячи зажурывся
 Що головко-бидна Умань загорився;
 Та въ бандуру мицно⁵ грае
 Себе козака письнею розважае⁶.

¹ Кондирація, конфедерація; ² мосци, съ Польск. mości, его милости; ³ копà, шістьдесятъ; ⁴ цокотать, болтать; ⁵ мицно крѣпко; ⁶ розважатъ, буквально, разсуждать.

А нашъ сотникъ Гонта папиръ¹ отъ Царьцы давъ
Тай давши намъ, всимъ въ голосъ сказавъ :
— «Що Царыця Кошевому звила такъ служиты,
Щобъ иты въ Польшу Жидову и Ляха палыты.

«И Жидамъ и Ляхамъ ратунку² неробыты,
А всехъ Жидовъ та Ляхивъ колоты та палыты ;
А добро ихъ и пожитки межъ нами дилиты». —

Тилько сотникъ Мотылица
Ни къ чорту-баткови не годитця,
Мабудь онъ хотивъ змылиты³
И на насъ зализны цяцьки надиты.

— «Знай кобыло де брикаты
А тутъ тоби вже не фицяты⁴
О такъ сотнику Мотылиця
Такъ робыты не годытця».

Каже ему Швачка и Железнякъ :
«Ты хотивъ насъ въ шоры убраты
Теперь-же тоби свита не выдаты». —

— «Слухай Максимè, Швачко и Неживый
Бодай-же кинецъ вашъ бувъ нудный⁵, та гирькій!»

¹ Папиръ, бумага; ² ратунокъ, съ Польскаго помощь; ³ змылиты, съ Польск. обмануть; ⁴ брыкаты и фицяты, говорится о лошадяхъ, когда они бьютъ ногами. ⁵ нудный, тошный.

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,
Покотылася Иванова¹ на землю голова.

Умань до килка спалыли,
Жидовъ и Ляхивъ до ноги² побыли;
А сами кони посидлалы,
Тай за Богъ и Синюху влупылы.

Буде Смила, Чигринъ насъ знаты,
Колы булы мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятаты,
Якъ бувъ въ нашихъ пазурахъ³.

Отъ души желаемъ, чтобы знатоки Украинскихъ древностей сказали намъ: народная-ли это пѣснь, или произведеніе какогонибудь Малоросійскаго поэта, какъ это водится теперь — къ отчаянію археологовъ Днѣпровскихъ и за-Днѣпровскихъ.

¹ *Ивана*, вѣрно *Мотылицы*; ² *до килка*, до послѣдней щепки, *до ноги*, польская фраза, значить до полѣдняго; ³ *пазуры*, съ Польск. когти.

ИРМЛОЖЕНІЯ.

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

№ 1.

Легенда о козакъ Мамаѣ.

Я думаю, многіе изъ читателей нашихъ видали одну довольно грубой работы картину, изображающую Запорожца въ красной курткѣ, съ огромными усами, обритою головою и длиннымъ *оселедцемъ*, сидящаго въ лѣсу и играющаго на *торбанѣ*. Близъ этого героя, подъ деревомъ стоитъ его вѣрная пика, мушкетъ и виситъ *чересъ* съ патронами. Вдали на деревѣ живописно качается повѣшенный козакъ, съ отрубленными ногами и руками, т. е. изображеніе участи, которая ожидала въ Польшѣ всякаго добраго ватажка. Многократно старался я узнать и у простаго и у просвѣщеннаго народа, значеніе этого Украинскаго мифа, и почти всѣ легенды сходны съ собою. Всѣ увѣряютъ, что это портретъ козака-гайдамака *Мамаѣ*, наказаннаго въ XVI или XVII сто-

лѣтїи, за особенное искусство присвоивать себѣ *Лядское и Жидовское добро*. Поляки распространили вездѣ эту картину для устрашенія другихъ, Мамаю подобныхъ богатырей. Но вѣроятно это зрѣлище не слишкомъ пугало «пановъ молодцевъ», когда они Мамаю дали торбанъ въ руки и когда на всѣхъ видѣнныхъ мною изображеніяхъ Мамая, встрѣчаются слѣдующія здѣсь стихи, показывающіе больше хвастовство, нежели смиреніе гайдамакъ:

«Хочь дывись на мене, хочь не дывись, не вгадаешь:
 Видкиль родомъ и якъ зовуть, ни чичиркъ не знаешь.
 Колю трапылось кому въ степахъ буваты,
 То той може произвище мое вгадаты.
 Бо умене имя не одно, а есть ихъ до ката;
 Такъ зовуть, якъ набижишь на якого свата,
 Жилъ зъ биды за риднаго батька почитае,
 А Ляхъ «милостивымъ добродіемъ» называе;
 А ты якъ хочь назовы, на все позволяю,
 А быбъ льшь не крамаремъ, бо за те полаю.
 Теперь бачу беда, що отцуралась отъ мене ридня,
 Не бійсь, якъ бувъ богатъ, то называлы и «нашъ братъ».
 А теперь якъ ни чого не мае,
 То ни хто мене и не знае.
 Нехай лишъ розживетъ голота, тай загуляе,
 Тоди до смутку роду буде, всякъ пизнае;
 И всякъ сѣ може скаже: що я зъ рыбы родомъ, —
 Нигъ-бо, съ пугача дидъ мой плодомъ».

«1642 г. Мая 5»¹.

¹ Что значитъ эта дата? рѣшить не умѣемъ.

№ 2.

Молитва Евреевъ, въ память убіенныхъ гайдамаками въ Немировъ и Баръ ихъ братій.

1647.

Говоря о побіеніи Евреевъ гайдамаками, мы долгомъ сочли присовокупить здѣсь еще одно обстоятельство. Несчастные Евреи уже не разъ испытывали подобное пораженіе и подвергались не разъ подобнымъ безчеловѣчнымъ жестокостямъ. Всѣмъ извѣстны тиранства и мученія, которымъ предавали ихъ козаки въ XVII столѣтіи, въ самомъ разгарѣ войны ихъ съ Польшею, за независимость Украины. *Останъ Павлюкъ, Морозенко, Кривоносъ, Нечай и Пульянъ*, рыцаря Запорожскіе (въ 1640 годахъ), цѣлыя тысячи жертвъ, предали смерти и пыткамъ въ пылу ненависти своей къ Полякамъ, Уніятамъ «и всякой нехристи». Въ Барѣ (Подол. губ.) погибло ихъ до 15,000, въ Немировѣ столько-же, безъ различія возраста, пола и состоянія. Младенцы и взрослые, нищие и богатые, старцы и женщины — все было обречено смерти. Памятникомъ этихъ кровавыхъ событій остались молитвы, до сихъ поръ произносимыя въ Синагогахъ. 20-ое число мѣсяца Сивонъ ($\frac{17}{29}$ Мая), Евреи проводятъ въ строгомъ постѣ,

постъ помилованія, въ память убіенія козаками Немировскаго раввина *Эхіеля Михеля*, замученнаго съ многими тысячами Жидовъ въ 5408 (1647) году. Въ этотъ день во всѣхъ молитвенныхъ своихъ домахъ, Евреи съ воплемъ и завываніями, поютъ гимнъ на сей случай сочиненный въ XVII столѣтіи, котораго содержаніе слѣдующее: ¹.

« Молитва за усопшихъ ».

« Господи всемилосердный, сущій въ небесахъ! пріими души мучениковъ, дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти! Это души праведныхъ, учителей и пастырей твоего избраннаго народа.

« И вотъ они теперь закланы какъ стадо звѣрей безсловесныхъ; орда проклятыхъ нападаетъ на нихъ, завладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ испить всю чашу злополучія.

« Сердца наши раздрались отъ горести, узнавъ, что въ эти несчастные дни, въ эти злопамятныя ночи, погибли отъ меча убійць величайшіе изъ нашихъ книжниковъ, толкователей священнаго закона.

« Тѣ, которые день и ночь изучали священный завѣтъ твой, пролили ручьи своей крови; множество учащагося юношества и дѣтей пало отъ

¹ Она доставлена намъ г. Іоахимомъ *Гарнополемъ*, бывшимъ питомцемъ Од. Еврейскаго училища, переведшимъ оную по Французски, съ древняго Еврейскаго языка.

ударовъ истребителей. Ихъ стяжанія сдѣлались добычею пламени.

«Глава учителей (раввиновъ), мудрый *Эхїель* палъ, простирая руки свои съ молитвою къ единому Богу; мечъ поразилъ главу его и его праведная душа отлетѣла къ Всевышнему.

«Преклонные лѣтами старцы, младенцы у груди матерей своихъ, напрасными воплями наполняли воздухъ.

«Господь отмститъ за неправду! Священная книга (Библия), Божественный законъ, осквернены руками нечестивыхъ; о нѣтъ! они попраны ихъ ногами!

— «Гдѣ вашъ Богъ? — говорили эти варвары, эти страшилища, — «пусть защититъ онъ васъ». О Господи! взгляни на насъ горѣ и всѣ нечестивые разсѣются и падутъ какъ плевела изъ колосьевъ.

«О заповѣди! о Святой Завѣтъ! (Библия) прикройте рубищемъ¹ посыпте главу вашу пепломъ! Кто теперь будетъ читать васъ, кто васъ истолкуетъ намъ?

«Излей Милосердный Отче, твои милости на этихъ мучениковъ, да пріютятся они подъ сѣнію твоихъ крыльевъ и да наслаждаются миромъ, хотя послѣ смерти!»

«Аминь».

¹ Здѣсь намекается на древній обычай Евреевъ, въ горести или троурѣ, надѣвать на себя родъ мѣшка и посыпать голову свою пепломъ.

№ 5.

Другая Еврейская молитва о томъ-же предметъ¹.

1648.

«Господи милосердный! сущій въ небесахъ, успокой души мучениковъ Немирова, Бердичева, Погребищъ, Тульчина, Пулинъ, Бара, Умани, Краснаго и 300 другихъ городовъ Руси (Чермной), Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учителя (равви), писатели, просвѣщенные служители Божества, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію закона. Раввины: *Эхіель Михель*, сынъ *Эліазара*, *Хаимъ*, сынъ *Авраама*, *Соломонъ*, сынъ *Самуила*, *Исаакъ* и *Элезаръ*, сыновья *Экизіеля*, *Азріель*, сынъ *Якова*, *Моисей*, сынъ *Іонаина*, а также раввины *Лазаръ*, *Яковъ*, *Самсонъ* и другіе благородные мужи погибли! Мужчины, жены, дѣвицы, младенцы, всѣ были умерщвлены. Ихъ кровь текла ручьями въ этомъ злосчастномъ 5,409 (1648 отъ Р. Х.) году. Эти мученники не хотѣли измѣнить своему закону: «Богъ есть единъ!» восклицали они и пали подъ ножами убійць. Разбойники не пощадили ни пола, ни возраста, земля

¹ Доставленная мнѣ изъ Чермной Руси.

была усѣяна убіенными; ихъ кровь дымилась какъ
фиміамъ предъ олтаремъ Всемогущаго!

« О господи милосердый! упокой души му-
чениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя
добродѣтели! »

№ 4.

Народныя пѣсни о Савкѣ Чаломѣ¹.

1734 — 1743.

а). У К Р А И Н С К А Я.

Ой бувъ у Січи старый козакъ
Прозваніемъ Чалый,
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

Ой не схотивъ та панъ Сава
Козакамъ служити:
Винъ пишовъ до Ляшинькѣвъ,
Славы залучити.

Винъ пійшовъ до Ляшинькѣвъ
Службы відправляты,

¹ Изъ «Запорожской старины». Часть I. 1833 г., стр. 60
и др.

И зъ Ляхами православну
Церковь руйноваты.

Ой бувъ Сава, та ївъ сало
Та все паляници;
Не кохавъ Сава молодыхъ дівчатъ,
Та все молодиці.

Не кохавъ Сава панывъ козаківъ
Та все католики.
Загубивъ Сава, протесавъ Сава,
Свою виру на віки.

Отъ и зибралися Запорожци,
Вси у Раду схожали;
За походы, туды-сюды
Про мижъ себе рахували.

Усі прійшли, усі прійшли;
Одного нема.
— Ой чемъ-же тебе, батьку Чалый,
У ради нема? —

— Ой, чёгожъ та миві, Панове,
У Раду ходити?
Що хочете мого сына Саву
На вики згубити.

Хочь винь ставь соби до Ляхівъ,
 Та вжежь сынку милый,
 Чёмъ ты ставь, та до насъ
 Такій ставь спесивый? —

✦

— Ой спесивый, не спесивый —
 Паны кажутъ — Сава;
 Та не д бра, зуривочна
 Стала его слава.

✦

Що не тилько що пань Сава
 Церковь та руйнуе:
 И зъ бисами ставь за право,
 Барзо знахоруе.

✦

Якъ на то обизвется Голый,
 Каже: — « добре знаю;
 Я того пана Саву,
 У руки піймаю ».

✦

Отъ и стали та Панове,
 Раду розсучили;
 Коней посидлали,
 Въ походъ выступили.

✦

Ой пье Сава въ Немирови
 Въ Ляхивъ на обиди,

Та и не думає и не видає
О своїй горькоїи биди.

Ой пье Сава и гуляє,
Ляхомъ вырубаетъ ;
А до его що до Савы
Гонецъ прійзжає.

— А що ты тутъ, Хомку ?
Чи все гараздъ дома ? —
— Протоптана, Пане, стежка
До вашого дворка.

Та все гараздъ, та все гараздъ,
Усе хорошенько :
Споглядають гайдамаки
Зъ загоры частенько. —

— Отъ-то лихо ! виглядають !
Яжъ ихъ не боюся.
Хибажъ нема въ мене війска ?
Я не забарюся.

Подай хлопку, подай Хомку,
Свого вороного ;
Соби сидлай, соби чухраї
Старого гнидого. —

Поихавъ Сава зъ Немирова
 На воронымъ коню;
 А пріихавши, гадае
 Та про свою долю.

— Ой, ты-жъ, долё — каже Сава —
 Щербатая долё! —
 Пытаешься челядоньки:
 — Чи все гараздъ дома? —

— Гараздъ, гараздъ, Пане Саво,
 Ще лучше зъ тобою;
 Якъ тебе та побачимо,
 Та на воронимъ коню.

Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
 Усе хорошенько,
 Выглядають изъ за горы
 Козаки частенько. —

Ой сивъ Сава въ конци стола,
 Все листоньки пише;
 А Савиха молодая
 Дитину колыше.

Сава листы пише,
 Сава думку дбае.

Отъ вже Сава, та панъ Сава
Гадку замышляе.

— Та пійди, хлопку, до пивниці
Та вточи горилки.
Нехай-же мы напьемся
За здоровье жинки.

Та пійди, хлопку, до пивниці,
Тай уточи пива.
Нехай-же мы напьемся
За здоровье сына.

Та пійди, хлопку, до пивниці,
Тай уточи меду . . .
Чему-сь минн трудно, нудно . . .
Головки не звезду. —

Сидить Сава въ конци стола,
Все листы читае;
А Савиха молодая
Все думае, гадае.

Сидить Сава въ конци стола,
Хлопця вызывае;
А Савиха молодая
Плаче, та рыдае.

Тай не вспивъ-же хлопецъ
 Зъ стины ключи зняты ;
 Ставъ *Игнатъ Голый* съ кравчиною,
 Вороты ломаты.

Якъ видсуне та панъ Сава
 Виконце видъ рынку ;
 А вже тии гайдамаки
 Блукають по синку.

— Та здоровъ, здоровъ, пане Саво,
 Якъ ты себѣ маешь ?
 Що зъ далека гостей маешь
 Чимъ ихъ привитаешь ?

Ой чи медомъ, ой чі пивомъ,
 Чи горилкою ?
 Та прощайся-жъ съ своимъ сыномъ
 Та изъ жинкою. —

— Ой и чимъ мини васъ панове,
 Чимъ васъ привитати ?
 Даровавъ мини Господь сына,
 Буду въ кумы брати. —

— Ой мы не того до тебе прійшли,
 Щобъ въ тебе кумовати ;

А мы съ того до тебе прійшли,
Щобы тебе розсчитати.

Ой веди-жъ насъ, Пане Саво,
У нову комору;
Та отдавай намъ пане Саво,
Козацькую зброю.

Та отдавай намъ, пане Саво,
Сукни, едамашки,
Шо ты наживъ, вражій сыну,
Съ козацкои ласки.

Ой мы не того до тебе прійшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы съ того до тебе прійшли,
Що-бъ головку изняти.

Ой було-бъ тобі, пане Саво,
Гардъ не руйновати,
Коли ты хотивъ Запорожцивъ
Въ кумы соби брати. —

Ой кинувсь та панъ Сава
За свою ясную зброю;
Та пидняли три гайдамаки
На три списы въ гору.

Шатається, мотається,
Изъ жинкою прощається;

— «Ой, и дайте-жъ мини Панове,
Изъ жинкою попрощатися;
— «Ой и дайтежъ мини, Панове,
Изъ силою собратися». —

Ой не вспивъ-же та панъ Сава
На коника впасти:
У кайданы заковали,
Стали на визъ класти.

— «Ой, Панове Запорожцы,
Хиба-жъ то вамъ слава,
Що въ кайданы та залитый
Лежить у васъ Сава?

«Якъ-бы вы его объ волю,
Зъ кайданивъ пустили,
Славу-бъ соби найбильшую,
Отъ симъ залучили.

«Якъ-бы вы его объ волю
Мижъ себе приняли;
Славу-бъ соби наибольшую,
Отъ симъ даровали».

Шатається, мотається,
 Изъ жинкою прощається,
 На вси четыре стороны
 Панамъ покланяється.

Ой и дали волю Сави
 Въ походъ выступали,
 Га богатырю Сави
 Барзо дьяковали.

Що не вспивъ-же та панъ Сава
 Свого коника стрясти,
 Тай ставъ Ляхивъ, тай ставъ Ляхивъ,
 Якъ снопики класти.

Ой не вспивъ-же та панъ Сава
 На коника систи;
 Було Ляхивъ сорокъ тысячъ —
 Зосталося двисти.

Ой якъ гляне та панъ Сава,
 На правую руку:
 — Ой вискочи, коню, коню
 Та зъ Ляшського трупю! —

Ой якъ гляне та пань Сава
 На правое плече, —
 Позадъ его, попередъ его,
 Кровавая ричка тече.

Примѣчаніе. Четыре послѣдніе куплеты явно взяты изъ пѣсни о Морозенкѣ или о Нечаѣ.

6). ЧЕРВОНОРУССКАЯ¹.

«Бувъ пань Сава въ Немировѣ въ пана на обиди,
 Ой ще не знавъ тай не чувавъ о стоей тяжкой биди :
 Сидлай хлопче коня мого, соби вороного
 Поидемо до домоньку, бо ту насъ не много.
 Стоитъ явиръ надъ водою, верхомъ похилывся :
 Иде Сава до домоньку чогось зажурывся ;
 Ой пріихавъ до домоньку, тай скрипнувъ дверима,
 Пытаеся челядонки : «що чуваты въ дома».
 — «Гораздъ, гораздъ, паве Саво, щаслыва годына,
 Твоя жинка, наша пани породыла сына» —
 Гей сивъ Сава въ конецъ стола, тяженько думае
 А Савыха молоденька дытыну купае :
 — «Пиды хлопче до пивныцы наточи горилки
 Най ся напью за здоровле хорошей жинки ;
 Пиды хлопче до пивницы наточи ми вина,
 Най ся напью за здоровле молодого сына ;
 Пиды хлопче до пивныцы наточи ми меду ,

¹ Изъ книги: *Pieśni Polskie i Ruskie ludu Gallicyjskiego id.* (пѣсни Чермной Руси) изд. Карломъ Лупинскимъ въ Львовѣ 1833, стр. 502.

Щось ми тяжко, щось ми нудно, головки не звезду. —
Гей сивъ Сава въ конецъ стола, дрибны листы пыше,
А Савыха молоденька дитыну колыше:

«Люляйже, люляй, люляй вродливый сыночку!

«Найся лягну, най спочину, зложу головочку».

Гей ще хлопець не поспишивъ по медъ до пивныци,
Обступыли козаченьки до кола свитлыци;

Не вспивъ хлопець ся вернуты съ пивныци до хаты,
Прихалы козаченьки Саву рабоваты.

«Помагай Богъ! Пане Саво, горьздъ намъ ся маешь?

Седышь соби въ свитлычоньци, выно попываєшь;

Челомъ, челомъ пане Саво, горьздъ намъ ся маешь,

Далекіи гости маешь, чимъ же ихъ пріймаешь?»

— «Пріймавбы васъ виномъ, медомъ, не будете пыты,

Певно (вѣрно) вы ся козаченьки прихали быты....»

Гей пирвався та панъ Сава до своей зброи

«Почкай, почкай пане Саво, то не въ чистомъ поли!»

Гей пирвався та панъ Сава до яснаго меча;

Взялы его на три списы видъ праваго плеча.

Втымъ Савыха молоденька безъ викно втикала

Зъ чистыхъ устокъ на словонько кухарци виддала:

«Ой кухарко вирна слуго, подай ми дитыну,

Будешь доси пановаты, доки я не згину». —

— «А дежь твой пане Саво, сукни (платья) гайдамацки,

Щось въ нихъ ходывъ по Вкраини, водячи затыжки?

А дежь твой пане Саво, битые тадары,

Щось ихъ набравъ, по Вкраини, волячи ватаги?

А дежь твой пане Саво китайки, атласы,

Щось ихъ набравъ, по Вкраини, жинци на поясы?

А дежь твой пане Саво коштовны (дорогіе) дамашки,

Щось ихъ набравъ, по Вкраини, жинци на запаски?

А дежь твоя пане Саво великая зброя?

Озьде висить на килочку але вже не твоя!» —

Гей вдарывся та панъ Сава по полахъ рукою

Пришложъ мини погібаты зъ дитыми и женою;

Гей вдарывся та панъ Сава по полахъ руками,

Оглянься назадъ себе, тече кровь риками.

«Годи, годи пане Саво, годи воєваты,

Ой не було пане Саво, церковь рабоваты!»!
 Зашумила шабелечка якъ зъ лиса притинка,
 Ни зисталася по Сави, но молодая жинка.
 Гей бачили многи люде Украинску совочку,
 Що принесла пану Сави смертельну сорочку;
 Прилетили къ пану Сави Украински вороны,
 Задзвонили пану Сави разомъ во вси дзвоны! ¹

№ 5.

«LAUDUM BONI ORDINIS», т. е. мѣры принятыя дворянствомъ Брацлавскаго воеводства противу гайдамакъ и къ учрежденію помѣщичьихъ милицій.

1750.

«Laudum boni ordinis» воеводства Брацлавскаго 17 Сентября 1750 года: «Мы члены палатъ (депутаты и сенаторы), государственные сановники, чиновники земскіе, градскіе (полицейскіе) и все рыцарство (дворянство) воеводства Брацлавскаго, возблагодаривъ Бога всемогущаго, за то, что намъ, въ столь злополучное время, по причинѣ разореній чинимыхъ въ краѣ нашемъ гайдамаками, позволилъ безопасно собраться и согласно, *in publico*, избрать высокородныхъ господъ депутатовъ

¹ Для Украинскихъ археологовъ весьма любопытно будетъ сравнить обѣ пѣсни, одну поютъ у насъ, а другую на Чермной Руси, отъ того въ сей послѣдней много словъ и оборотовъ Польскихъ.

главнаго короннаго трибунала, для представленія Королю Его Милости, примасу, великому гетману и др. что воеводство наше Брацлавское *in confinio* Россійской, Татарской и Волосской границъ лежащее, представляетъ теперь изъ себя печальный опытъ, что среди всеобщаго мира, *beata tranquillitate sua gaudere* не можетъ, ибо своевольныя заграничныя, (т. е. Запорожскія) ватаги, уже не *furtivo transitu*, по большими дорогами *violente et aperte Marte, dimicando*, на земли воеводства нашего, *tumultuariè* наѣзды дѣлають. Ихъ неукротимое неистовство — стремясь *in depopulationem* нашего края, *in praedium et favillam* городовъ, сель, замковъ и дворовъ помещичьихъ, монастырей и храмовъ *utriusque ritus*, къ жестокому избіенію людей *utriusque sexus*, свѣтскаго и духовнаго чина, которыхъ кровь невинно пролита вопіетъ о мщеніи: — свидѣтельствуеть, что онѣ о конечномъ истребленіи нашемъ помышляють. Обращая вниманіе на это несчастное угнѣтеніе страны нашей, наѣздами своевольныхъ гайдамакъ нѣсколько уже лѣтъ продолжающееся, такъ что не только въ домахъ нашихъ безопасно пребывать, но даже государственной службы исполнять не можемъ, не говоря уже о безпрестанно угрожающей намъ потери имѣній, здоровья и жизни; зная также что всякій имѣеть природное право думать о своей защитѣ, — мы пожелали *ad* погтамъ другихъ коронныхъ воеводствъ, учредить у себя свою внутреннюю милицію. Въ слѣд-

ствіе сего, со всеобщаго всѣхъ насъ согласія, на защиту воеводства нашего опредѣлили и полагаемъ: учредить *ландмилицію* (земское войско), обязываясь *omne boni publici*, со всѣхъ имѣній нашихъ, королевскихъ (староствъ), земскихъ, дворянскихъ и духовныхъ, въ воеводствѣ нашемъ находящихся, со всякихъ 120 избъ: осѣдлыхъ, тяглыхъ или пѣшихъ, крестьянскихъ, свободныхъ (*gracialskich*), и чиншевыхъ (оброчныхъ), и Филипонскихъ (русскихъ раскольниковъ)¹, съ тою только разницею, что одна изъ раскольничьихъ избъ за 2 простыхъ считается будетъ, — давать по одному солдату изъ людей знающихъ уже военную службу, хорошаго поведенія, здоровыхъ и къ службѣ годныхъ. Мундиръ онаго долженъ быть: *катанка*, (т. е. сюртучокъ) и шаравары зеленаго или травянаго цвѣта, на доброй лошади не менѣе 100 зл. стоящей, съ хорошимъ кожанымъ сѣдломъ, съ ружьемъ, пикою, бердышемъ, съ запасомъ пуль и пороху на всю кампанію. «Милиція ежегодно 2 Апрѣля должна была собираться для службы». Она подлежала военному суду своихъ ротмистровъ, или отрядныхъ командировъ; сіи послѣдніе обязывались содержать на свой счетъ другихъ офицеровъ т. е. поручиковъ и хорунжихъ и сдѣлать знамя съ гербомъ

¹ *Филипсонами* и прежде и теперь называютъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, раскольниковъ, поселившихся тамъ при Петрѣ Великомъ и при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1750 годахъ часть ихъ перешла въ Новую Сербію и поселилась близъ Елисаветграда.

воеводства. Фуражъ и провіантъ доставлялся отъ земства по опредѣленной пропорціи. Главнымъ командиромъ всей ландмилиціи избранъ князь *Михаилъ Святополкъ-Четвертинскій*, подкоморій Брацлавскій.

№ 6.

*Молитва Евреевъ сочиненная въ воспоминаніе Графа Браницкаго*¹,

1750 или 1768.

«Боже милосердный! Воззри свыше на безчисленныя павшія здѣсь жертвы; такова была твоя всемогущая воля и мы не должны роптать на нее. Большая часть братьевъ нашихъ истреблена; таже участь ожидала жителей Бродъ и другихъ городовъ, еслибъ ты въ своемъ милосердіи, не послалъ для нашего спасенія мужа храбраго и благочестиваго, великодушнаго Браницкаго. Этотъ мужъ превыше всѣхъ похвалъ, мужъ искавшій возмездія въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, поправилъ и уничтожилъ нашего тирана (Гонту? Железняка или Харька?) и спасъ злополучный народъ!

¹ Евреи не знаютъ которому Браницкому принадлежитъ эта честь, первому-ли, т. е. І. Клеменсу, или гетману Ксаверію Браницкому, отцу Графини Воронцовой, жившему въ 1768 году и упомянутому въ рассказѣ нашемъ.

«Господи! пошли ему успѣхъ во всѣхъ его начинаніяхъ, благослови его дѣтей и внуковъ, простри на весь родъ его свою благодѣтельную десницу и да будетъ миръ и согласіе между его народомъ и сынами Израиля!»!

№ 7.

Распоряженія Коша Запорожскаго противу гайдамакъ.

а). 1756 (отрывокъ)¹.

.... «Какъ Кошевой атаманъ Григорій Федоровъ въ искорененіи шатающихся въ положеніи Сѣчевомъ гайдамакъ (т. е. принадлежащихъ къ войску), прилѣжное стараніе имѣлъ, то гайдамаки (числомъ 40 чел.) написали отъ себя до него Кошеваго Федорова зъ старшиною и атаманами Сѣчевыми, просительное письмо, чтобы ихъ принять въ Сѣчь, и зъ выраженіемъ въ томъ письмѣ и сего: «когда де приняты не будутъ, то они могутъ разойтись въ чужіе края. Оныже де впредь станутъ жить постоянно, въ чемъ и присягти

¹ Взято изъ объясненій Кошеваго, по случаю взведенныхъ на него въ Малороссійской войсковой канцеляріи обвиненій, что онъ гайдамакъ собиралъ, ихъ уговаривалъ и отъ нихъ деньги получалъ. *Ист. Нов. Сѣчи*, изд. 1841, стр. 238.

имѣютъ. А отъ когобъ могли бытъ до нихъ претензіи, обовязали себе тѣхъ довольствоватъ». По якому письму, въ разсужденіи того ихъ гайдамакъ показанія: что они въ чужіе краи разойдутся, и не приключилибъ тѣмъ войску Запорожскому знатной, въ отчаяніи душъ своихъ и злобства притчины (вреда), полагаясь на доброе ихъ обѣщаніе, а паче на милостивые вышедшіе и публикованные указы о выходѣ всѣмъ Россійскимъ поданнымъ въ отечество, гдѣбъ ни были и что всѣ ихъ вины прощены будутъ; ¹ — въ сходкѣ его Кошеваго и всѣхъ старшинъ, куренныхъ атамановъ, такожь и всего товариства, усогласовали ихъ принять и къ присягѣ привести. А потому, ѣздили къ онымъ гайдамакамъ, которые тогда находились за границею Турецкою, возлѣ рѣчки Громоклеи (Бобринецкаго уѣзда), четыре атаманы: Каневскій, *Матвей Шкурай*, Левушковскій *Затковскій*, Минскій *Ядутъ* и Ирклеевскій *Андрей Косанъ*, съ напоминаніемъ имъ гайдамакамъ, чтобы они въ чужую сторону отнюдъ не выходили. И за тѣмъ напоминаніемъ тѣ гайдамаки съ оними атаманами въ Сѣчь приѣхавши, каждый въ свой курень явился, и послѣ того, по ихъ какъ выше значить обовязательству и общемужь согласію, тогда бывшимъ Сѣчевыхъ церквей начальникомъ *Феодоритомъ Рудкевичемъ*, въ церквѣ, по обыкновенію, о

¹ Онъ говоритъ о Высочайшихъ милостивыхъ манифестахъ 1734 г., Марта 16; и 1755 г., Сентября 4.

постоянномъ (добропорядочномъ) ихъ впередъ житіи, приведены къ присягѣ. А до него атамана Кошеваго, ни единъ зъ тѣхъ гайдамакъ не являлся, якожь они его опасались. А по присягѣ, зъ атаманами куренными нѣкоторые явились у него Кошеваго съ прошеніями объ отдачѣ имъ для прожитія свободнаго, въ добромъ себѣ содержаніи, письменныхъ свидѣтельствъ; и отъ него Кошеваго по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по порукамъ атамановъ, о ихъ постоянномъ впередъ житіи, нѣкоторымъ таковыя свидѣтельства и даны и пр.».

в). 1758.

Инструкція изъ Коша Е. И. В. войска Запорожскаго Низоваго определеннымъ: пану полковнику Дмитру Стягайлу, писарю Якову Дону, асаулу Харьку Ведеркѣ и всей двухъ-сотной при нихъ въ Гарду командѣ.

« Понеже войско Запорожское Низовое чрезъ единыхъ умножившихся бродягъ, вчиненными ими сосѣдственнымъ заграничнымъ людямъ: грабительствомъ, воровствомъ и смертоубійствомъ, такъ весьма въ великое безславіе и вокружность платежа, разореніемъ прійшло, что безъ нужды и до нынѣ не оставалось; — пачежь приведя во исполненіе, въ силѣ Монаршихъ указовъ, высокія веле-

нія довольно въ Кошъ насланныя, — опредѣлено въ Кошѣ войска Запорожскаго Низоваго, ко все-крайнѣйшему ихъ воровъ злого намѣренія истребленію, поставитъ въ пристойномъ мѣстѣ при Бугу рѣкѣ двусотную команду, выбравъ съ cadaго куреня на то по 5 человекъ добросовѣстныхъ. Якое число уже и выбралось, надъ которымъ васъ командиромъ и зъ старшиною для управленія и порядковъ надобныхъ, кои къ вамъ въ наставленіе данны, учреждаетесь,..... и будучи въ той должности съ командою, поступать по ниже написаннымъ пунктамъ неотмѣнно.

1.

«Принявъ вамъ сію инструкцію, имѣете слѣдовать съ имѣющеюся при васъ двусотною командою прямо въ Гардъ и распредѣля оную на нѣсколько *чатей*, отправить до показаннаго мѣста порознь.

2.

«Прибывши туда въ Гардъ, расположась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде до сего бывшіе полковники стояли лагерами, учинить всей будучей при васъ командѣ перепись, выкликаая cadaго куреня опредѣленныхъ атамановъ, и буди съ какого куреня, полного числа козаковъ не явится, заразъ прислать вѣдомость, — почему тотчасъ пошлются.

3.

«Кромѣ васъ, тамо въ Гарду и вездѣ близъ команды вашей бадаться торговыми промыслами а особливо шинкарствомъ, козаковъ и другихъ людей не допускать и во вся имъ тамъ отнюдъ не быть, а для пропитанія добычь имѣть командѣ вашей, кто пожелаетъ, рыбную, въ рѣкѣ Бугу.

4.

«По зимовникамъ въ Ингульцѣ, и въ Великомъ Ингулѣ, козаціе зимовники всѣ объѣхать, и сколько въ какомъ зимовнику у хозяевъ служителей, и кто они по именамъ и прозваніямъ, такожь сколько чіего скота рогатаго и лошадей будетъ, имѣть на то все для надобности опись; и велѣть имъ отъ Коша годовые пашпорты имѣть.

5.

«Посылать часто вамъ, распредѣляя при добрыхъ приставахъ порознь пристойное число команды за ворами разѣзды, и ежели гдѣ проищутся, во взятіи оныхъ, кои бы могли оборонно удаляться, поступать такъ какъ съ непріателемъ, и все при нихъ будучее отбивать, а ихъ самыхъ переловливать и подъ карауломъ въ Кошь присылать при рапортахъ.

6.

«Довольствоваться вамъ полковнику зъ старшиною тѣмъ, ежели что самими вами у воровъ

ихъ собственное отбито будетъ, а что съ командою то на общество. А буди угнатыя какіе лошади, рогатой скоть, или вещи воровскія у нихъ же воровъ, изъ Татарскихъ или другихъ отъимутся, оное все до послѣдняго, присылать въ Кошь по описи при рапортѣ, для отдачи обидимой сторонѣ.

7.

«Ежели-бы о собраніи и зломъ намѣреніи воровскомъ, гдѣ они быть моглибъ и куда слѣдовать будутъ, увѣдаете, за таковыми съ немалымъ числомъ, командою секретно развѣдывая, за подлинно идти, прямясь за оными *тясьюмою*¹ хотя и въ далекое разстояніе на Днѣпрѣ, или они куда трактовалибъ, въ погонѣ, и ихъ собираемыя чаты разбивать и ловить, и къ тому ихъ злomu намѣренію отнюдъ не допускать, а что при нихъ будетъ отбивать-же. Будыжь во взятіи оныхъ по малосильству явится (препятствіе), тотъ часъ въ Кошь дать знать, для чего во спомоществованіе въ скорости пристойная команда отправлена къ вамъ будетъ. За границу, яко за Бугъ и Синюху, отнюдъ партіями вамъ не въѣздить и не входить.

8.

«Безпашпортныхъ и праздноживущихъ по Ингульцу и по прочимъ мѣстамъ, вездѣ пересма-

¹ *Тясма* отъ слова *тесма*, значить *слѣдъ* на степи отъ прохода Татарскихъ или гайдамацкихъ лошадей, слѣдственно и самыхъ Татарскихъ наѣздниковъ или гайдамакъ.

тривать и ловить, а по поимкѣ какъ воровъ допрашивать, и по допросѣ, буде сумнителенъ явится, прислать въ Кошь.

9.

«Буды кто безпашпортный или другій сумнительный каковой человекъ явится въ передерживаніи, либо что зъ вещей, и скота воровское у него проищется, такожь собственное свое за воровское мѣняль-бы, или куповаль; съ таковыми поступать какъ съ настоящими ворами и все при ихъ имущество и скоть арестовать и въ своемъ вѣдомѣ, до резолюціи, по описи содержать и о томъ въ Кошь давать знать.

10.

«Походной церквѣ Бугогардовой быть всегда съ священникомъ тамо, гдѣ лагеры ваши стоять будутъ, а не въ островѣ, а вамъ со всею командою, дьячка и пономаря ничемъ не обижать и за титора зъ добрыхъ человекъ себѣ обирать.

11.

«Быть вамъ тамо въ Гарду чрезъ все лѣто до осени, и на зиму со всею своею командою и походною Божіею церквою сойти въ Великій Ннгуль и тамъ сѣно на зиму заготовлять, и поступать во всемъ какъ и въ Гарду, и тамо живущимъ зимовниками угрожать и понуждать, чтобъ ни кого зъ воровъ и волочугъ не держали, а кто

держатиметь то карать не послабно, тѣмъ образомъ якъ и въ Самарѣ.

12.

«И сіе порученіе вамъ полковнику зъ старшиною и всею командою исправлять вѣрно и радительно, не чиня и малѣйшей ворами потачки и въ томъ ко всекрайнѣйшему искорененію неотмѣнное чинить исполненіе, опасаясь за неисправку и потачку за сыскомъ въ Кошъ, нашего войсковаго жесточайшаго штрафа и истязанія. Не въ порученное же дѣло отнюдь не вступать и безвинно добрыхъ и невинныхъ козаковъ, такожь и ватажанъ¹ съ хлѣбомъ, зъ рыбою и зъ горѣлкою идучимъ и мало не обижать, крѣпко того смотрѣть.

13.

«Атаманамъ отъ куреней опредѣленнымъ, со всѣми козаками, полковника и старшину должно почитать и во всемъ, что поручать слушаться, и команду воздерживать отъ всѣхъ худостей, дракъ, ссоръ и пьявства. И старшину отъ Коша на сходкѣ опредѣленную, ни за что самимъ и командѣ отставлятъ или обижать, хотя мало чемъ; а хто сіе начнетъ дѣлать, то за сыскомъ въ Кошъ, до смерти кіями битъ и у столба привязанъ, а худоба обообрана будутъ, да и куреню всему за

¹ *Ватаги*, обозы съ солью, рыбою и хлѣбомъ и др. водимыя чумаками, т. е. *ватажанами*.

него, изъ чьего то сдѣлается, вина и поруганіе учинятся.

14.

«Доходы прежніе полковнику и старшинѣ, яко то: скотные, шинковые и изъ рыбы самимъ получать, а командѣ не мѣшаться отнюдѣ и шинку никому не имѣть. Напротивъ чего и онъ полковникъ съ старшиною имѣють вестъ себя честно и постоянно, какъ чести его приличествуетъ и каждого мѣсяца нарочныхъ до Коша присылать о состояніи своемъ репортъ, — а по другимъ дѣламъ, когда надобность, тогда безъ откладки особливо присылать».

«Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ,
съ старшиною и товариствомъ».

Марта 9-го 1758.

с). 1759.

«Изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго, встѣмъ живущимъ въ Солоной, Базавлукъ и Саксагани козакамъ «Крѣпкій Приказъ».

«Понеже въ Кошѣ довольно извѣстно и частыя жалобы приносятся, что проклятые гайдамаки, идущую изъ Малой Россіи въ Запорожскую Сѣчь ватагу, начали опять обдирать и деньги

отнимаютъ и ватажанъ бьютъ и тѣмъ намъ частые хлопоты, а на ваши, по Малороссійской дорогѣ находящіеся, и на всѣ зимовники порокъ наносятъ. Для того отправленъ нынѣ отъ насъ къ вамъ войсковый пушкарь, и вамъ отъ всего Коша повелѣваемъ: начавъ отъ устья Солоной до вершинъ Базавлука и Саксаганѣ, съ cadaго зимовника, самому хозяину итти съ нимъ пушкаремъ въ партію и къ сыску и въ переловленіи таковыхъ пакосниковъ приложить такое прилежное стараніе, (какъ и прошлаго году, Базавлучане такихъ пакосниковъ переловили), и вы имѣете очищая свои зимовники, неотмѣнно причиняющихъ ватажанамъ пакости воровъ, словить, а въ случаѣ поступать съ ними (въ силѣ многихъ нашихъ приказовъ), такъ какъ съ неприятельми; особливо кто тѣхъ воровъ придерживетъ доискавсь, поступать съ ними такъ, какъ и зъ сущими ворами; а наипаче пристани таковыхъ воровъ доискиваться въ тамошнихъ шинкахъ и шинкарей допрашивать: не приѣздятъ ли къ нимъ таковыя не добрыя люди горѣлки пить? — (ибо то ихъ по шинкамъ первая пристань), — и кто таковыя пакости дѣлаетъ, шинкари могутъ знать. Партіи же отъ Коша съ нимъ пушкаремъ не послано за тѣмъ, дабы отъ оной не послѣдовало зимовникамъ вашимъ налоговъ, — но вы сами имѣете вышеписанныхъ шалостниковъ неотмѣнно искоренять и во всемъ поступать съ ними и съ передержа-

тельными такъ, какъ выше объявлено. Данъ въ Кошѣ 1759 году Сентября 29.

«Алексѣй Бѣлицкій Кошевой атаманъ съ старшиною и товариствомъ»¹.

№ 8.

Объявленіе о новоучрежденныхъ въ Польскомъ городѣ Умани ярмаркахъ и свободной въ немъ торговль².

1761.

«Въ Умани 1761 года 8 Апрѣля (по нашему счисленію 27 Марта), происходилъ церемоніаль торжественной закладки новаго города, на древнемъ его пепелищѣ, который по распоряженію замковаго начальства (Zwierzchności Zamkowej), былъ совершенъ слѣдующимъ Христіанскимъ порядкомъ.

«Сперва для извѣщенія народа о началѣ торжества, сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ при крѣпости имѣющихся, послѣ сего барабаннымъ боемъ и призывомъ трубъ и литавръ собраны были войска здѣшней милиціи (wojska prezydionalne), которыя стройными рядами въ замокъ

¹ Четвертый примѣръ см. ниже подъ № 13.

² Объявленіе это писано и напечатано по Польски и я счелъ нужнымъ сдѣлать самый подстрочный переводъ онаго.

прибыли. Отсюда все собраніе выступило въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первой линіи шла сотня стрѣлковъ при замкѣ постоянно находящихся, (litznie лизни); далѣе по-эскадронно маршировалъ козацій полкъ, имѣя впереди свои знамена, барабаны, трубы и литавры и всю свою старшину; за нимъ слѣдовалъ собственно гарнизонъ или пѣхота (дворянская), наконецъ, среди многочисленнаго стеченія собравшагося на это торжество народа слѣдовало мѣстное начальство, владѣльцы и арендаторы (possessorowie) сосѣднихъ имѣній, сюда приглашенные и духовенство utriusque ritus (католическое и православное) въ полномъ церковномъ облаченіи. Прибывъ на одинъ бастіонъ основывающейся крѣпости, войска выстроились въ боевой порядокъ, а духовенство обоеихъ вѣроисповѣданій, при многихъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ и громѣ военной музыки, отслуживъ приличное молебствіе, благословило мѣсто основанія бастіона, а послѣ 3-хъ другихъ и всей линіи заводимаго во кругъ города укрѣпленія и окропило ихъ святою водою. По окончаніи священнаго обряда, всѣ присутствующіе были приглашены въ замокъ, гдѣ было приготовлено для нихъ богатое угощеніе.

«Причиною столь великолѣпнаго торжества была истинная любовь къ отечеству и своимъ согражданамъ Е. С. *пана Франца Салезія*, на Кристинополѣ, Тартаковѣ, Струсовѣ, Могилевѣ, Брагиловѣ, Тульчинѣ, Умани, *Потоцкаго*, воеводы

и генерала земель Кіевскихъ, Рубѣшовскаго, Каломійскаго, Ропчицкаго, Яблоновскаго и др старосты. Онъ зная очень хорошо что Уманская вотчина, со всею здѣшнею околицею ему принадлежащая, находится на самой границѣ трехъ государствъ: Россійскаго, Турецкаго и Татарскаго, и по близости важнѣйшихъ дорогъ, съ этими странами соединенная, для торговли и слѣдственно для пользы здѣшняго народа весьма способна. Городъ Умань съ давнихъ уже временъ, своею торговлею, какъ въ Польшѣ, такъ и за границею былъ извѣстенъ, такъ что многіе географы называли его, одни столицею всей Украины, другіе преддверіемъ пограничнымъ. Онъ многими преимуществами, отъ Польскихъ монарховъ обогащенъ, — но всѣхъ такихъ выгодъ своихъ лишился со временемъ, какъ отъ внутреннихъ въ королевствѣ смятеній, такъ и отъ частыхъ наѣздовъ разныхъ заграничныхъ негодяевъ (гайдамакъ и Ногайцевъ), отъ чего этотъ городъ многократно былъ разграбленъ, сожженъ, разоренъ и почти съ землею сравненъ, къ крайнему для сего края вреду и опустошенію. Желая слѣдственно воскресить помертвѣвшую въ немъ дѣятельность, владѣлецъ его, рѣшился, собственнымъ иждивеніемъ, эти развалины въ такое привести положеніе, которое-бы для отечества славу, для здѣшняго края защиту, для народа Польскаго и здѣшнихъ жителей безопасность, пользу и разныя выгоды приносило. Съ тою цѣлью весь городъ будетъ окруженъ такимъ

укрѣпленіемъ, какое болѣе всего его мѣстности свойственно. Онъ будетъ обнесенъ высокимъ и крѣпкимъ палисадомъ и на 3-хъ углахъ онаго будутъ возведены пентагономъ бастіоны. Внутри города всѣ улицы и дома такъ будутъ расположены, что всѣ онѣ отъ упомянутыхъ бастіоновъ и батарей защиту получаютъ, ибо зъ зади палисадомъ, а со стороны улицъ, рогатками будутъ укрѣплены. На площади или рынкѣ устроена *гьлда* (gielda, ратуша), съ 20 лавками, для склада и продажи товаровъ, такъ устроенными, что онѣ и внутри хорошо запираются, а извнѣ, новаго рода укрѣпленіемъ *ad portam*, 4 среди города находящихся бастіоновъ, защищаться могутъ. Всѣ эти постройки, на счетъ помѣщика, а нѣсколько домовъ съ его пособіемъ, нынѣшній-же день начаты.

«Кромѣ сего владѣлецъ города Умани, желая искреннее свое о пользахъ края попеченіе, всему государству сообщить, даруетъ оному слѣдующія, интересамъ даже владѣльца противныя свободы, облегченія и преимущества:

1. Всѣмъ городскимъ обывателямъ, въ Умани дома имѣющимъ, всякій родъ торговли, закономъ не запрещенной и продажа напитковъ, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, позволяется безъ заплаты какихъ-бы то ни было податей и сборовъ. По истеченіи сего срока, хотя таковой платежъ учредится, но будетъ гораздо меньше противу другихъ городовъ.

2. Для вящшей городу и его жителямъ безопасности, число такъ иностранной, какъ и козачьей милиціи, будетъ значительно умножено.

3. Учреждаются ярмарки въ праздники ниже сего поименованные, для свободной, безъ всякихъ пошлинъ торговли, такъ для своихъ, какъ и для приѣзжихъ людей: медомъ, воскомъ, хлѣбомъ, саломъ, водкою, мѣхами, кожами, рыбою, сукнами, мануфактурными издѣліями и всѣми другими предметами, равно какъ и лошадьми, скотомъ и овцами.

4. Для поощренія такой торговли и умноженія дружескихъ сношеній съ сосѣдними государствами, позволяется всѣмъ поселянамъ и жителямъ Уманской волости, уже не однимъ откупщикамъ (*agendarzani*, продавцамъ питей), какъ это до сихъ поръ водилось, но свободно торговать въ Умани на ярмаркахъ медомъ, воскомъ и другими сельскими произведеніями.

5. Всѣ ярмарки будутъ трехъ-дневныя, одна только на Св. Іоанна Крестителя будетъ двухъ-недѣльная. Въ это-же время будетъ въ первый разъ открыта свободная винная продажа.

6. На всѣхъ такихъ ярмаркахъ, а особенно упомянутой двухъ-недѣльной, для совершенной купечества и покупателей безопасности, къ обыкновенному въ городѣ гарнизону, еще военная сила прибавлена будетъ.

7. Всѣмъ на ярмарки ѣдущимъ, въ особенности-же заграничнымъ купцамъ, какъ Русскимъ,

такъ Турецкимъ и Татарскимъ подданнымъ, для вящей ихъ безопасности, по требованію ихъ, посланному въ Уманскій замокъ: что они къ Польскимъ границамъ приближаются, надлежащій конвой немедленно данъ будетъ. Равный конвой сопровождать ихъ будетъ и при отъѣздѣ во свояси.

8. Иностранные гости какъ восточныхъ народовъ, такъ и Русско-подданные, чрезъ рѣку Бугъ безденежно будутъ перевозимы, а въ Умани квартиры и сѣно для лошадей получаютъ.

9. Пригоняющимъ для продажи: стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, нужныя и выгодныя пастбища, а на ярмаркахъ рынки, отведены будутъ.

10. Для приохоченія иностранныхъ торговцевъ и усиленія репутаціи самыхъ ярмарокъ, владѣлецъ изъ своихъ доходовъ, нѣсколько тысячъ золотыхъ отпускать будетъ.

11. Иностранцамъ, имѣющимъ свойственные своей земли товары, какъ то: сукна, мануфактуры, бакалію, соль, рыбу, кожи, медъ, воскъ, сало, вино горячее и пр., — еслибъ таковыхъ на ярмаркѣ не продали или на другіе товары не промѣняли, дозволяется въ городѣ безъ всякой за то платы складывать и хранить до слѣдующей продажи.

12. Сверхъ того, всѣмъ иностраннымъ подданнымъ: Русскимъ, Турецкимъ, Татарскимъ, Молдавскимъ и др. государствъ, такожь всѣмъ къ Уманской волости принадлежащимъ и внутри

королевства живущимъ всякаго званія людямъ , всеобщее дается позволеніе, основывать себѣ жилища въ Умани, строить тамъ дома, заниматься торговыми и др. промыслами, винною продажею и пр., подъ защитою и покровительствомъ самаго владѣльца».

Слѣдуетъ исчисленіе дней, назначенныхъ на ярмарки.

Подписали: «Енеральный Полковникъ, Комендантъ Уманскій, оберъ-штеръ-кригсъ-комисарь *Горжевскій*».

«*Яковъ Квяткевичъ*, комендантъ пограничный Тарговицкій».

№ 9.

Паспортъ, данный Железнякомъ.

1768.

«Объявители сего *Останъ Поломанный* и *Останъ Бочка* съ своими товарищами, слѣдуютъ съ горѣлкою въ возы девятнадцать, въ Сѣчь, которымъ явившимся въ лагерь войска Запорожскаго, зъ канцеляріи дано сіе свидѣтельство, дабы свободный былъ пропускъ вездѣ, такъ отъ проѣзжающихъ войска Запорожскаго козаковъ, яко и на границѣ, до уроченнаго имъ мѣста сюда и

туда обратно былъ чиненъ, по силѣ Высочайшихъ указовъ. Въ которыхъ при возахъ находится еще 6 коней, для перемѣны случающагося несчастія, въ которыхъ свидѣтельствуя, не дѣлать и малѣйшей обиды просимъ. А для лучшаго вѣроятія и подтвержденія, собственною своею рукою подписуюсь.

«Пок: Максимъ Железнякъ».

Помѣта. «По сему билету, означенные въ немъ Польскіе жители, слѣдующіе до Сѣчи Запорожской чрезъ форпостъ Орловскій з'Польщи, съ указнымъ досмотромъ пропущены. 1768 году Іюня 19.

«Маіоръ Владиміръ Вульфъ».

№ 10.

Ордеръ Румянцова.

1768.

«По секрету».

«Господину Атаману Кошевому Сѣчи Запорожской *Калнишевскому*, съ войсковою старшиною и товариствомъ.

«Въ прибавокъ прежнимъ извѣстіямъ объ азарничествахъ Запорожскихъ гайдамакъ, проис-

ходящихъ въ Польшѣ, о чемъ я послалъ къ вамъ ордеръ Іюня отъ 30 дня¹. Теперь меня рапортуетъ пѣхотнаго Козловскаго полку, состоящаго въ крѣпости Св. Елисаветы, полковникъ *Корфъ*, что сіи злодѣи не только умножаютъ лютости свои въ Польшѣ, но пускаясь уже нападать и на области Ханскія, какъ купцы крѣпости Св. Елисаветы дали сказки, — что 18 числа прошлаго Іюня, въ бытность ихъ въ Польскомъ мѣстечкѣ *Пальевома озеръ*, приѣхало туды человекъ до 300 Запорожскихъ козаковъ, и бывшихъ тамо Поляковъ и Жидовъ умертвили, и когда де нѣкоторые изъ нихъ спаслись бѣгствомъ въ Ханское мѣстечко Балту, то они и оттудова требовали ихъ выдачи и получа отъ тамошняго каймакана въ томъ, отказъ, оныя гайдамаки, подкрѣплены будучи прибывшею къ нимъ еще партіею, въ нѣсколько сотъ человекъ съ 4 пушками, произвели съ Турками сраженіе, и напавъ на самое мѣстечко Балту, убили тамъ многихъ жидовъ и Поляковъ укрывшихся, и принудили оттуду Турковъ бѣжать, чиня погоню за ними. Вездѣ-же сіи злодѣи, такъ въ Польшѣ, яко и по границѣ Турецкой разглашаютъ, якобы они посланы по Е. И. В. Указу. — А находячейся въ Гарду Запорожскій писарь *Быстрицкій* объявилъ маіору *Вульффу*, что онъ чаетъ, яко тѣ нападатели изъ числа команды Запорож-

¹ Къ сожалѣнію, этого одного ордера, въ дѣлахъ Запорожскихъ мы не отыскали.

ской, отправленной въ Умань. Вы съ симъ нарочнымъ безъ малѣйшаго замедленія дайте мнѣ отвѣтъ: какая и для чего отъ васъ команда отправлена въ Умань, какъ означенный писарь показалъ? И извѣстны-ли вы кто сіи Запорожскіе козаки, учинившіе вышеписанныя наглости въ областяхъ Польской и Турецкой? И для чего вы столько слабое смотрѣніе имѣете, что могутъ свободно изъ вашихъ подчиненныхъ выходить такіа разбойническія партіи, которыхъ своевольства, въ разсужденіи сосѣдственныхъ державъ, раждаютъ самыя худыя слѣдствія? И для того возьмите самыя строгія мѣры къ наказанію повинныхъ и ко истребленію всѣхъ подобныхъ своевольствъ, ибо вся тягость сихъ важныхъ произшествій, непременно ляжетъ на вашемъ отвѣтѣ».

«Генераль Графъ Румянцовъ».

«1768 года Іюля 2-го дня.

«Глуховъ».

№ 11.

Свѣденія о Железнякѣ и Уманской рѣзнь.

1768.

1. «1768 года Іюля 4, войска Запорожскаго Низоваго, козакъ куреня Донскаго, *Лавринъ Кантаржей*, въ канцеляріи онаго войска показалъ:

«Когда онъ по купечеству Польской области въ разныхъ дальнихъ городахъ былъ и слѣдовалъ уже обратно въ Сѣчь Запорожскую, *натоварясь* разными товарами, чрезъ Польскій городъ Умань 9-го числа, то засталъ подъ Уманью стоящаго въ двухъ тысячахъ войска, называющаго себя Запорожцами, при 30 прапорахъ и 15 пушкахъ, подъ командою полковника Максима Железняка; къ которому какъ онъ явилъ себя и просилъ его, чтобъ отъ его команды, какъ тамъ въ простойкѣ, такъ и въ пути ему не учинилось какого худа и на товаръ—бы его, который стоялъ подъ селомъ Березною нападенья небыло, — то оный Железнякъ созвалъ своихъ сотниковъ двухъ человекъ и далъ ему Кантаржею отъ себя свидѣтельство, чтобъ вездѣ отъ его команды свободный проходъ, даже до границы Россійской былъ. При чемъ онъ Железнякъ ему Кантаржею хвалился, что де: «состоящій съ дивизіею въ Польшѣ Русскій генералъ Кречетниковъ, его благодарилъ чрезъ письмо, что онъ Умань въ конецъ разорилъ и всѣхъ въ ономъ Умани Ляховъ и Жидовъ вырѣзалъ». Самъ же онъ Кантаржей видѣлъ, что многіе зъ тамошнихъ Польскихъ подданныхъ католическаго, (т. е. православнаго) закона¹ люде, приѣзжаютъ къ нему съ разныхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ уже есть Ляхи и Жиды въ конецъ разорены, прося въ него Железняка начальства, и онъ Железнякъ всякого съ

¹ Ибо Поляковъ они называли *Латинцами*.

ихъ по достоинству жалуя, и даетъ отъ себѣ всѣмъ людямъ письменный приказъ, чтобы въ точномъ его всѣ смотрѣніи были и всѣ происходящія отъ него порядки оставались бы въ его власти, а ослушника жестокимъ штрафомъ страшая».

2. «1768 года Іюля 11, козакъ куреня Звоневскаго *Максимъ Высоцкій* сказкою показалъ:

«Въ бытность его сего году въ Польшѣ, по купечеству, чрезъ все весняное время, истекшаго Іюня 28, подъ Польскимъ мѣстечкомъ Уманью видѣлъ, что имѣющуюся по Украинѣ своевольствующую партію, состоящую въ немаломъ числѣ гайдамаковъ, между коею сказывался полковникомъ *Максимъ Железнякъ* (кои де по рѣчамъ отъ нихъ слышаннымъ, вышли съ монастыря Мотронинскаго, т. е. Лебединскаго въ 30 чел. и назбираны тамо (?), жилижъ зъ мужиковъ разоренія и умерщвленія чинили), — прибывши подъ Умань, находящегося въ Польшѣ Россійскаго войска, Каргопольскаго карабинернаго полку полковникъ Гурьевъ зъ Донскимъ полковникомъ, а какъ его зовутъ не упомнить, съ командою его атаковалъ и подъ карауль взявши, всѣхъ въ колодки позабивалъ» (и пр.).

№ 12.

Ордеръ Всеикова.

1768.

«Высокоблагородный и Высокопочтенный господинъ войска Запорожскаго Кошевой атаманъ, съ старшиною.

«Прежнимъ моимъ отъ 24 числа прошедшаго мѣсяца ордеромъ В. В. предписано: о проявившейся въ Польской Украинѣ вдругъ разбойнической, тако называемой, подъ именемъ Запорожскихъ козаковъ, гайдамацкой шайки, справку въ подчиненномъ вамъ войскѣ сдѣлать: не отлучился-ли кто изъ какого куреня, на такое Богу противное и безчеловѣчное злодѣйство и стараніе употребить, такое въ Кошѣ сдѣлать распоряженіе, чтобъ никто къ той шайкѣ не только явнымъ, но и тайнымъ образомъ пристать не могъ; но какъ между тѣмъ отъ находящагося при Орловскомъ форпостѣ маіора *Вульфа* мнѣ рапортовано, что 21 числа прошедшаго мѣсяца, помянутой злодѣйской шайки приѣхавъ въ пограничную Ханскую слободу Голту, нѣсколько человѣкъ, якобы Запорожскихъ козаковъ, съ крайнею продерзостью и звѣрскою яростью напали на оную слободу и укрывшихся отъ тиранства ихъ въ оной, нѣсколько человѣкъ Польскихъ шляхтичей и жидовъ, безчеловѣчнымъ образомъ измуча покололи и убили, между коими

и три Голтянскіе жидаы находились, а другихъ въ рѣку Бугъ потопили. Почему Голтянскій каймаканъ, опасаясь своего живота прибѣжище взялъ въ Орловскую слободу; и что при Гардѣ 24 числа минувшаго перешло чрезъ Бугъ рѣку до 30 чел. пѣшихъ и до 20 конныхъ Запорожскихъ козаковъ, кои въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты въ 15 верстахъ, расположились и что главный начальникъ реченной злодѣйской шайки, Максимъ Железнякъ, называющійся полковникомъ, имѣетъ при себѣ асаула съ перначемъ, одну хороговъ и 8 прапоровъ. То за необходимо признаваю В. В. чрезъ сіе, силу прежняго моего ордера подтверждая, найприлежнѣйше препоручить, удобовозможное съ вашей стороны распоряженіе и предосторожность употребить, чтобъ никто изъ подчиненнаго вамъ войска Запорожскаго козаковъ, отъ своихъ мѣстъ отнюдѣ отлучаться и къ сей шайкѣ пристать не осмѣлился, подъ опасеніемъ жесточайшаго *по обыкновеннымъ войска Запорожскаго правамъ* наказанія. Впрочемъ предаю сіе попеченію и благоразсмотрительному вашему распоряженію, о исполненіи, ожидать имѣю вашего обстоятельнаго рапорта.

«Вашего Высокоблагородія,

«охотный слуга

«Федоръ Воейковъ».

Кіевъ, 2-го Іюля 1768.

№ 13.

*Инструкція, данная Кошемъ Запорожскимъ для
поймки гайдамакъ.*

1768.

« Изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго,
высокоблагородному господину войсковому стар-
шинѣ, *Андрею Лукьянову,*

« Ордеръ ».

« Многими ордерами отъ Е. С. г. генераль-
аншефа и кав. графа Румянцова и г. генераль-
аншефа, губернатора Кіевскаго Воейкова, Кошу
предлагано: дабы къ збунтовавшимся въ Польской
области на Украинѣ, тамошнимъ подданнымъ на-
родамъ, во сообщество, зъ здѣшнихъ подчиненныхъ
никто уходить и оттуда, зъ нихъ-же бунтовщи-
ковъ въ сіи границы убѣгать не могли, къ сыску
и переловленію таковыхъ, взять отъ Коша всевоз-
можныя средства. О чемъ и Высочайшею Е. И. В.
граммотою, съ нарочнымъ оберъ-офицеромъ при-
сланною, войску Запорожскому Низовому стро-
жайше подтверждено. И хотя ко истребленію та-
ковыхъ злочинцевъ изъ войска Запорожскаго Ни-
зоваго, отправлены съ командами господа войско-
вые старшины: *Макаръ Нагай* и *Алексій Черный*,
но что и нынѣ полученными въ Кошѣ отъ висо-
кихъ генералитетовъ повелѣніями, строго при-

тверждается, означенныхъ шалостниковъ пересматривать и переловлять, для того въ Кошѣ определено: къ онымъ гг. старшинамъ еще команды приумножить и къ оной, съ довольнымъ наставленіемъ, опредѣлить васъ да полковника *Андрея Кѣйнаша*. Которую команду вы принявъ, имѣете слѣдовать въ Бугогардовое вѣдомство и по прибытіи туда, съ оными старшинами Нагаемъ и Чернымъ съѣхаться въ одно мѣсто, со всѣми командами. Гдѣ взявъ: Алексѣй Черный съ 10—Кейнашъ съ 9—Нагай съ 9—а вы съ 10 куреней козаковъ всякъ себѣ въ команду, съ оными расположиться ставками имѣете. А именно: Алексѣю Чорному съ низу въ р. Еланцѣ въ *Одерищахъ*, Андрею Кѣйнашу въ р. Чорномъ Ташлыкѣ въ *Робленой могилѣ*; Макару Нагаю въ *Бешбайракахъ*, а вамъ въ Мертвоводьи въ закрытыхъ здѣшнаго вѣдомства мѣстахъ; а имѣете вездѣ по границѣ, ставка отъ ставки, тамо безпрерывные дѣлать разъѣзды и всеприлежно: — не будутъ-ли убѣгать съ Польши въ здѣшніе мѣста, или не отважится-ли кто съ тудейшихъ подвластныхъ въ Польскую Украину въ единомысліе къ тамошнимъ бунтовщикамъ уходить, пересматривать и переловлять. А по переловленіи присылать со всѣмъ, что при нихъ будетъ до Коша, къ поступленію съ ними по надлежащему.

«Если-бы надъ чаяніе, съ сихъ злочинцевъ, за многимъ ихъ зборищемъ, гдѣ либо кому изъ васъ взять неудобно могло казаться, при такомъ случаѣ, одинъ къ другому въ ставки ваши нарочными

о дачѣ вамъ вспоможенія, давать знать; во времяжъ сопротивленія ихъ, поступать съ ними примѣрно, какъ съ разбойниками и нарушителями общаго блага.

«Ежели вамъ при разъѣздѣ по границѣ, въ какомъ мѣстѣ случится съѣхаться съ Крымскими Татарами и оныя васъ спрашиватымуть: зачѣмъ вы съ командами ѣздите? — вы имъ имѣете съ учтивостью, не оказывая ни чего суровости, объявить, что вы для переловленія, разсѣянныхъ Россійскими командами въ Польшѣ, гайдамацкихъ шаекъ находитесь; однакожъ того остерегаясь, чтобъ при случитья могущей иногда встрѣчѣ съ Татарскими разъѣздами, отнюдъ ни какой причины къ раздору не подавать, хотябъ иногда отъ Татаръ къ тому и поводъ поданъ былъ; но всѣми мѣрами отъ ссоръ убѣгать и уклоняться, отговариваясь, что такіе поступки зъ сосѣдственною дружбою ни мало ни сходственны, и если имъ какія обиды причинены, то должно жаловаться начальникамъ, отъ коихъ и справедливаго удовольствія ожидать имѣютъ. Въ Крымскіежъ границы отнюдъ и малѣйше вамъ не въѣздить.

«При семъ вашему при границѣ разъѣзду, присматривать: нѣтъ-ли гдѣ Татарскихъ собраній, и ежели есть, то въ какомъ они обращеніи и войсковой исправности и намѣреніи, секретнѣйше развѣдать и, по достовѣрному увѣдомленіи, Кошъ рапортовать; между тѣмъ въ своей дистанціи и въ разъѣздахъ будучи, имѣть крѣпкую и недре-

мательную предосторожность зъ денными и ночными отводными караулами. Въ сей командировкѣ будучи, такъ у чабановъ Крымскихъ, яко и ни въ кого, заграничныхъ и здѣшнихъ народовъ, отнюдъ ни чего не брать и не обижать и команды не ропускать и не сходить зъ степу, а быть всегда въ разѣздахъ, до нашего особаго къ вамъ веленія и что будетъ происходить, о томъ имѣете по часту Кошъ рапортовать.

«Атаманъ Кошевой *Петръ Калнишевскій*,
войсковая старшина и товариство».

1768 году Сентября 13.

НВ. Такія-же инструкціи даны старшинамъ: Алексѣю Черному, Макару Нагаю и полковнику Кѣйнашу.

№ 14.

Показанія при допросъ гайдамаковъ.

1768.

1. «1768 года Іюля 25 содержащійся въ войсковомъ секвестрѣ колодникъ, Польской области, Чигринской губерніи, села Чаплинецъ житель Федоръ Бондаренко, показалъ:

«Родился онъ полку Лубенскаго (Малой Россіи) Чигринъ-Дубровской сотни, въ с. Мочулевцѣ, отъ отца Василя Бондаря, нынѣ уже умершаго, званія посполитаго, а до смерти его, будущему ему еще малолѣтну невѣдаетъ для чего, по переходѣ оттуду, находились жительствовавшимъ Пол. области Чигринской губ. въ с. Чаплинцахъ, гдѣ и по смерти отцовской онъ Бондаренко, оставшись съ матерью, проживалъ сего году до Петрова поста. А въ Петровъ постъ, какъ за прибытіемъ, началъ объѣздить всѣ тамошнія околичныя села, въ томъ числѣ и въ Чапльинцы прибылъ, называющей себя Запорожскимъ козакомъ, Уманскимъ куреннымъ, нѣякись *Семенъ Неживый*, и при томъ объявлялъ что у него есть нѣякъсь *дозволеніе*, — а отъ кого? онъ Бондаренко, по своей простотѣ, не доискивался, — збирать *чату* (шайку), при коей быть ему командиромъ, и итти съ оною въ Лядщину, на искорененіе Ляховъ и Жидовъ; — то будучи тѣмъ дозволеніемъ, отъ него объявленнымъ увѣренъ, и при томъ смотрячи, что многіе тамошніе жители оставя свои жилища и въ нихъ не малыя имущества, вдаются ему въ команду, и онъ вдаля и съ нимъ вмѣстѣ итти, куда прикажетъ польстился. И такъ оставя мать свою въ домѣ таможь въ Чапльинцахъ и все свое имущество, къ нему Неживому въ тую чату, коей всей въ собраніи было до 100 чел. конныхъ и пѣшихъ, иныхъ съ ратищами, а иныхъ съ мушкетами, иныхъ же единственно только при шабляхъ, присовокупился.

За собраніемъ-же той чаты онъ Неживый, по вышесписанному въ Лядщину и никуда не ходилъ, но стоялъ съ оною въ тамошнемъ-же селѣ Медведовцѣ, около двухъ недѣль, и стоячи объѣздилъ околичныя Чигринской губерніи села и по онымъ гдѣ скоть самый только жидовскій находилъ, оный весь забравъ, не причиняя при томъ больше никакого грабительства, бою и обидъ, продавалъ разнымъ Мало и Великороссійскимъ и Лядскимъ купцамъ, а деньги отъ нихъ, по договоренной цѣнѣ отбирая, въ дуванъ (дѣлежъ) пускалъ, по своему разсмотрѣнію, кому что дастъ; коего дувану, и ему Бондаренку довелось разными числами собрать сто рублей. Какъ же полковникъ гусарскій, а какъ его зовутъ не знаетъ (*Чорба*), прибылъ въ пограничное село Галагановку съ командою и началъ многожды письменно требовать его Неживаго, съ тою собранною чатою къ нему приѣзду, подманомъ, для нѣякогось якобы съ нимъ Неживымъ уговору и совѣту. То онъ Неживой, съ тою своею чатою, въ коей и онъ Бондаренко счислился, отъ того села Медвѣдовки отправившись совокупно, и поѣхавъ подъ тую Галагановку, тую свою чату оставилъ подъ Чигриномъ; а самъ взявъ при томъ зъ собою, зъ числа тоей чаты бывшихъ сотника Каневскаго и писаря Медведовскаго, а какъ ихъ зовутъ, знать не можетъ, поѣхалъ къ оному Сербскому полковнику, для того совѣту; куды вслѣдъ за нимъ, для провѣданья, что тамо съ нимъ Не-

живымъ и прочими дѣлаться будетъ, съ тоей чаты и нарочный отправился. И какъ спустя нѣсколько времени поворотясь оттуду, (нарочный), извѣстиль онъ, что онаго Неживаго и съ нимъ отправившихся, полковникъ Сербскій побралъ подъ карауль, — то вся тая чата собравшаяся подъ Чигриномъ, тогдажь разбѣглась по разнымъ мѣстамъ. Онъ же будучи подговоренъ назвавшимъ себя козакомъ Запорожскимъ куреня Коренивскаго Павломъ, а прозванія его не вѣдаетъ, идти до Сѣчи, — до оной вмѣстѣ съ нимъ ишолъ и за доходомъ до хутора полковничьяго *Щербини*, коимъ владѣеть, какъ онъ слыхалъ, нѣякись Сербинъ Шорба (Чорба), онъ Павло тамошними жителями пойманъ. Онъ же Бондаренко бѣгомъ оттуду спасшись, дошелъ до Запорожскаго степу, на коемъ полковымъ старшиною Павломъ *Попатенкомъ* найденъ, взятъ и представленъ въ войсковую пушкарню».

2. 1768 года Сентября 13 войска Запорожскаго Низоваго, козакъ Минскаго куреня *Савка Таранъ*, въ войсковомъ секвестрѣ допрашиванъ, показалъ:

«Родомъ Малороссійскаго Лубенскаго полку, села Загуля, отъ отца *Игната Сухопара* и матки *Ефросиньи*, званія козачьяго, лѣтъ отъ роду 30; при отцу жилъ годовъ зъ 18. Отъ отца будетъ годовъ 10 зашелъ съ чумаками Малороссійскими на Запорожье и прибывъ до Сѣчи, явился въ ку-

рень Минскій, за атамана уже умершаго, *Товкачевскаго*, къ счисленію его тамъ куреннымъ.

«Отъ времени приходу на Запороже, при разныхъ козакахъ служилъ, чумаковалъ и по рѣкѣ Бугу въ рыбной добычи находался, безъ всякаго поткновенія, до Петро-Павлова поста сего году.

«Въ тотъ постъ на другой недѣлѣ, въ проживательствѣ его въ рѣчкѣ Грузкой, въ зимовнику куреннаго Минскаго, *Левка Рабошапки*, когда туды въ зимовникъ зъ Новосербскихъ селеній, отставный гусаръ Чернаго гусарскаго полку 4 роты (сел. Надлокъ) *Семенъ Саражинъ* приѣхалъ и его Тарана, да жительствовавшихъ тамъ же у Рабошапки, въ зимовнику куреня Минскаго козаковъ: *Остана Дона*, да *Ивана Вовка* и Платнеревскаго кур. *Олексу Дейнека*, совѣтомъ къ ходу въ Польшу на грабительство побудилъ, то онъ Таранъ, съ Дономъ, Вовкомъ и Дейнекомъ на то согласились. Къ приведенію чего въ дѣйство, изъ Грузкой отъ Рабошапки, въ предводительствѣ обозвавшагося межъ ими *ватажкомъ* одного Саражина, 5 ихъ человекъ ходило конно въ Польшу, подаваясь къ городу Бѣлой-Церкви, въ состоящее не вдалъ одного города село, зовемое *Жидовская-Гребля*, тамо по неимѣнію никого изъ жителей, не доставши въ грабежъ ничего, постигли однихъ ѣдущихъ въ Польской городъ Умань подъ защиту, отъ проходящихъ по тамошнимъ мѣстамъ гайдамацкихъ партій, *Ляховъ*, которые бросили возы.

и лошади и у нихъ 25 руб. денегъ¹ и разные фанты (вещи) заграбили».

Съ того села вернулись къ *Найденовымъ байракамъ* и въ балкѣ, тому грабежному чинили дуванъ. Послѣ ограбили какой-то хуторъ и въ Запорожье возвратились. Таранъ остался у рѣчки Черного Ташлыка, у козака Кущовскаго куреня *Максима Рота*. Оттуда еще нѣсколько разъ пустились на грабительство, наконецъ одинъ разъ когда съ добычи воротились они въ свое жилище — «по такомъ возвращеніи, говоритъ, извѣстясь, что за поимкою таковыхъ какъ и онъ Таранъ гайдамакъ, разъѣздныя команды ходятъ, опасаясь тѣхъ командъ, найдовался по разнымъ рѣчкамъ на степу, довольствуясь харчами (пищею), прозьбою съ зимовниковъ достаемыми. На послѣдокъ его, совокупившагося съ другими, съ имъ Тараномъ въ Польшѣ на грабительствѣ бывалыми: Дономъ, Кравцемъ и Иваномъ Пастридою, на устьѣ рѣчки Плетенаго Ташлыка, находячаясь при войсковыхъ старшинахъ: Макару Нагаю и Олексею Черномъ команда, сыскавъ, забрала; а отъ ихъ старшинъ присланы они до Коша»².

¹ Исчисленіе заграбленнаго имущества мы пропускаемъ, какъ вовсе не интересное; остальной допросъ представляемъ тоже сокращенно.

² Эти два показанія взяты на удачу, изъ слишкомъ 50 подобныхъ-же документовъ.

№ 15.

Краткое описаніе убійствъ (Rzezi), произведенныхъ въ городъ Умани Украинскою чернью, 20/8 числа Іюня мѣсяца 1768 года¹.

1. «Изъ актовъ (архива) Уманскаго монастыря Оо. Базиліановъ, извлечено слѣдующее повѣствованіе»:

«Откуда-бы произошло это ужасное событіе? трудно постигнуть и источникъ онаго отыскать; полагаю однакожь, соглашаясь и съ лѣтописцами объ этомъ писавшими, что оно было послѣдствіемъ ненависти, распространившейся въ Украинѣ, къ присоединенію церкви Греческой къ Римской, (т. е. къ Уніи).

«Съ одной стороны, помѣщики (Польскіе) Украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты (Уніятскіе) пылая усердіемъ къ единству церкви, и прежде и въ послѣдніе годы въ особенности, поощряли къ Уніи людей свѣтскаго и духовнаго чина. Съ другой же, уже не тайно, но открыто, вѣроятно по приказанію своего духовнаго начальства, *Мельхиседекъ Яворскій*, дизу-

¹ Буквальный переводъ съ Польскаго полуофициальнаго и полусхоластическаго подлинника. Должно помнить, что это пишетъ Уніятскій монахъ и въ XVIII столѣтіи. Мы просимъ извиненія за слогъ перевода.

нить (православный) игумень Мотронинскаго монастыря, началъ уговаривать жителей всей Украины, а преимущественно Смилянской, Черкасской, Жаботинской и другихъ губерній, — простой народъ и духовенство, — къ сохраненію или къ принятію схизмы, (т. е. православія) и удаленію отъ повиновенія Уніятскому митрополиту. Кажется даже, что съ особаго дозволенія православнаго епископа Переяславскаго *Гервасія Линовскаго*, онъ рѣшился давать благословеніе на постройку новыхъ Русскихъ церквей, посвящать оныя и народъ всегда Уніи сопротивлявшійся, къ себѣ привлекать. Вскорѣ Смилянская, Жаботинская и другія сосѣднія волости, къ этому образу мыслей были преклонены и тѣмъ легче, что многіе изъ чужестранцевъ, (т. е. Русскихъ Запорожцевъ) были съ ними въ родствѣ. Это было причиною, что чернь Украинская начала возмущаться и осмѣливалась изгонять, бить и наносить раны Уніятскимъ священникамъ, съ явнымъ непослушаніемъ митрополиту (Уніятскому), своему духовному пастырю, съ большимъ неуваженіемъ не только къ храмамъ господнимъ, но даже и Св. его тайнамъ.

« *Фелиціанъ Володковичъ*, тогдашній митрополитъ, видя пораженіе своего стада, какъ добрый и чуткій пастырь, не престалъ изыскивать средства, какъ-бы спасти заблудшія свои овцы. Потому прежде всего онъ рѣшился схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно въ его управленіе вмѣшавшагося человѣка. Что исполнивъ

удачно, содержалъ его сперва въ Радомыслѣ, а послѣ въ Дерманѣ на Волыни, — гдѣ сей послѣдній добровольно далъ сознаніе: кто его къ такимъ дѣйствіямъ побуждалъ и посылалъ; о чемъ мы уже сказали выше. Но ушедъ изъ заточенія извѣстными ему средствами, возвратился опять въ свой монастырь.

«Въ это время (кажется 1766 года), взволнованная однимъ козакомъ (Запорожскимъ) чернь, вооружилась было въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но разбитая Польскими войсками, за мятежъ противу церкви и своихъ помѣщиковъ наказана: козакъ и нѣсколько другихъ смертию, остальные тюремнымъ заключеніемъ и пр. Но этотъ бунтъ усмирень былъ не надолго. Въ 1767 году Россійскій Дворъ заключилъ съ Польшею договоръ, на сеймѣ 1768 г. въ Варшавѣ утвержденный, на счетъ *гваранціи*, т. е. обезпеченія цѣлости и неприкосновенности королевства. Исполненію этого договора, нѣкоторые Поляки противились и на тотъ конецъ, въ томъ же году составили въ Барѣ (мѣстечкѣ Подольск. воеводства) конфедерацію, которой маршалами были: *Красинскій*, подкоморій *Рожанскій* и *Пулавскій*, староста Варецкій. Въ слѣдствіе сего всѣ Польскія войска, бывшія въ Украинѣ подъ командою *Воронича*, региментаря партіи Украинской, собрались въ Подоліи. Но козаки Украинскіе изъ помѣщичьихъ милицій: *Смилянскіе*, *Черкасскіе*, *Жаботинскіе*, *Уманскіе* и др. не были призваны

къ оружію, ибо и они сами тому противились, да и помѣщики ихъ неповиновенію способствовали, ожидая дальнѣйшихъ событій. Это подало явный поводъ къ нашему бѣдствію, особенно когда нѣсколько сотъ Запорожцевъ явились въ Польшу, съ вымышленнымъ указомъ Императрицы Всероссійской, утверждая, что Русское правительство намѣрено: истребивъ Поляковъ, Жидовъ и Русь уніятскую, освободить остальныхъ (жителей Украины) отъ Польскаго ига и присоединивъ къ Россіи, сдѣлать ихъ совершенно свободными.

«Всеобщее на Украинѣ мнѣніе было, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ упомянутый Мельхиседекъ, который благословлялъ поселянъ (?), на эту ужасную рѣзню, угрожая имъ страхомъ отлученія отъ церкви, или не разрѣшенія на исповѣди, въ случаѣ сопротивленія. Въ томъ-же сознавались и сами преступники приговоренные къ смерти. И вотъ истинное начало этого ужаснаго для Умани событія.

«Возмущаемая такимъ образомъ Украинская чернь, всегда питавшая ненависть къ Полякамъ, отказавъ въ повиновеніи своимъ владѣльцамъ, въ большомъ числѣ присоединилась къ Запорожскимъ козакамъ, которыхъ главою былъ Запорожець *Железнякъ*. Сей послѣдній избранъ былъ къ этому дѣлу самимъ Мельхиседекомъ, знавшимъ, что онъ будучи еще Запорожскимъ сотникомъ (?), произвелъ уже многія убійства и грабежи, въ наѣздахъ на пограничныя мѣста. Послѣ какъ-бы отъ упре-

ковъ совѣсти, Железнякъ отошелъ для покаянія въ Кіево-Печерскій монастырь. Мельхиседекъ вмѣстѣ съ другими монахами употребилъ всѣ усилія, чтобы Железняка, какъ извѣстнаго уже и опытнаго разбойника, къ себѣ преклонить и къ принятію начальства надъ другими негодьями уговорить. Извѣстіе о появленіи этихъ шаекъ такъ напугало помѣщиковъ и Евреевъ, что они въ большомъ числѣ, со всѣмъ имуществомъ въ Умань уходили, гдѣ ихъ столько собралось, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, всѣхъ помѣститъ не могъ. Потому всѣ улицы, предмѣстія, даже площадь наполнились обозами; однихъ поссесоровъ (откупщиковъ имѣній), считали тогда до 226, а студентовъ (учениковъ Базиліанской школы), которые почти всѣ погибли въ послѣдствіи, до 400 человекъ.

«Вскорѣ вѣсть, что гайдамаки къ городу приближаются, наполнила всѣхъ невыразимымъ ужасомъ. Католики начали готовиться къ смерти, а всѣ вообще спѣшили скрывать и зарывать въ землю всѣ драгоцѣнности, которыя и до сихъ поръ откапываютъ. *Оо. Ираклій Костецкій* ректоръ, *Епифаній Сахоцкій*, второй миссіонеръ¹, *Либерій Очаскій*, третій миссіонеръ, всѣ 3 монахи Базиліанскаго ордена и др. рѣшились остаться въ

¹ Мы уже сказали выше, что католическое высшее духовенство, называло Украину *partes infidelium*, а потому и поручало Базиліанамъ, какъ знающимъ Русскій языкъ, быть

монастырѣ, другіе—же монахи—учители числомъ 6, съ позволенія своего ректора, уѣхали на Волинь. Оставшіеся въ городѣ, въ теченіи трехъ дней: Пятницу, Субботу и Воскресенье, т. е. $17/5$, $18/6$, и $19/7$ число Іюня, до 8 часовъ утра, всѣхъ къ нимъ прибѣгающихъ исполненныхъ ужаса обывателей утѣшали, въ вѣрѣ святой утверждали, исповѣдывали и причащали, а въ 4 й день $20/8$ Іюня въ Понедѣльникъ, и они вмѣстѣ съ другими, ужасной смерти были преданы.

«Прежде нежели началась эта ужасная сцена, Младановичъ, губернаторъ Уманской волости, получилъ извѣстіе о подозрѣніяхъ, которыя имѣлись на Уманскихъ козаковъ, бывшихъ съ полковникомъ ихъ *Обухомъ*, на Новосербской границѣ. А потому Младановичъ призвавъ ихъ въ Умань, приказалъ сотника *Гонту* съ другими *началами* или офицерами козачьими, привести къ присягѣ на вѣрность своему помѣщику и городу; что Гонта и выполнилъ на ратушѣ предъ мѣщанами, обѣщавъ всѣми возможными клятвами, никогда имъ не измѣнить. Вскорѣ получено достовѣрное извѣстіе, что болѣе 500 гайдамакъ находится въ с. Соколовѣ близъ Умани и что они уже и къ этому городу пробираются; посему приказано было

миссіонерами, т. е. проповѣдниками и охранителями католицизма. Въ XVII вѣкѣ тоже дѣлами Іезуиты, и теперь еще находили мы поставленные ими, въ нѣкоторыхъ городахъ, близъ церквей и на улицахъ, высокіе каменные столбы, съ крестомъ наверху, — которые называются *миссіями*.

козачьему полку, оставя въ городѣ пѣхоту, со всѣми конными, коихъ до 700 было, идти на *подъездъ* (поиски) противу гайдамакъ. Вся надежда была на Гонту.

« Въ этой экспедиціи командовали оба полковника: *Обухъ* и *Магнушевскій*, но Гонта немедленно по отбытіи изъ Умани, подговорилъ козаковъ отрѣшить ихъ отъ должности, но изъ уваженія къ давней ихъ къ нему дружбѣ и заслугамъ, далъ имъ средства уйти за границу. Но и тамъ нѣсколько козаковъ ихъ преслѣдовало, изъ опасенія чтобы они Умани не предупредили, и чтобы городъ вполнѣ положившійся на Гонту, легче было захватить въ свои руки. Тогда соединясь съ гайдамаками, вѣроятно по прежнему уже уговору, козаки бросились къ городу, атакуя палисады и убивая защищавшихъ оныя христіанъ и жидовъ. Начальство заперло ворота, подняло мосты — и призвало къ оружію: капитана *Ленарта* съ надворною (т. е. дворянскою) пѣхотою въ числѣ 100 человекъ, дворянъ, жидовъ, пѣхотныхъ козаковъ и находившихся въ Умани конфедератовъ до 200 человекъ. Защищаться было легко, ибо имѣлись пушки осадныя и полевыя, множество оружія и довольно пороху, картечи и пуль.

« Къ защитѣ поощряли ихъ и Прусаци, прибывшіе туда въ числѣ 50 чел. за ремонтомъ лошадей, но сами видя явныя приготовленія къ битвѣ, не имѣя къ участию въ ней приказаній (отъ своего начальства), спокойно ретировались въ

тѣ самыя ворота, которые атакованы были гайдамаками. Легко было намъ надѣяться, что еслибы не измѣна (podstep), никогда-бы Умань не подверглась такому бѣдствію. Гайдамаки начавъ съ 7 часовъ вечера (19/7 Іюня), цѣлую ночь атаковали безпрестанно, стрѣляя изъ ружей и побуждая толпы поселянъ къ истребленію палисадъ; но поражаемые картечью и ядрами, потерявъ многихъ ранеными (которыхъ сей часъ уносили), — отступили.

« Видя такимъ образомъ, что силою ничего сдѣлать не могутъ, гайдамаки рѣшились употребить хитрость. Сотникъ Гонта съ своими началами подошелъ къ воротамъ со стороны лѣска *Грекова* и сидя на лошади, въ знакъ мира и безопасности для города, показывалъ осажденнымъ бѣлый платокъ на пикѣ, а другой такой-же послалъ къ губернатору *Младановичу*, приказавъ сказать ему, что такъ какъ онъ обѣщалъ вѣрность помѣщику и городу, такъ и теперь никакого имъ вреда сдѣлать не намѣренъ, лишь-бы онъ его съ козаками впустилъ; угрожая въ противномъ случаѣ самымъ жестокимъ мщеніемъ.

« Посланные отъ гайдамакъ хотя говорили просто, но такъ хитро, что убѣжденный губернаторъ, не позволивъ, или какъ другіе говорятъ, воспретилъ защищать городъ. Изъ чего, предчувствуя свою гибель, осажденные не надѣясь спасти жизни, тщились о спасеніи души, а потому одни въ *Базиліанской* церкви, другіе въ приходской исповѣдывались и получили полное разрѣше-

ніе. Другіе—же не помѣщаясь въ церквяхъ, приобщены были Св. тайнамъ чрезъ Базиліановъ на рынкѣ или на улицахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, страхъ извлекалъ слезы и стоны, всѣ другъ съ другомъ прощались, какъ—бы разставаясь на вѣки.

«Капитанъ *Ленартъ* и хорунжіи *Марковскій*, не соглашались съ Младановичемъ (на сдачу города) и хотѣли изъ пушекъ и ружей стрѣлять по идущимъ къ воротамъ гайдамакамъ, — но губернаторъ на то не позволилъ. Послѣ недолгаго спору ворота были отперты. Для встрѣчи Гонты и Железняка, высланы были почетнѣйшіе граждане съ хлѣбомъ и солью, по древнему обычаю, въ сопровожденіи старшихъ городскихъ чиновниковъ. Немедленно большая толпа негодяевъ ворвалась въ городъ, поставила караулы у обѣихъ церквей (католическихъ) и у Еврейской синагоги и окружила ратушу со всѣхъ сторонъ. Губернаторъ со всѣмъ семействомъ былъ взятъ и отведенъ въ домъ одного мѣщанина, гдѣ и оставался подъ строгимъ карауломъ. Гонта посовѣтовавшись съ Железнякомъ, закричалъ козакамъ: «нуте братцы пора начинаты дѣло». Тогда—то совершились жестокости, которыхъ и описать трудно. Первыми жертвами гайдамакъ были тѣ, которые попались на площади: кололи, рѣзали, убивали на улицахъ и по домамъ, безъ всякаго вниманія на лица, на ихъ прозьбы и слезы. Несчастныхъ дѣтей подкидывали вверхъ, или съ крышъ бросали на пики и такъ пробитыхъ если оставались еще живы, до-

бывали чѣмъ попало. Плачь, крики и моленія наполняли воздухъ; тамъ стонали беременныя женщины, которымъ пороли животы чтобы вырванный плодъ убивать жестокимъ образомъ. Остальная, неизмѣнившая милиція и конфедераты защищались еще но не долго, бывъ лишены предводителей; ибо Ленартъ сей часъ послѣ открытія воротъ ушелъ изъ города. Они убивъ и ранивъ многихъ гайдамакъ, всѣ безъ исключенія были истреблены.

« Когда уже не осталось никакого сопротивленія, гайдамаки бросились одни въ Базиліанскую, другіе въ приходскую (католическую) церковь. Въ сей послѣдней одинъ изъ атамановъ взбѣжалъ на амвонъ и тамъ ругая безстыднымъ образомъ присутствующихъ дворянъ, осмѣивая обряды и литургію, богохульствуя, ругаясь Св. тайнами, иконами и вѣрою Латинскою, — когда закричалъ на своихъ: «нуте убывайте», — тогда всѣ гайдамаки какъ бѣшеные ринулись на самыхъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей. Настоятель церкви *Вадовскій* проколотъ копьями у самага олтара; другихъ обнажали, топорами рубили, иныхъ пиками, ножами, дубинами смерти предавали. Старцевъ за волосы вытаскивали, женщинъ публично безчестили и убивали, дѣтей въ куски раздирали. Тоже происходило въ церкви Базиліанской: ранивъ ружейнымъ выстрѣломъ о. ректора *Костецкаго*, когда онъ раскинутые по земли для поруганія Св. дары (hostia) собиралъ и съѣдалъ,

пиками доби́ли и въ канаву бросили. Другихъ *Базиліановъ*: *Ивана Левицкаго*, вице-ректора; *Илію Магеровскаго*, *Либерія Очаскаго* и *Маевскаго*; вывлекши изъ церкви и раздѣвъ, жестоко били, требуя чтобы они показали, гдѣ скрыты вещи церковныя и дворянами имъ отданныя на сохраненіе, но не нашедъ ихъ въ показанномъ погребѣ, ибо уже другіе грабители все утащили, привязавъ къ большимъ палкамъ, били ихъ по лицу, по головѣ и плечамъ нагайками, древками пикъ, палками, кололи ихъ, ведя съ насмѣшками и ругательствами вокругъ ратуши и уже полумертвыхъ отдали подъ стражу въ домъ мѣщанина *Игнатія Богатаго*. Но вскорѣ по просьбѣ православнаго священника Св. Михайловской церкви (?) эти несчастные были выведены на улицу и близъ этой церкви умерщвлены и брошены на поруганіе черни¹.

« Не меньшимъ жестокостямъ подверглись и *Жиды*, которыхъ въ одной синагогѣ перерѣзали до 3,000 душъ об. п. Страшно было видѣть ихъ плавающихъ въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ушей, обнаженныхъ, которыхъ добивали собравшіеся изъ ближайшихъ селъ поселяне. Многихъ изъ погребовъ, рвовъ и другихъ мѣстъ, гдѣ они скрывались, вытаскивали, хватали и какъ стадо животныхъ въ одно мѣсто сгоняли. Тутъ ихъ самыя даже женщины, ожесточенныя при-

¹ Не должно забыть, что это писали враги православія, *Базиліане*, т. е. *Уніаты*.

мѣромъ мужей, дубинами, ножами, лопатами, серпами рѣзали и убивали, даже дѣтей своихъ къ этой жестокости принуждая. Не только дворянскіе дома со всѣмъ въ нихъ бывшимъ имуществомъ, но мертвыхъ съ одеждъ обдирали, и даже церкви (католическія) были разграблены; вся безъ изъятія добыча къ Гонтѣ была приносима. Одни снявъ съ убитыхъ одежду, немедленно скидывали свои лохмотья и въ нее наряжались, другіе сидя на олтарѣ, лапти скидали и захваченные сапоги надѣвали. Одинъ изъ атамановъ именемъ *Тытыкъ*, сохранившій еще немного уваженія къ святынѣ, схватилъ было чашу съ дарами, завернутую въ *воздухи*, уносилъ ее въ церковь православную, — но гайдамаки отобравъ ее, бросили Св. дары, топтали ихъ ногами въ крови наполнявшей помость церковной. Одни ломали кресты и ругались ими, другіе въ церковныхъ облаченіяхъ пускались на безчинства, третіе завладѣвъ дискосами (*patena*), дыравили ихъ и носили на лентахъ вмѣсто орденовъ, или изъ священныхъ сосудовъ пили горячіе напитки.

«Упитанные кровью своихъ соотечественниковъ и помѣщиковъ, гайдамаки истребивъ въ теченіи 7-ми часовъ болѣе 18,000 душъ (??) разнаго сословія, начали смиряться и желая пощадить остальныхъ жителей, постановили окрестить или обратить ихъ въ православіе, посредствомъ прежде употреблявшагося обряда трикратнаго погруженія въ Св. купели. Такимъ образомъ при-

гнаны были оставшіеся въ живыхъ католики въ Св. Михайловскую церковь, гдѣ было назначено крещеніе. Священникъ этой церкви, считавшій тайну крещенія совершенную Уніятами неважною, охотно на то согласился. Не смотря на сопротивление малаго числа, обрядъ былъ совершенъ. Три только лица предпочли смерть вторичному крещенію; остальные обращенные, были разобраны гайдамаками.

«Того дни уже подъ ночь, нѣсколько козаковъ изъ любопытства начали добывать одну запертую башню, находящуюся на западной сторонѣ замка. Тамъ скрывался землемѣръ Потоцкаго *Шафранскій*, который немедленно пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ одного изъ нападателей. Испуганные гайдамаки, пригнали къ дверямъ поселянъ, вооруженныхъ топорами, чтобы изрубить ихъ, другіе направили туды пушку и сдѣланнымъ выстрѣломъ убили слугу Шафранскаго, скрывавшагося подъ крышею. Не смотря на защиту Шафранскаго и смерть нѣсколькихъ гайдамакъ имъ застрѣленныхъ, онъ былъ схваченъ и изрубленъ.

«Ожесточенная душа Гонты бывшаго причиною столькихъ жестокостей и толикихъ бѣдствій, могла-бы кажется уже успокоиться, но разъяренный жестокостью и жаждою мщенія онъ не могъ забыть о Младановичѣ, котораго онъ ненавидѣлъ по слѣдующей причинѣ. Покойный воевода (графъ Францъ Потоцкій) узнавъ о безпокойствахъ на Украинѣ, желая обезопасить свои Уманскія по-

мѣстья, за нѣсколько недѣль до настоящаго произшествія, написалъ ласковое письмо къ Гонтѣ, обѣщая ему хутора, уже имъ владѣемья, передать въ собственность, а двѣ деревни въ пожизненное владѣніе (dożywocie) оставить, лишь-бы онъ защищалъ его Украинскія имѣнія, а преимущественно Умань. Младановичъ изъ зависти или изъ презрѣнія къ Гонтѣ, или по другимъ причинамъ, письмо это ему не отдалъ и даже не показалъ. О чемъ онъ прежде еще кое-какъ узнавши, когда въ имуществѣ Младановича ему доставшемся, нашелъ и самое письмо, приказалъ привести его къ себѣ и съ гнѣвомъ ему сказалъ: «измѣнникъ! ты «далъ поводъ ко всѣмъ этимъ жестокостямъ, ты, «(показывая на мертвыхъ) причиною разлитія «этой крови! Чему ты не показалъ мнѣ письма «нашего пана? Что ты выигралъ скрывши его»? и ударилъ его по головѣ саблею. Младановичъ, окровавленный упалъ къ его ногамъ и тутъ-же былъ изрубленъ козаками. Его жена и дѣти¹ не смотря на ихъ просьбы и горькія слезы, были обнажены и среди безстыдныхъ ругательствъ и насмѣшекъ исколоты пиками.

«Въ то же время привели въ рубище одѣтаго и босаго *Скаржинскаго*, эконома Уманскаго, и не смотря на защиту Гонты, по требованію поселянъ

¹ Сочинитель вѣрно не зналъ о спасеніи дочери и 2 сыновей Младановича.

которыхъ онъ по своей должности долженъ былъ иногда наказывать, ружейнымъ выстрѣломъ убили.

«Ужасное зрѣлище! множество мертвыхъ тѣлъ вездѣ валявшихся и потоковъ крови, которою земля и даже стѣны домовъ были обагрены, и ожиданіе смраду отъ ихъ гніенія (ибо никого не погребали, считая ихъ недостойными преданія земли), не давали покоя душамъ убійць и не позволяли имъ долго оставаться въ городѣ. А потому всѣ они съ добычею перешли въ поле, къ югу отъ Умани лежащее и называемое *Карповка*; тамъ они устроили себѣ таборъ, укрѣпленный валомъ и пушками. Тамъ уже приступили къ раздѣленію и устройству гайдамацкой толпы на *громады*, или сотни и назначенію всему ихъ войску начальниковъ. Прежде всего при громѣ пушекъ и ружейной пальбы провозглашены: Максимъ Железнякъ гетманомъ, а Гонта полковникомъ, оба съ титуломъ князей; Железнякъ назвалъ себя княземъ Смилянскимъ. Другимъ гайдамакамъ назначены другія должности, тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе кто отличался жестокостью и числомъ убійствъ. Управление Умани поручено козаку *Власенкъ*, но тотъ собравъ довольно значительную сумму изъ податей Уманской волости и предугадывая судьбу гайдамацтва, ушелъ съ деньгами въ Молдавію.

«Новоизбранные чиновники начали дѣлать богатые пиршества; припасы доставлялись со всей околицы въ большомъ изобиліи, меду, вина и водки забрали до 160 бочекъ. Такимъ образомъ

всякій день, въ теченіи почти двухъ недѣль, пьянствовали и веселились гайдамаки среди восклицаній, музыки, танцевъ и разврата. Только Гонта не участвовалъ въ банкетахъ; его видѣли въ вѣчномъ безпокойствѣ, замѣшательствѣ и тревогѣ; не разъ онъ говорилъ своимъ: «братцы, сомнѣваюсь, чтобы мы выпили все то пиво, которое наварили».

«Въ то-же время приступили къ дѣлежу награбленной добычи: изъ суконъ, шелковыхъ одеждъ, мѣховъ, парчей и разныхъ другихъ вещей, уложили нѣсколько грудъ (mogił). Кромѣ немалаго количества денегъ и часовъ, одного серебра въ ломъ было 6-ть сундуковъ. Железняку кромѣ множества разныхъ дорогихъ вещей, досталось три сундука серебра, которое сейчасъ-же продалъ за 10,000 (злотыхъ) одному Кіевскому купцу, хотя оно стоило гораздо дороже. Остальное серебро и драгоценности достались Гонтѣ; прочее имущество раздѣлено гайдамакамъ, сообразно съ заслугами всякого во время убійствъ.

«Мертвыя тѣла, среди лѣтняго зноя, три дни лежавшія безъ погребенія, ужаснымъ зловоніемъ наполняли городъ и принудили оставшихся мѣщанъ просить Железняка и Гонту, чтобы трупы были прибраны. Но какъ столько ямъ трудно было выкопать, рѣшились бросить ихъ въ колодезь, вырытый на самомъ рынкѣ между восточною и сѣверною частью нынѣшней (1787) площади у ратуши. Колодезь, хотя часть мертвыхъ тѣлъ

была пожрана собаками, былъ однакожь совершенно ими наполненъ.

«Опомнившись послѣ пьянства какъ отъ омертвенія, гайдамаки вмѣсто того, чтобы смириться и прекратить убійства, составили совѣтъ, на которомъ положили разсылатъ въ ближайшія мѣстечка и села свои отряды на разбой и грабежи и для набора новыхъ ватагъ, которыя и такъ уже увеличивались наплывомъ крестьянъ. Тому изъ нихъ, кто больше убивалъ Поляковъ или Жидовъ обѣщано было высшее званіе. Такимъ образомъ въ мѣстечкахъ: Грановѣ¹, Тепликѣ, Дашовѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и ближайшихъ селахъ, Поляки и Жиды, равнымъ какъ и въ Умани подверглись жестокостямъ. Отъ того большая добыча ежедневно была привозима въ Гайдамацкій таборъ. Сотникъ Шило съ 50 конными козаками хорошо вооруженными и двумя пушками, бросился на Балту, мѣстечко лежащее на самой Турецкой границѣ, чтобы умертвить тѣхъ изъ Поляковъ и Жидовъ, которые еще тамъ оставались и которые забравъ свое имущество, ушли за р. Кодыму (въ Турецкія владѣнія). Гайдамаки требовали у Турецкаго паши, (т. е. каймакана), ихъ выдачу. Получивъ его

¹ Показаніе о Грановѣ несправедливо; мы сказали выше, что Грановскіе козаки остались вѣрны кн. Чарторійскимъ и защищали его волости. Въ этомъ мы убѣдились лично во время поѣздки въ 1843 году, ибо это преданіе сохранилось до нынѣ.

отказъ, хотѣли было уже воротиться въ свой таборъ, но неизвѣстно почему одинъ Турокъ убилъ Грека (?) изъ гайдамацкаго отряда. Сотникъ, разгнѣванный этою потерею, собравъ вдвое больше негодяевъ, такъ сильно ударилъ на Турокъ, что они не смотря на храбрую защиту, ушли изъ города, захвативъ изъ своего имущества только то, что было дороже. Шило хотя потерялъ одного изъ своихъ атамановъ и нѣсколько гайдамакъ убитыми, но до тѣхъ поръ своей атаки не прекратилъ, пока всею Турецкою стороною г. Балты не завладѣлъ¹ и пока всѣхъ въ городѣ не умертвилъ. Вскорѣ прибыли на помощь городу Татары (Буджацкіе Ногайцы), но поздно, ибо гайдамаки захвата что могли лучшаго въ городѣ, живо убѣжали.

«Когда этотъ сотникъ или другіе гайдамаки возвращались съ экспедиціей съ добычею и новобранцами, въ таборѣ встрѣчали ихъ пушечною и ружейною пальбою, восклицали и богатыми въ ихъ вкусѣ пиршествами угощали. Но вскорѣ эти утѣхи превратились въ горестъ для гайдамакъ, а въ утѣшеніе для государства. Среди самаго разгара пировъ и шалостей, донесли Железняку и Гонтѣ, что Русскій поручикъ *Кривой* съ 60-ю козаками въ городъ прибылъ. Сильно испугались разбойники, и положили было вести себя осторожно и избѣгать сношеній съ Русскими солда-

¹ Въ 1750-хъ годахъ одна половина города Балты принадлежала Польшѣ, а другая Турціи, т. е. хану Крымскому.

тами, но умный поручикъ такъ ловко умѣлъ увѣрить гайдамакъ въ своей искренней дружбѣ, что убѣжденные Железнякъ и Гонта не только его къ себѣ на банкеты приглашали и подарки ему дѣлали, но даже согласились чтобы онъ свои вмѣстѣ съ разбойничими поставилъ караулы. Чтобы однакожь оправдать свои дѣйствія предъ Русскимъ офицеромъ и тѣмъ болѣе съ нимъ сблизиться, гайдамаки показали ему упомянутый выше указъ Императрицы, Мельхиседекомъ изобрѣтенный, изъявляя ему готовность исполнить всѣ повелѣнія Ея И. В. и въ Ея службѣ и послѣднюю каплю крови пролить. Для того они предлагали вмѣстѣ съ козаками (Донскими) идти въ Бердичевъ, для уничтоженія тамъ конфедератовъ. Все это похвалилъ поручикъ, обѣщая, что имъ будетъ сопутствовать цѣлый полкъ карабинеръ, который уже приближался къ Умани. Но онъ требовалъ прежде, чтобы тѣ изъ поселянъ (вооруженныхъ), которые имѣютъ свое хозяйство и семейства были оставлены въ домахъ, ибо они не могутъ выдержать военныхъ трудовъ и невыгодъ, а привязанность ихъ къ своему достоянію и семействамъ, кромѣ замѣшательства и непорядка, ничего другаго принести не можетъ. Между тѣмъ край опустѣетъ не имѣя рукъ для занятія хлѣбопашествомъ.

«Мнѣніе его одобрено и сдѣлано обвѣщеніе, что всѣ вышеупомянутые люди, равно какъ и тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ довольно мужества къ перенесенію трудовъ и приключеній, свойствен-

ныхъ военному быту, особенно во время походу, могутъ оставить войско (гайдамацтво) и въ дома свои возвратиться. Въ самомъ дѣлѣ многіе крестьяне этого приказу послушались, но гораздо большее число осталось на мѣстѣ. Наконецъ отданъ приказъ, чтобы всѣ готовились въ походъ вмѣстѣ съ Русскими войсками къ Бердичеву. Тогда поручикъ посовѣтовалъ гайдамакамъ приготовить пиръ для всей шайки, какъ-бы для возбужденія въ нихъ охоты и отваги. Тамъ всѣ гайдамаки такъ водкою и медомъ уподчивались, что едва-ли кто нибудь остался въ силахъ или при здоровомъ умѣ. Русскіе солдаты побуждали къ пьянству, но сами совершенно трезвы остались.

«Когда уже Железнякъ и Гонта хорошо опьянѣли, поручикъ притворясь пьянымъ, вмѣстѣ съ Железнякомъ и Гонтою поѣхали на свою квартиру въ городъ. Когда они пробыли тамъ нѣсколько времени, среди дружеской бесѣды, — получаетъ онъ наконецъ свѣденіе, что карабинеры уже не далеко отъ гайдамацкаго табора; — тогда приказалъ онъ Гонту, Железняка и еще нѣкоторыхъ къ нему пришедшихъ гайдамакъ крѣпко заковать въ желѣза. Оцѣпнѣли отъ ужаса Железнякъ и Гонта, когда Донцы бросились на нихъ, и изъ опасенія чтобы крикомъ не возмутятъ другихъ, забили имъ рты кляпами, а послѣ били ихъ по лицу и крѣпкими дѣпьями связали. Сидя въ одномъ углу

комнаты, только кивая головою они могли оплакивать горькую участь, которую вмѣстѣ заслужили.¹

«Когда это происходило съ Гонтою и Железнякомъ, Донцы и карабинеры окружили таборъ. Это еще не испугало гайдамакъ, принявшихъ ихъ за союзниковъ, — но когда услышали приказъ немедленно положить оружіе, *Тома* эсауль, закричалъ: измѣна! измѣна! и схвативъ оружіе, нѣсколькихъ Донцевъ убилъ, пока окруженный другими не погибъ и самъ. Другіе гайдамаки тоже хотѣли защищаться, но паническій страхъ, съ похмѣлья и безъ предводителя, объялъ всѣхъ такъ, что они сейчасъ-же покорились. Большая часть пьяныхъ или во снѣ не знали даже о своей участи. Русскіе солдаты начали немедленно однихъ вязать веревками, другихъ забивать въ колодки, въ чемъ помогали имъ поселяне, призванные изъ села Городецкаго, какъ ближайшаго къ Умани. Но какъ все это происходило ночью, то нѣкоторые подъ брюхомъ лошадей прошедши, убѣжали, но и тѣ послѣ схвачены. А когда и веревокъ и колодокъ не стало, карабинеры окружа разбойниковъ со всѣхъ сторонъ, до утра продержали, а послѣ уже въ погреба и ямы запирали.

«Съ начала забраны у гайдамакъ лошади, оружіе, аммуниція и все заграбленное имущество и

¹ Г-жа Кребсъ говоритъ, что Железнякъ ушелъ прежде арестованія Гонты; мы послѣдовали этому рассказу какъ болѣе сходному съ Запорожскими документами.

передано къ полковнику Нолкину (не Гурьеву-ли?) Послѣ цѣлыми десятками приводили негодяевъ для переписи, помѣщая въ одномъ регистрѣ заграничныхъ (Русско-подд.) разбойниковъ, а въ другомъ Украинскихъ, съ изложеніемъ ихъ преступленій. Всѣхъ-же со всего обдвирали. Железнякъ съ его соотечественниками отправлены въ Москву, гдѣ его били кнутомъ на площади, а послѣ сослали въ Сибирь. Туды-же былъ посланъ и упомянутый Мельхиседекъ, но сего послѣдняго вскорѣ простили, воротили въ Кіевъ и сдѣлали архимандритомъ. Польскихъ-же подданныхъ привели въ село *Сербы*, близъ пограничнаго города Могилева лежащее и отдали Обозному (коронному) Браницкому, который во все это время стоялъ тамъ съ своею дивизіею.

«По окончаніи слѣдствія, въ томъ-же селѣ съ Гонты живаго содрали кожу, отрубили руки и ноги и вырвали сердце, а послѣ четверовали. Эту праведную казнь переносилъ онъ очень терпѣливо, ибо къ смерти онъ весьма прилично приготовился. Другихъ гайдамакъ казнили другимъ образомъ: рубили имъ головы, вѣшали, рубали одну ногу и одну руку, били розгами. Свидѣтели этихъ наказаній были Каменецъ и Львовъ, гдѣ повѣсили 200 негодяевъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Лещевъ и др. города, гдѣ по 5, 7 и 8 разбойниковъ казнили. И это было событіе 1768 года и конецъ мятежа Украинской черни, которая навлекши себѣ и другимъ соотечественникамъ гибель,

тѣмъ еще не мало свое отечество обидѣло, что край этотъ понесъ нѣсколько милліоновъ убытка потерей имущества, перешедшаго въ чужіе руки, (къ Донцамъ)».

Приписка: «Какъ это описаніе *Ръзни*, выписано вѣрно изъ актовъ Уманскаго монастыря, въ томъ своею подписью и приложеніемъ печати свидѣтельствуемъ: въ Умани 2-го числа Декабря, 1787 года.

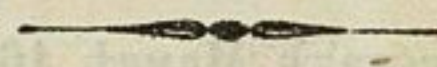
«Ксендзъ *Іосифъ Моргулець*,
ректоръ Уманскаго Монастыря».

«*Мацевичъ*, В. Р. З. С. В. В.
(кажется Вице-Ректоръ Закона
Св. Василія Великаго?)»

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
1. Введеніе вмѣсто предисловія	7.
2. Глава I.	19.
3. Глава II.	39.
4. Глава III.	61.
5. Глава IV.	104.
6. Глава V.	128.
 7. ПРИЛОЖЕНІЯ.	
№ 1. Легенда о козакѣ Мамаѣ 1642	153.
№ 2. Молитва Евреевъ въ память убіенныхъ отъ гайдамакъ Немировскихъ, Барскихъ и другихъ братьевъ 1647 года	155.
№ 3. Другая такая-же молитва 1648 г.	158.
№ 4. Народныя пѣсни о Савкѣ Чаломѣ 1730-1743 г.	159.
№ 5. «Laudum boni ordinis» и пр. или мѣры, при- нятыя дворянствомъ Брацлавскаго воеводства, противу гайдамакъ и къ учрежденію помѣ- щичьихъ милицій 1750 г.	171.
№ 6. Молитва Евреевъ въ память Графа Браницкаго (1750 или 1768)	174.
№ 7. Распоряженія Коша Запорожскаго противу гайдамакъ:	
а). въ 1756 году	175.
б). « 1758 »	177.
с). « 1759 »	183.
№ 8. «Объявленіе о новоучрежденныхъ въ Польскомъ городѣ Умани ярмаркахъ и свободной въ немъ торговлѣ» 1761 г.	175.
№ 9. Паспортъ, данный Железнякомъ 1768 г.	191.
№ 10. Ордеръ Румянцова 1768 г.	192.
№ 11. Свѣденія о Железнякѣ и Уманской рѣвнѣ 1768 г.	194.

№ 12.	Ордеръ Воейкова 1768 г.	197.
№ 13.	Инструкція, данная Кошемъ Запорожскимъ для поимки гайдамакъ 1768 г.	199.
№ 14.	Показанія при допросѣ гайдамаковъ	202.
№ 15.	«Краткое описаніе убійствъ, произведенныхъ въ городѣ Умани Украинскою чернью 20/ ₉ числа мѣсяца Іюня 1768 года, сочиненное въ 1787 году	208.

ИМЕНА ЛИЦЪ,

*подписавшихся на книгу подъ заглавіемъ: «НАВЪЗДЫ
ГАЙДАМАКЪ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ», съ 1-го Января
по 6-е Февраля 1845 года.*

	Число вземп.
Е. С. Г. Намѣстникъ Кавказскій, Новороссійскій и Бессарабскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ М. С. Воронцовъ.	5.
Е. С. Двора Ея И. В. Статсъ-Дама Графиня Е. К. Воронцова.	5.
Е. В. » » » » Оберъ-Егермейстерша М. А. Нарышкина	5.
Е. П. Кіевскій Гражданскій Губернаторъ И. П. Фундуклей .	150.
Е. П. Г. В. Нефть (въ Ст.-Петербургѣ)	1.
Е. С. Дѣйс. Ст. Сов. Графъ М. Д. Толстой.	2.
» » Гвардіи полковникъ Князь Р. Н. Кантакузенъ	1.
» » Князь Шаликовъ	1.
Стат. Сов. А. М. Золотаревъ	1.
» » М. П. Щербининъ	1.
Л. Н. Кирьякова	1.
Г-жа Шеміотъ	1.
Е. П. Наказной Атаманъ Дунайскаго козачьяго войска ген-маіоръ Василевскій	1.
Колл. Сов. Евдокимовъ	1.
» » Д. А. Вороновскій	1.
Полковникъ Абаза	1.
ГГ. П. Ф. Золотаревъ	1.
» А. И. Тихоцкій	3.
» Бибииковъ	1.
» Джидай	9.
» Куриловъ	1.
» Афанасьевъ	1.
Полковникъ Каменскій	1.
Гвардіи штабсъ-капитанъ Павловъ	1.
Члены Од. Отд. Коммерціи Совѣта: Джемсъ Кортацци	3.
» » » Почет. Гражд. Ф. Л. Родоканаки	5.
» » » » » П. Ст. Ралли	5.
» » » Купецъ Деазарта	1.
» » » Иностр. гость Порро	1.

Почетные Граждане : Я. Гари	2.
» » С. Потаповъ	1.
Студенты Ришельевского Лицея: Кузинъ	2.
» » » Ганъ	1.
» » » В. Хоментовскій	1.
Г. Черни	1.
» Волоховъ	1.
» Портновъ	1.
Протоіерей Н. Соколовъ	1.
Одесскіе купцы: М. Лучичъ	1.
» » И. Ващенко	1.
Одесскіе Болгаре: Ст. М. Тошковъ	7.
» » Ст. Д. Тошковичъ	2.
» » В. Е. Априловъ	5.
» » Н. Палаузовъ	2.
» » Д. М. Тошковъ	1.
» » Н. М. Тошковъ	1.
Одесскіе купцы: Х. Эфруси	3.
» » Б. Трахтенбергъ	2.
» » Гальперсонъ	1.
» » А. Трахтенбергъ	1.
» » Е. Трахтенбергъ	1.
» » И. Бернштейнъ	1.
» » Е. Эбенштрейтъ	1.
» » С. Дерблихъ	1.
» » Л. Дерблихъ	1.
» » С. Рехельсъ	1.
» » С. Тейберъ	1.
» » Л. Штейнфинкель	1.
» » Г. Рейнгерць	1.
» » С. Кацинъ	1.
» » О. Френкель	1.
» » В. Гольдъ	1.
» » М. С. Эйгеръ	1.
Одесскій книгопродавецъ Григорьевъ	50.
» » Вильетти	50.
Г. Викторъ Бернацкій (въ Дубоссарахъ)	1.

2007080485